Николай ПОЛОТНЯНКО

БЕССТЫЖИЙ ОСТРОВ

Современный русский роман

Часть II

– 11 –

Новый день начался для меня с крепкого толчка в плечо. Я с трудом разлепил веки, проморгался и увидел Любу, которая была уже готова к утреннему променаду: в лёгкой майке, шортах, белых кроссовках, в руках — сумка с купальником и полотенцем.

— Догоняй, лежебока, — поцеловав меня в щеку, она направилась к выходу. — И не забудь сегодня явиться к своему начальнику.

— Для меня только ты начальник, — сказал я, поднимаясь с кровати, но жена меня не слышала, поскольку уже была полностью со своими духовными приятельницами, «рерихнутыми» особами бальзаковского возраста, которые, пользуясь тёплой погодой, устраивали время от времени коллективные омовения в зацветших липкой зеленью стоячих водах водохранилища.

Вечером я пообещал Любе, что пойду на пляж вместе с ней, утром почти пожалел об этом, ибо вовремя вспомнил, что собирался окунуться не для того, чтобы составить компанию жене, а совершенно с другими целями, скажем так, разведывательного характера, о чём вчера напомнил, прощаясь, Андрей Ильич:

— Как там себя чувствует оппозиция губернатору? Какие козни готовят против нашего благодетеля Семёна Семёновича? Они, наверно, тебя потеряли? Наведайся к ним на пляж, только далеко не заплывай.

— Какую лапшу приготовить для этой шустрой публики?

— Ври, что хочешь, только не завирайся, — посмеиваясь, сказал Козырев. — Брякни, что я, как и они, жажду справедливости и последние дни занят только тем, что думаю, как оказать поддержку их общественному движению. Кстати, как обозвала себя эта бражка?

— Движение за справедливость и достойную жизнь.

— Приятно слышать, что в России не перевелись ещё мечтатели и радетели о народном счастье, — усмехнулся Андрей Ильич. — Но, помнится, ты отзывался о них совсем по-другому?

— Никакие они не радетели: там собрались те, кто по самым разным причинам выпал в осадок после запрета КПСС и путча, к которым примкнули разочаровавшиеся в либерализме ельциноиды и просто дурачки с учёными званиями.

— Однако ты сбегай на пляж и узнай, все ли они там живы, здоровы, что замышляют? Наш губер опасается, что они как-нибудь самоликвидируются и этим доставят ему немало хлопот: надо будет создавать оппозицию самому, а это накладно. Но без неё — какая демократия? А она, зараза, сейчас важнее всего для губернаторского благополучия.

— А нам эти болтуны зачем? — засомневался я. — В «Народной Инициативе» самая полная демократия, англичане позавидуют.

— Ершову кто-то шепнул, что оппозиционеры надумали вовлечь в свою шайку моего Митю, — медленно произнёс Козырев. — Конечно, он взрослый человек, но нашей жизни не знает. Что-то запрещать ему я не собираюсь, да и бесполезно. Судя по тому, какая в нём уйма прекраснодушия, то он обязательно вляпается в какую-нибудь историю. Охотники подсобить ему в этом всегда найдутся, — Андрей Ильич прошёлся по кабинету, остановился возле распахнутого окна, через которое доносился шум городской улицы, и продолжил: — Митя — парень с норовом, это я ещё до истории с гусём понял. Потом, как по щучьему веленью, эта девица явилась. Из этих случаев я делаю вывод, что он не способен учиться на чужих ошибках. Ему, чтобы самому понять очевидную вещь, надо о неё обязательно споткнуться и крепко удариться. Когда-то я и сам таким был — во времена туманной юности, — и припоминаю, с каким трудом избавился от прекраснодушных иллюзий. И твоя задача — поддержать Митю, если он, не дай бог, споткнётся.

— Это дело не одного дня, — сказал я. — Как бы его не обидеть. Мне как, держать его всё время на руках или можно, когда надо, шмякнуть об асфальт?

— Делай как знаешь, — пробурчал Андрей Ильич. — Но не надо никаких радикальных сотрясений — ни ума, ни души. Митя мягок, из него можно лепить кого угодно.

После этих слов я понял, что хотя Козырев и ворочает сотнями миллионов долларов и от него зависит жизнь нескольких тысяч сотрудников «Народной Инициативы», но в глубине души он остаётся обыкновенным родителем, готовым потакать своему чаду буквально во всём. Я и сам ещё год назад был точно таким же отцом весьма дерзкой и острой на язык девицы, не знал, как управиться с ней без ругани и угроз, но, слава богу, явился мне на выручку долговязый и рыжий лейтенант, только что окончивший военное училище, и увёз мое чадо в Котлас, откуда она временами испускает обращенные к матери истерические вопли, что ей не на что жить. И Люба, наплакавшись в телефонную трубку Але, получает от неё конверт с деньгами, отправляет перевод и опять с головой погружается в светскую жизнь, которую ведут обеспеченные сытые бабы нашего славного и во всех отношениях похвального города.

Когда-то я взбегал на Венец без остановки и одышки, но служба в «Народной Инициативе», связанная с ненормированным рабочим днем и почти ежедневным пренебрежением к здоровому образу жизни, изрядно повредила моему самочувствию, и на кроссовую пробежку я давно не был способен. Сегодня даже с дивана поднялся с трудом и, кое-как умывшись, позвонил в офис концерна, чтобы вызвать служебную машину.

Свежая кремовая рубашка, белые джинсы и босоножки чешской выделки помогли мне вернуть уверенность в своих силах, чтобы совершить очередной микроподвиг во славу концерна. Глянув на себя в зеркало, я взял пакет с плавками и полотенцем, спустился со своего этажа вниз и, выйдя на улицу, сел в поджидавший меня «фордик».

День обещал быть жарким. Поднявшееся над Заволжьем солнце потеряло чёткие очертания и превратилось в жгучий сгусток огненного расплава, обильно сочившегося на истомленную многодневным зноем землю и серебристо-зеленоватое зеркало водохранилища, на петляющую по береговому склону дорогу к мостовому переходу. Возле него я покинул служебное авто и направился в сторону пляжа, где по бетонной береговой кромке прогуливались ведущие оппозиционеры нашего города, совмещая приятные и полезные воздушно-солнечные омовения с перемыванием косточек и перетряхиванием грязного белья всей руководящей головке региона.

Переодевшись в фанерной кабинке, я пристроился к оппозиционному шествию, прислушиваясь к тому, что глаголил вожак этой разношерстной компании, известный говорун и всезнайка, владелец и редактор антигубернаторской газеты «Стресс» Максим Синюгин. Моё появление не осталось незамеченным, шествие забуксовало, кое-кто стал останавливаться, чтобы поздороваться или окинуть пренебрежительным взглядом лакея и прихлебателя местного олигарха. На подобные язвительные поползновения я отвечал лёгкой усмешкой и ласковым взглядом, и понятно, почему: эти люди имели роскошь выражать свою неприязнь ко мне открыто, а я был на работе и выполнял поручение шефа, потому и вёл себя соответственно моменту — улыбался, шутил, словом, был и рубахой-парнем, и симпатичным мерзавцем.

Каждый из этой компании был человеком начитанным, некоторые имели учёную степень и в своём деле запросто могли поставить меня в глупое положение, но у меня было тайное оружие — импровизация, способность и умение ставить самых отпетых циников и умников в тупик, однако оно не потребовалось. Пока я просчитывал варианты, как задеть Синюгина за живое, тот взял инициативу на себя:

— У Козырева кишка тонка, чтобы встретиться напрямую с общественностью, и

он послал тебя?

— Меня послала сюда жена, — брякнул я. — Вон она тусуется с рерихнутыми бабами. Но я не пойму, при чём здесь Андрей Ильич? Потом, какая вы общественность? Вы, кажется, оппозиция?

Синюгин встряхнулся и притопнул босой ногой по бетонной дорожке.

— С губернатором бодаться бесполезно — он находится под защитой властных структур. А вот господина Козырева наше движение привлечёт к судебной ответственности. Что вы на меня уставились? Разве вам об этом неизвестно?

— Ровно ничего, — честно заявил я, догадавшись, что Андрей Ильич, посылая меня на встречу с оппозиционерами, намеренно усложнил задание, чтобы я разобрался во всём от начала до конца. — Может, хватит загадок? — меня охватило раздражение.

— Вчера я послал Козыреву факсом письменные требования общественности, чтобы он вернул остров народу.

— Ни больше, ни меньше? — хмыкнул я. — Вернуть народу? Это слишком общее понятие. Какой структуре вернуть? Ведь содержание острова стоит больших денег. Кто будет платить за освещение, отопление, ремонт зданий? Или вы собираетесь всё, что на острове построено, сжечь и вернуть его народу в том состоянии, в котором он был законным образом куплен «Народной Инициативой»? — Синюгин замешкался с ответом, и вместо него загалдели его сообщники. Первый раунд встречи с политизированной общественностью был явно за мной, это нужно было закрепить, и я крикнул: — Предлагаю продолжить дискуссию в воде!

Бухнувшись с разбега в реку, я долго не выныривал и гадал, последует ли Синюгин за мной, но когда пробкой выскочил из воды, то увидел рядом его круглую бритую голову. «С какой стати он прыгнул за мной следом?» — подумал я. И сразу же догадался, что заглавный оппозиционер решил переключиться с губернатора на олигарха по той причине, что губера он бичевал своими хлёсткими статейками забесплатно, без всякой надежды получить с него отступное, а с полумиллиардера Козырева за умелый и грамотный шантаж он мог поиметь кругленькую сумму в «зелени». Сопоставив свою догадку с напутственными словами Андрея Ильича, я понял, что редактор и владелец скандальной газетёнки вполне может использовать для осуществления своего плана простодушного Митю, который даже не подозревает, какие в нашем провинциальном болоте водятся опасные нечисти, если способен выложить всю свою подноготную первому встречному алкашу вроде поэта Чистякова. Синюгину вывернуть Митю наизнанку и выставить на посмешище всему городу не составит особого труда, причём он сможет это сделать без опаски получить бейсбольной битой по своей черепушке: Козырев никогда не прибегал к криминалу и если уничтожал тех, кто переступил ему дорогу, то в рамках действующего законодательства.

Я глянул на поблескивающую лысину Синюгина и с отвращением отвернулся в сторону другого берега.

— Свою позицию я обозначил, — заявил Синюгин. — Она предельно ясна: вернуть остров народу.

— Это я уже слышал. А что ты хочешь для себя, ненаглядного? Миллион?

— Деньги — грязь! — с пафосом продекларировал Синюгин.

— Стало быть, ты жаждешь справедливости?

— И её тоже, — сплюнув попавшую в рот грязь, сказал прожжёный газетчик. — Подплыви поближе — и я продиктую свои условия тебе на ухо.

— Подплыть — всегда пожалуйста, — и я стал приближаться к Синюгину. Затем поднырнул к нему вплотную и пнул между ног.

Синюгин завизжал что есть мочи и принялся колотить по воде руками и ногами. Визг вожака нашей оппозиции подхватили его соратники, поднялась суматоха, но никто на выручку Синюгину не поспешил, и мне пришлось присматривать, чтобы с ним не случилось лихо. Наконец он причалил к ступенькам бетонной лестницы, выполз на неё и принялся искать и плеваться, подрагивая отвислым брюхом.

Завывая подвесным мотором, к месту происшествия подлетел катер с двумя спасателями.

— Где утопленник? Этот?

Прямые вопросы не понравились Синюгину, и он пополз на четвереньках по бетонной лестнице на берег.

— Понятно! Да он на ногах не стоит и лыка не вяжет, — догадался рулевой катера. — Наверно, пьян ещё со вчерашнего. А ну-ка, все в сторону, отчаливаем!

Оставляя за собой пенный след, катер умчался в сторону вышки, украшенной разноцветными флагами, а Синюгина подхватили соратники и уложили на лежак, чтобы он набрался сил. Посоветовавшись, они решили вызвать для него такси и стали сбрасываться на оплату проезда.

Эта заварушка не прошла мимо моей востроглазой и примечающей всё вокруг

супруги, и она не замедлила явиться, чтобы провести собственное расследование.

— Кто это? — спросила она, указывая на лежак с распростёртым на нём телом профессионального оппозиционера.

— Говорят, что это жертва несчастной любви, — небрежно произнёс я. — Обыкновенная история: жена — изменщица, муж — растяпа, не нашёл ничего лучшего, как утонуть в зацветшем водохранилище.

— Но он шевелится, — строго глянула на меня жена. — У человека горе, а ты посмеиваешься. И ни грамма сочувствия. Нет, общение с Андреем Ильичом действует на тебя дурно. Вам обоим нужно заняться духовной практикой. Надо будет посоветоваться с Алей, как лучше это сделать...

Люба продолжала многословно развивать свою идейку, но я торопливо переоделся, бросил мокрые плавки в урну и побежал босиком по песку, держа в руке босоножки, к выездной дороге, чтобы перехватить направлявшееся к пляжу такси.

— Это вы вызывали? — выгнулся из машины молодой парень. — Куда поедем?

— В центр, — сказал я, захлопывая за собой дверцу. — Но не сразу, а сначала прокатимся по бетонной дорожке вдоль края берега. Надо глянуть на одного человечка.

Водитель не удивился моей просьбе и неторопливо проехал до кучки оппозиционеров, которые появлению такси очень обрадовались и стали помогать одеться Синюгину: один подавал ему штаны, другой — рубаху, третий — кроссовки. Но их оживление было недолгим: я велел таксисту притормозить машину и запечатлел на сотовый телефон поднимающегося с карачек вожака оппозиционеров и членов его шайки. Увидев, что его фотографируют, Синюгин от ярости взвыл и запустил в меня кроссовкой. Я перехватил обувку на лету и, крепко держа в руке, захлопнул дверцу машины.

— А теперь в центр.

— Как это следует понимать? — сказал Андрей Ильич, когда я, постелив на стол газету, поставил перед ним свой трофей. — С какой стати ты притащил этот стоптанный обносок?

— Это вещественное доказательство покушения на мою жизнь со стороны известного вам господина Синюгина. Не далее как четверть часа назад он запустил в меня кроссовкой в присутствии многих очевидцев данного злодеяния.

— Это любопытно! — оживился Андрей Ильич. — И чем же ты ему не угодил?

В нескольких словах, не живописуя, я рассказал о посещении пляжа. Но даже в сдержанном изложении моё совместное купание с вожаком оппозиции произвело на Козырева впечатление, хотя он сначала недоверчиво поглядывал в мою сторону, но потом принялся хохотать и стучать по столу ладонями, словом, впал в сильнейшее возбуждение, как малое дитя на впервые увиденном представлении клоуна. Таким своего босса я ещё не видел и стал беспокоиться за состояние его здоровья, но мало-помалу он успокоился, вызвал референта по общим вопросам и велел ему отвезти кроссовку в редакцию газеты «Стресс» и вручить законному владельцу.

— Скажи этому мудаку, что Андрей Ильич кланяется и советует ему переехать на постоянное место жительства куда-нибудь подальше, скажем, в Коста-Рику, — референт сгрёб со стола кроссовку вместе с газетой и удалился. Козырев стал серьезён, на скулах обозначились желваки. — Я ещё не доложил вам самое важное: Синюгин угрожает взбаламутить общественность и отобрать у вас остров. И он, кажется, настроен воинственно и бескомпромиссно.

— Знаю, — процедил сквозь зубы Андрей Ильич. — Он давно уже вокруг меня закладывает круги. Но я с поганцами дела не имею.

— Что ему надо?

— Так, пустячок. Хочет стать депутатом городской думы. Вот я и подумал: а почему ты до сих пор не депутат?

— Но до выборов ещё три года, — сказал я. — И вакансий нет и не предвидится.

— Вакансию можно организовать, — ухмыльнулся Андрей Ильич. — В гордуме по каждому второму депутату крупными слезами тюрьма плачет. Или тебе роль народного избранника не по нраву?

— Боюсь, что с депутатскими обязанностями мне не справиться.

— Твои обязанности посложнее депутатских. А я пока тобой доволен.

— Мы с вами сработались, потому что наши желания совпадают в самом важном пункте, — сказал я и выжидательно глянул на босса.

— И что это за пункт? — шевельнул бровями Андрей Ильич.

— Мне с вами комфортно, потому что вы не заставляете меня врать. Ваш Митя правильно говорит, что враньё для человека пагубнее любой отравы. И я склонен думать, что вы мне платите хорошие деньги только за то, что я всегда говорю вам правду.

Козырев пристально посмотрел мне в глаза и усмехнулся.

— Прозвучало, как объяснение в любви. Теперь, наверно, я должен сказать нечто подобное тому, что от тебя услышал, а может, тебя обнять?.. Но, в принципе, ты мыслишь верно: бизнес нуждается в правдивой, то есть соответствующей реальности, точной информации, и ты верно заметил, что я тебе плачу очень хорошие деньги за правдивые сведения, а не за какую-то отвлечённую правду. Правда, говорит наш архиепископ Пров, есть только у бога, а мы бултыхаемся во лжи, и о правде в наше время могут вякать только те, кто, подобно моему Мите, не знает российской действительности.

— Но иногда стоит пренебречь правдой, — сказал я, глядя мимо хозяина. — Синюгин — это такая опасная тварь, что, может, надо ему уступить и помочь взгромоздиться в депутатское кресло.

— Ты забываешь, что мне почти семьдесят лет, — проворчал Андрей Ильич. — В эти годы пора заиметь хоть какие-то принципы. Но сейчас речь идёт не о них: этот журналюга дурно пахнет, а после сегодняшнего случая просто воняет, поэтому прикасаться к нему я не хочу. Займись им сам, тем более что ты уже с ним почти разобрался.

— В каком смысле заняться? — насторожился я. — Может, поручить это ребятам Ершова? Они его по своим каналам процедят и найдут достойную для него уголовную статью годика на два поселения. Синюгин за это время угомонится, и от него не будет ни шума, ни пыли.

— Забудь, что ты сказал, и не умничай, — помрачнел Андрей Ильич. — Главное для меня на сегодня — уберечь от этого прохвоста Митю.

— Разве Синюгин на него что-то имеет?

— Ершов говорит, что у того в каждой ментовке есть осведомитель и поэтому о задержании Мити нарядом милиции ему известно. Не удивлюсь, если он завтра размажет этот эпизод в своей вонючей газетёнке, тем более, что после твоей выходки он, наверное, ошалел от злости и обиды.

— Что же теперь делать? — слегка подрастерялся я. — Извиниться?

— А вот этого никогда не делай, — погрозил пальцем Андрей Ильич. — Этой твари недоступны ни прощение, ни покаяние. Оставим это Ершову, этот случай по его части, пусть разбирается. А ты не выпускай Митю из виду. Надеюсь, он не омрачит мой день рождения какой-нибудь выходкой. Разузнай, что у него с этой девицей. Ершов так и не доложил мне толком, в каких они отношениях. Трахаются или только разговаривают?

— Насколько я понял, эта особа с норовом. Денег от Мити не взяла, он же хочет ей помочь, но как? У меня есть планчик, как совместить приятное с полезным и развести этих голубков со временем так, чтобы они сохранили друг к другу только приятные воспоминания.

— И что ты задумал?

— Надо лишить их взаимоотношения серьёзности и остроты. Надо заменить их игрой. Я имею в виду близкий праздник. Семидесятилетие — достойный повод, чтобы юбиляру принять поздравления от атамана всея гулевой Руси...

— Не продолжай! — воскликнул Андрей Ильич и погрузился в недолгое раздумье. — Значит, ты хочешь Митю обрядить в Стеньку Разина, а эту особу — в княжну? А она согласится? А он не взбрыкнёт?

— С какой стати? — удивился я. — Предложи вы губеру стать Стенькой Разиным, и он бы не отказался, только попросил бы отодвинуть праздник поближе ко дню выборов в Государственную думу. Мне важно знать ваше отношение к этому предложению.

— Возражений у меня нет, — сказал Андрей Ильич, — как и горячего одобрения. Но ты поговори с ними.

— Митя сыграет свою роль бесплатно, а ей надо заплатить и хорошо заплатить, чтобы она приняла эти деньги как отступное и отказалась от попыток захомутать парня. Какой суммой я могу располагать?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, — осклабился Андрей Ильич. — Но ты позвони Михаилу Прохорову, узнай, сколько стоили ему девки в Куршавеле? Столько и заплати.

Конечно, это была шутка. Но она означала, что Андрей Ильич и своё семидесятилетие не прочь был украсить ярким представлением, о котором раструбили бы по всей стране падкие на всё жареное газеты и телекомпании и задаром разрекламировали «Народную Инициативу» и её президента.

Крепко ошибаются те, кто думает, что богатеи тратят деньги без всякого счёта и на что им вздумается. Скажу сразу, это мнение не соответствует действительности, сужу по «Народной Инициативе», где каждая копейка строго учитывалась и тратилась в соответствии с требованиями рынка, то есть только на то, что было выгодно акционерам концерна. Празднование юбилея президента Козырева было предусмотрено финпланом, бумажная казуистика перекочевала из развитого

социализма в ельцинско-путинскую эпоху без всякого для себя ущерба, поэтому я взял листок бумаги и скоренько настрочил заявление на получение пятидесяти тысяч рублей для авансирования Митиной пассии после заключения с ней договора на участие в скоморошном представлении.

Андрей Ильич внимательно прочитал моё требование, кое-что зачеркнул и дописал.

— Не жмотничай! — нравоучительно произнёс он. — Что такое сейчас пятьдесят тысяч? Отдай этой, как её там, сто тысяч, а договор оформим на триста.

— Не много ли будет за такую уйму деньжищ всего один раз сигануть в Волгу?

— Даже мало, — хмыкнул Андрей Ильич. — Митина влюблённая блажь обойдётся мне никак не меньше пятиста тысяч рублей. Триста — за амортизацию этой особы и двести тысяч — отступные. Или я что-то не так говорю?

— Отступные — это уже лишнее. Митя вряд ли увлечётся ею всерьёз.

— Я плачу двести тысяч не за то, что она отлипнет от Мити, а за молчание в будущем, когда они разбегутся в разные стороны.

— А вдруг этого не случится? — сказал я, забрав подписанное заявление. — Или случится, но не так скоро.

— Тогда это обойдётся мне в такую же сумму, но в долларах, а может, в фунтах стерлингов, смотря по тому, где они захотят провести медовый месяц, — хладнокровно сказал Козырев. — Я им мешать не буду по той простой причине, что не смогу. Митя не беден, у него есть свой капитал, которым он вправе распоряжаться по своей воле.

Андрей Ильич повернулся к компьютеру и стал перечитывать статью сына, а я из его кабинета направился в бухгалтерию. Там за полчаса сварганил договор на оказание услуг гражданкой такой-то по проведению культурно-массового мероприятия для сотрудников «Народной Инициативы» на триста тысяч рублей, из коих сто тысяч ей вручаются в виде аванса немедленно, по подписании ею данного трудового соглашения.

Пока сотрудница распечатывала в четырёх экземплярах юридически безупречный документ, я созвонился с Митей и понял, что он не один.

— Только что пришёл Чистяков.

— За опохмелкой? Ты его балуешь. Повадился кувшин по воду ходить.

— Нет, он трезв. И от него пахнет одеколоном.

— Понятно, — догадался я. — Опохмелился «Шипром». Но ты никуда не уходи, я скоро буду. Кажется, я придумал, как помочь Соне.

Ответом мне было радостное восклицание влюблённого пробирочника, но я не стал выслушивать благодарности, сунул мобильник в карман, спрятал вычитанные экземпляры договора в папку, получил деньги и покинул офис концерна.

– 12 –

За квартал до Сониного дома я прибавил газу, и когда я подъехал к нему, Митя уже стоял на тротуаре и вглядывался в окна квартиры. Чистяков перетаптывался с ноги на ногу рядом с ним и явно намеревался сопровождать своего приятеля, куда бы тот ни пошёл.

— Охраняй машины! — сказал я ему весьма пренебрежительным тоном. — Свидетель нам не нужен.

— Да-да, — пробормотал Митя. — Побудь здесь. Мы недолго.

В подъезде Митя не стал приноравливаться к моему неторопливому шагу и кинулся бегом наверх, перепрыгивая через ступеньки замусоренной бетонной лестницы. «Как его пробрало желание прикоснуться к горячему бабьему телу», — не без зависти подумал я и глянул в просвет между лестничными маршами.

Послышался звук дверного звонка, скрипнула дверь, раздались радостные возгласы, которые сменились многозначительным молчанием. Митин поцелуй был крепок, и я замедлил шаг, чтобы своим появлением не испортить влюблённым радостную встречу. Наконец торопливые вскрикивания и вздохи наверху прекратились, и послышался громкий шёпот Сони:

— А где твой попутчик? Ведь ты не один вошёл в подъезд.

— Значит, ты меня высматривала в окно? Ждала?

— Конечно, ждала. Но где твой спутник?

— Не беспокойся, — сказал Митя. — Он не отстанет.

Забыв обо мне, парочка удалилась в квартиру, а я, медленно переступая со ступеньки на ступеньку, стал подниматься по лестнице, чувствуя, как во мне начинает побулькивать бесовское варево из зависти, обиды и даже ревности, хотя к последней у меня не было никаких причин. Я был уязвлён тем, что мне уже никогда не быть на их месте, хотя бы потому, что мой сороковник с гаком не давал никаких надежд, что мной прельстится без всякой корысти красивая и страстная женщина. И я почувствую себя молодым, и стану тайком от жены бегать на свидания, и, в конце концов, буду

разоблачён в греховной связи, покаюсь и заживу унылой семейной жизнью.

Дверь в комнату была полуоткрыта, и, переступив порожек, я оказался в крохотном коридорчике, из которого просматривалась большая часть комнаты: диван, телевизор на тумбочке, кресло, в котором сидел настороженно поглядывающий в мою сторону Митя. Соня была на кухне и щёлкала электрической зажигалкой, чтобы поджечь конфорку с газом. Пройдя в комнату, я бухнулся на диван.

— Соня, — развязно заявил я. — У меня есть для вас одно предложение, но прежде чем я его оглашу, позвольте спросить, как вы относитесь к Стеньке Разину?

— Это так важно? — удивилась она.

— Для вас — да.

— Я знаю о нём совсем немного: что он — атаман, выступал против царя. Кажется, его казнили каким-то ужасным способом.

— Значит, вам известно, что он однажды грозился сжечь наш город?

— Кажется, припоминаю, — сказала Соня. — Это так важно?

— Для вас — да.

— Вы меня заинтересовали. И каким образом Разин стал для меня важным делом?

— Очень просто, — я прошёлся по комнате и остановился рядом с Митей. — Давайте на минуту представим, что он Стенька Разин, а вы...

— И кто же я?

— Пленённая атаманом персидская княжна.

Соня подошла к Мите и, обернувшись в мою сторону, сказала:

— А нельзя ли подробнее. То, что вы говорите, загадочно, неожиданно и звучит как насмешка. Правда, Митя?

— Я пока обо всём этом знаю со слов Игоря Алексеевича, но то, что он намерен тебе предложить, поддерживаю и одобряю, поэтому не торопись отказываться.

— Митя прав, — важно произнёс я. — Как полномочный представитель «Народной Инициативы» предлагаю вам ознакомиться с трудовым договором на оказание услуг по проведению торжественного мероприятия.

Соня взяла договор, прочитала, пошевеливая обольстительными губками, и запротестовала.

— Нет! Это не для меня! Тут не сказано, что я конкретно должна делать.

— Ничего противозаконного и аморального! — воскликнул я. — Митя исполнит роль Стеньки Разина, а вы будете персианской княжной. Займёт это от силы полчаса времени.

— И чем я должна заниматься со Стенькой Разиным?

— Разве вы не знаете, чем они занимались?

— Откуда мне знать такие интимные подробности?

— Вот оно в чём дело! — догадался я. — Вы не знаете слов песни «Из-за острова на стрежень».

— Разве я должна её знать?

— Я тоже её не знаю, — заметил Митя.

— Ты учился и жил в Англии у бывших дворян. Им, конечно, эта песня была не по вкусу, — сказал я. — А Соня почему-то не знает, хотя должна.

— Тогда скажите, в чём там суть. Я, может быть, слышала её, да забыла.

— Сейчас спою отрывочек, — сказал я. — Чего только не сделаешь для того, чтобы люди были счастливы.

Меня, признаться, крепко удивило, что Соня никак не среагировала на несуразно большой гонорар, который должна была получить после выполнения необременительных условий договора. Не произвёл на неё видимого впечатления и стотысячный аванс, что подтвердило моё подозрение, что она вовсе не столь невинная овечка, за какую её принимает мой пробирочник, а тёртая во всех отношениях и видавшая виды особа, решившая выжать из Мити материальное обеспечение на всю оставшуюся жизнь. Каким образом?.. Самым верным — забеременеть от влюблённого в неё по уши парня, а дальше выкручивать из него деньги через суды, благо они в России благосклонны ко всем забрюхатившим шлюшкам. Я глянул на Соню беспощадно остро, давая ей понять, что вижу её насквозь, и наткнулся на её не менее вызывающий взгляд, в котором прочитал уже знакомое мне пренебрежение.

— Что же вы не споете? — сказала она и, подойдя к Мите, положила ему на плечо руку.

И я запел. Сначала тихо и неторопливо, затем во всю мощь своего неслабого голоса, отчётливо проговаривая каждое слово песни. Первый куплет мои слушатели воспринимали с полуулыбкой и переглядыванием друг с другом, но уже с третьего куплета песня захватила их целиком, в чём не было ничего удивительного, ибо какой русский не отдаст свою душу на волю стихии, когда слышит или самозабвенно исторгает из своей груди:

«Волга, Волга, мать родная!
Волга — русская река!
Не видала ты подарка
От донского казака!..»

Воспевая со всей мощью, на которую был только способен, последние две строчки я в каком-то возбуждённом затмении приблизился к Соне и, включив голос в полную силу:

«Мощным взмахом поднимает
Он красавицу княжну», —

подхватил хозяйку квартиры на руки и, выбежав на балкон, провопил:

«И за борт её бросает
В набежавшую волну!»

Не знаю, поверила ли Соня в моё намерение выбросить её за ограждение балкона, но, обхватив руками и ногами, так плотно и горячо прижалась ко мне, что я почти дотянулся губами до её рта, однако Митя успел на выручку и так пребольно сжал мой локоть, что я поспешил избавиться от своей ноши.

— Что там у вас происходит? — закричал снизу Чистяков. — Вы что, загуляли? Я не сторож, чтобы стеречь ваши машины!

— Скоро выйдем! — обнадёжил его Митя и бережно сопроводил Соню в комнату. Я поправил воротничок рубашки, вытер платком с лица пот и покинул балкон, на который уже начали пялиться соседи.

— Вот видите, Сонечка, прошло всего несколько минут, и за это время сцена с княжной была почти полностью отыграна. Конечно, в натуре Мите придётся выпустить вас из рук, и вы упадёте в воду. Но вас тут же спасут. Надеюсь, вы умеете плавать?

— Умею, — прошептала Соня. — Но я ещё не дала согласие.

— Для страховки можно будет в её одежде предусмотреть пробковый пояс, — предложил Митя. — Но самое главное — я буду рядом.

— Все нюансы мероприятия будут проработаны со службой спасения МЧС, — сказал я. — Но наш разговор, кажется, подошёл к самому важному — выплате аванса.

Соня растерянно глянула на Митю, а тот протянул ей ручку.

— Подпиши ради моего спокойствия. А ты, Игорь Алексеевич, будь добр выпиши чек на предъявителя.

— Обойдёмся без банковских манипуляций, — проворчал я с хмурым видом, потому что страсть как не любил расставаться даже с чужими деньгами, которые попали мне в руки. — Пишите, Соня, подробную расписку, за что вам выплачены сто тысяч рублей, и укажите свидетеля, при котором была произведена эта финансовая операция.

За время, когда писалась расписка, Соня успела несколько раз бросить взгляд на солидную стопку тысячерублёвок, которая находилась от неё на расстоянии вытянутой руки. С улицы донёсся зовущий вопль Чистякова, Соня забрала деньги и бархатно промурлыкала:

— Скажите, Игорь Алексеевич, уличному крикуну, чтобы оставил нас с Митей в покое. Нам нужно поговорить.

— Да, очень нужно, — пробормотал в ответ на мой вопросительный взгляд влюблённый пробирочник.

— Погуляйте с часок на улице, а лучше займитесь своими делами, — сказала Соня. — Спасибо за всё, что вы для нас с Митей сделали.

Последняя фраза меня позабавила: получив стотысячный куш, девица уверовала, что ухватила бога за бороду, не догадываясь, что все её отношения с Митей находятся под контролем и могут быть прерваны в один миг. И, конечно, это сделаю не я, а хлопцы начальника службы безопасности Ершова, которые, вполне может быть, уже нашпиговали квартиру прослушками. И теперь им только остаётся запротоколировать письменно и на электронных носителях факт передачи денег, дабы господин президент «Народной Инициативы» знал, что деньги акционеров потрачены в полном соответствии с планом мероприятия юбилейного торжества.

— Играйте, голубки, да не заигрывайтесь! — с этим напутствием молодым я покинул квартиру, в которой бы с удовольствием остался сам до полного истощения кошелька и физических сил.

— Где Митя? — встретил меня вопросом Чистяков.

— Наверно, как джентльмен ополаскивает свои пропотевшие чресла под душем, — объявил я полную правду.

— Не может этого быть! — вскричал поэт. — У нас встреча с отцом Антонием.

— Сбегай и узнай.

Чистяков последовал моему совету и бросился в подъезд, затопал по лестнице,

затем до меня донеслись через открытые окна певучие трели музыкального звонка, тяжёлые удары в дверь, несколько злобных выкриков, и я понял, что не ошибся: Митя, забыв о встрече с проповедником божьего слова, предпочёл тешить беса в компании с очаровательной одалиской.

— Ну и подруга у Мити — зверь в юбке! — кисло сказал Чистяков, показавшись в дверном проёме подъезда.

— Эй, поэт! Лови! — раздался сверху голос Сони.

На асфальтовую дорожку мягко шлёпнулся целлофановый пакет, в котором Чистяков обнаружил солёного подлещика, пятьсот рублей и записку.

— Что за ультиматум? — поинтересовался я.

— Пишет, чтобы я вернулся сюда через четыре часа.

— У Сони насчёт тебя коварный план. Она тебя раскусила с одного взгляда, — сказал я, открывая дверцу своей машины.

— Что ты имеешь в виду? — встрепенулся Чистяков.

— Деньги и подлещик даны тебе, чтобы ты напился и не мешал влюблённым своими глупостями.

Отъехав от подъезда, я остановился и связался по сотовому с боссом. Выслушав меня, он хохотнул:

— Значит, уединились и... разговаривают?

— Конечно, разговаривают и дело делают.

— Ладно. Будем надеяться, что всё в ажуре. Но я должен увидеть Митю сразу, как он покинет эту квартиру, — Андрей Ильич сделал паузу, затем счёл нужным объяснить. — Я по его роже определю, справился он с мужским делом или спасовал.

— Митя после рандеву собрался к священнику. К какому-то отцу Антонию.

Последовало продолжительное молчание. Видимо, Андрей Ильич считал варианты решения и, наконец, глухо вымолвил:

— Не мешай ему. За ним присмотрят.

Эти слова я истолковал в благоприятном для себя смысле, что Козырев мной доволен и оставшуюся часть дня я могу считать своим личным временем. Милость босса была кстати, потому что общение с такими коварными обитателями человеческого террариума, как редактор и правозащитник Синюгин и обольстительная до умопомрачения Соня, не могло не вызвать во мне болезненного приступа аллергии, который можно было утишить и на время снять только бутылкой настоящего шампанского в обществе самого надёжного друга, способного тебя понять и простить.

Советская власть испарилась, но дефицит остался, и за бутылкой французского шампанского мне пришлось ехать в клуб для избранных, где оттягивались по полной программе лучшие люди нашего города, сделанный вполне по-русски, то есть с баней, картёжной игрой и красотками с высшим образованием. Иметь свободный допуск в этот привилегированный вертеп — было заветной мечтой всякого, кто мнил себя бизнесменом. Но двери были открыты лишь для того, кто имел в кармане свободный от всяких обязательств и ограничений миллион баксов и мог десятую часть от него потратить, не моргнув глазом, за один вечер.

Я, конечно, к столь значимым персонам не относился, но у меня была клубная карточка гостя. И, махнув ею перед носом охранника, я проследовал по лестнице, устланной настоящей кремлёвской дорожкой, в зал, где приобрёл в буфете литровую бутылку настоящего французского шампанского, купил два килограмма настоящих швейцарских шоколадных конфет и, небрежно рассчитавшись с буфетчиком, покинул креативную точку европейской сладкой жизни в нашем отсталом в промышленном и культурном развитии средневолжском регионе.

В послеобеденное время улицы города были относительно свободны от наплыва автотранспорта, но не успел я выехать на шестирядную магистраль, где почти никогда не было заторов, как стал очевидцем и участником автостолпотворения. Машины стояли на обеих полосах движения, и внимание водителей было приковано к человеку в белом кителе с золотыми погонами, тёмных брюках и генеральской фуражке, который, покуривая трубку, шёл по полосе, разграничивающей транспортные потоки, а за ним топал с жезлом в руке гаишник и заученными жестами призывал водителей продолжать движение.

— Что случилось? — сказал я, обращаясь к водителю притормозивших возле меня «Жигулей».

— Не видишь, начальнику вздумалось прогуляться по проезжей части. Генерал какой-то балует.

Водитель впереди стоящей машины открыл дверцу и встал в полный рост.

— Нет, это не генерал, а много выше — маршал. Я в кремлёвском полку служил, всё видел.

— Что он здесь потерял, на проезжей части?

— Может, орден выронил?

Водитель «Жигулей» оказался любопытнее и проворнее всех: выскочил из машины, мигом всё рассмотрел и разузнал и вернулся к нам с сияющей физиономией.

— Ну и кто там?

— Нет, вы не поверите, но я сам увидел и узнал его сразу: это, мужики, Сталин!

Заявление показалось мне столь вопиюще нелепым, что я вышел из машины и с высоты своего роста увидел, как вокруг нарушителя дорожного движения собралась толпа человек в тридцать-сорок, многие занимаются тем, что фотографируют мобильниками загадочного пришельца, который дымил трубкой и поглаживал время от времени усы. Он действительно очень походил на Сталина, но, конечно, быть им не мог.

«Всё это случилось неспроста, — резюмировал я случившееся. — Ряженый Сталин — это, несомненно, чья-то удачная выдумка, чтобы возбудить толпу. Пока он только прохаживается и демонстрирует себя, и то — какой успех! Одной своей проходкой по шоссе остановил всё движение. А что будет, когда он ещё и заговорит?»

Ответа на этот вопрос долго ждать не пришлось. Подъехала полицейская машина, из неё вышли два офицера полиции и направились к Сталину. Но вплотную приблизиться к нему не смогли, на их пути, как из-под земли, вырос Синюгин и сказал им что-то столь существенное, что полицейские быстренько слиняли, а редактор провокационно-оппозиционного издания с подобострастными жестами и ужимками усадил материализовавшегося вождя в роскошный лимузин и юркнул за ним следом.

Я с сожалением глянул на пакет с шампанским и шоколадными конфетами: романтический вечер при свечах с Любой мог не состояться, но дело прежде всего, и решил известить Козырева.

— И что ты обо всём этом думаешь? — поинтересовался Андрей Ильич. — Что за театрализованную постановку затевает наш неугомонный оппонент?

— Однозначного ответа у меня нет. Но вполне возможно, что Синюгин готовит к вашему юбилею неприятный подарок.

— Почему ты так решил? — хохотнул Козырев.

— Просто сопоставил ваш день рождения и появление Сталина в обнимку с Синюгиным. Разве этот факт вам ни о чём не говорит?

— От Сталина и я бы не отказался, — весело сказал Козырев. — Давно хочу потолковать с ним по душам, но, увы, он умер. Но сошёл бы и подставной вождь, если только не глупый и способный сказать от имени Иосифа Виссарионовича всю правду-матку.

— Вы предлагаете мне заняться этим делом? — сказал я, стараясь не выдать голосом, что мне такая перспектива не кажется заманчивой, во всяком случае, на сегодняшний вечер.

— Отслеживай ситуацию в обычном порядке. Синюгин пылает жаждой мщения и хочет досадить мне с позиций борца за справедливость. На его вопли народ не сбежится, а вот на Сталина будет ломиться, как на концерт Пугачёвой. Тут-то Синюгин и надеется быть услышанным.

— Но это же чистой воды экстремизм! — деланно возмутился я. — Надо связаться с ФСБ.

— Может, и генштаб подключить, умник? — съязвил Козырев. — Чтобы справиться с Синюгиным, хватит одного участкового. Но есть и цивилизованные демократические инструменты для решения этого вопроса. Есть комитет или комиссия по проведению торжественного мероприятия. Это она, а не я, должна решить, как поступить в данном случае. Ты и Ершов, кажется, в неё входите, вам и карты в руки.

Обычно я общался с боссом раз в три-четыре дня, и каждая встреча для меня была непростым тестом на выживаемость в, пожалуй, самом опасном змеюшнике города, каким, если говорить правду, являлась дирекция «Народной Инициативы», но сегодня я контактировал с Козыревым трижды и, кажется, ни на чём не поскользнулся. И я знал, кому был этим обязан — своей Любе, её много раз проверенной способности предчувствовать грозящую опасность и отводить от меня неприятности.

Она не удивилась моему раннему возвращению, как будто знала об этом заранее: на плите парило и шкварчило. Я выставил на стол подарки и был удостоен сладчайшего и многообещающего поцелуя, однако шампанское и конфеты были убраны в холодильник, а мне были предложены борщ, гуляш с гречкой и чай.

— Ты совсем избегался, — сказала Люба, опуская в тарелку с борщом большую ложку сметаны. — У тебя такой жалкий вид, будто ты безнадёжно влюблён и от этого потерял аппетит.

— Вот уж нет! — воскликнул я и принялся споро работать ложкой. — Ты ведь знаешь, что юбилей босса всегда сопряжён с нервотрепкой и спешкой.

— На этот раз, кажется, пустили козла в огород! — сказала Люба и легонько ударила меня по затылку. — Что, Митина девица и впрямь хороша?

— Не знаю. Я видел её мельком.

— Мельком?

— Да. Передал ей при Мите аванс сто тысяч за участие в шоу с купанием и уехал.

— Везёт же людям! — вздохнула Люба. — Беса тешат, да ещё и деньги берут. Меня вот Андрей Ильич не зовёт на роль княжны, а я ему, можно сказать, близкая родственница. Но, кажется, на этот раз вокруг его имени большого шума не будет.

— Это ж почему? — удивился я.

— Странное дело! — всплеснула руками жена. — С позавчерашнего дня об этом все говорят, а ты, как говорится, ни сном, ни духом. Ты что, не слышал, что у нас Сталин появился и по городу разгуливает один, без охраны?

— Сейчас только видел, на Московском шоссе.

— И неудивительно! — затараторила Люба. — Его впервые увидели возле Ленинского мемориала, утром. Он подъехал, вышел из машины и поднялся на второй этаж, в музей СССР. А там как раз туристы с теплоходов. Они к нему, окружили, сначала молчали, а потом расспрашивать стали, как да что.

— Это, наверно, артист с какого-то погорелого театра, — усмехнулся я. — Сейчас двойников известных людей пруд пруди.

— Разное говорят. Одни, что двойник, но большинство считают его прямым потомком Сталина, уж сильно похож, даже рябинки от оспин на лице. Я в энциклопедии портрет нашла, на нём он без рябинок.

— Сталин был рябоват, но его художники, как и Горбачёва, и Хрущева, рисовали без природных изъянов. А этот из артистов. Устроит представление, по тыще с каждого соберёт и укатит, похохатывая над нашей публикой.

— Ты ешь гуляш, а то остынет, — сказала Люба и присела к столу. — Сдаётся мне, этот Сталин приехал к нам не только на заработки, я, заметь, этого не отрицаю, сейчас у всех на уме только деньги, и Сталин — живой человек, кем бы он ни был, ему есть-пить каждый день надо. Но, поверь моему чутью, он приехал сюда по чьему-то наущению. А вот зачем — толком не знаю, хотя есть одна догадка...

— Говори, Любушка, говори! — подзадорил я свою суженую. — Ты ведь не только красавица, но и самая светлая голова на весь город. С тобой, если кто и справится, так только сам Андрей Ильич. Я, кажется, знаю, кто затеял всю эту катавасию с великим вождём и учителем. Это Синюгин! Я видел, как он запрыгнул вслед за Сталиным в чёрный лимузин.

— Ну и запрыгнул! — скептически вымолвила Люба. — Что здесь такого? Всем известно, что Синюгин в каждой бочке затычка. Помнится, ты с ним как-то пропьянствовал целую неделю, но разве это говорит о том, что он твой друг?

— Кто же тогда в этом деле заводила?

— Точно не могу утверждать, но мой нюх и карты указывают на Митю.

— Но зачем ему Сталин? — удивлённо вопросил я. — Какое применение он ему найдёт в нашем городе, кроме удивления и неодобрительных толков?

Люба взяла меня за руку, вывела в ванную и, включив воду, горячо прошептала мне на ухо:

— Митя хочет подарить Сталина своему отцу на день рождения.

– 13 –

Чистяков спрятал полученную от Сони пятисотку в карман, заткнул солёного и остро пахнущего леща в верхние ветки молодого клёна, чтобы рыбину не уволок лежавший на бордюре бродячий котяра, отошёл от дома в сторону и глянул на окна Сониной квартиры. Они в полном соответствии с жанром пылкого любовного свидания были плотно занавешены. И, потоптавшись, Чистяков вернулся к подъезду, открыл дверцу машины, сел на переднее сиденье, включил радио, открыл бардачок, захлопнул его и огляделся по сторонам, ощущая, как на него накатывает давно знакомое чувство тоскливого одиночества, от которого можно было избавиться только одним — налитым всклень стаканом водки.

— Надо идти домой, — пробормотал он. — Здесь ловить нечего. Они будут шоркаться, пока не обессилят, скорее всего, до утра. Но не оставлять же машину без присмотра, её за ночь раздербанят — ни колес, ни сидений не будет.

Он вылез из иномарки и подошёл к окну квартиры на первом этаже, из которой на него настороженно и цепко поглядывала хозяйка. Чистяков не любил прикидываться интеллигентом и спросил напрямик:

— Надо за машиной приглядеть. Сможешь?

— Если до утра, то триста рублей, — веско объявила тётка.

— Не дорого ли? — изобразил сомнение Чистяков. — Сейчас ночь короче воробьиного носа.

— Я не одна, а с помощником, — и хозяйка выставила на подоконник маленькую лупоглазую собачонку. — Она никого к машине не подпустит, весь дом на ноги поднимет.

— Хозяина не загрызёт? Он, кажется, застрял здесь до утра.

— Знаю, — усмехнулась тётка. — Гостит у Соньки. Дело молодое. Деньги вперёд, — встревожилась она, заподозрив, что Чистяков намерен обмануть.

— С пятиста сдача найдётся? Я вернусь часиков в восемь вечера и рассчитаюсь.

— Как не быть, — засуетилась тётка. — Пенсийку-то дают каждый месяц. Придёшь — покличь в окошко, а то я телевизор буду глядеть.

Чистяков, захватив леща, быстро направился к деревянному мосту через Свиягу, рядом с которым он жил в старой части города в избе, построенной ещё его прадедом более ста лет назад и превратившейся от ветхости в покосившуюся хибару, обнесённую дощатым с большими прорехами забором. Поэт мог бы легко и быстро разбогатеть продажей своего домовладения, занимавшего почти десять соток земли, за большие деньги, но у него никогда не возникало даже намёка на желание покинуть своё малое отечество и поселиться в железобетонных стенах многоэтажки.

После смерти матери Чистяков вопреки ожиданиям соседей не сошёл с круга, не спился подчистую, а даже несколько остепенился, в подпитии не шумел и перестал горланить разудалые русские песни, не давая покоя соседским собакам, а включал радиолу и просвещал околоток старинными романсами и популярными ариями из опер. Соседи относились к нему снисходительно: он был городской знаменитостью. И продавщица ларька, которой он был постоянно должен, легко давала ему в кредит бутылку пива, чтобы он мог освежить опалённое вчерашней попойкой иссохшееся нутро.

К ней, перейдя мост, Чистяков и направился, чтобы купить пачку сигарет, упаковку печенья, кулёк дешёвых конфет и несколько пакетиков с чаем.

— Считай вместе с долгом.

— Ты у меня банку пива брал и полбуханки хлеба, — не задумываясь, сказала продавщица и, взяв деньги, подала сдачу. — Тебя недавно какой-то мужик спрашивал.

— Кто такой?

— Откуда мне знать. По виду — из небольших начальников.

— Почему так решила? — усмехнулся Чистяков. — На советской машине приехал?

— Он пешком пришёл. Что, я в людях не понимаю? Начальник, из небольших. Да вон он, сюда идёт.

Чистяков обернулся: к нему с озабоченным видом приближался Маркин.

— Что-то я не вижу радости на твоей свободной от следов запоя, но пасмурной физиономии, — озабоченно произнёс журналист. — Надеюсь, ты не забыл своё обещание.

— По-моему, это ты мне пообещал тыщу рублей, если сделаю для тебя одно дрянное дельце?

— Какое оно дрянное? — вскинулся журналист. — Написать несколько строк в корпоративном гимне. А деньги будут, было бы за что заплатить.

— Тогда пошли.

За последние годы улица, на которой жил Чистяков, заметно преобразилась со стороны фасадов. Многие деревянные избы были спереди обложены кирпичом, а по бокам облагорожены пластмассовыми панелями. Прежние хилые заборы из штакетника были заменены на прочные заграждения из толстых досок или железных прутьев.

В добротном уличном порядке домовладение Чистякова смотрелось, как сгнивший зуб среди сияющих стальных протезов, но хозяина это не смущало, как и его гостя. Маркин цепко оглядел двор, прошёл в сени, где заглянул в кладовку и, войдя в избу, сразу направился к письменному столу, на котором было несколько книг и кружка с прокисшим молоком, засохший кусок хлеба и куча исписанных листов бумаги.

— У тебя, Чистяков, куда ни глянь, везде лирический беспорядок: и во дворе, и в доме, и на письменном столе.

Поэт косо на него глянул, подошёл к столу и стал шевыряться в бумажках.

— Я недавно написал текст, — пробормотал он, хотя давно и думать забыл о какой-то дурацкой корпоративной кричалке, которую в подпитии пообещал написать. Даже про деньги забыл, а то взялся бы ради них за такую грязную работу.

— Если написал, значит, должен помнить! — обрадовался Маркин. — Бери бумагу и записывай.

— Если бы я помнил всю дрянь, которая бултыхается у меня в башке, я давно бы съехал с катушек, — сказал Чистяков. — Не помню, хоть убей! И не вспомню, хотя бы потому, что ты без бутылки явился. Это, брат, непростительное нарушение этикета. Прошлый раз ты принёс флакон «Столичной», а сегодня скажу так: ты обнаглел.

— А ты не понимаешь, что натворил! — горестно запричитал Маркин. — До юбилея Козырева остались считанные дни, а как я теперь выйду из пикового положения, в котором я по твоей милости очутился?

— Очень просто! — заявил Чистяков. — Ты мне даёшь тысячу рублей, а завтра получаешь текст.

— Поздно! — горестно возгласил Маркин. — Только сегодня. Садись и пиши. После пяти я буду в спор-клубе. Туда и принеси текст, если у тебя осталась хоть капля совести.

— Овёс нынче дорог! Полторы тысячи и ни копейки меньше. А теперь катись и не мешай творческому процессу.

Выпроводив Маркина, поэт и не подумал браться за выполнение заказа. Он открыл настежь дверь, чтобы комнату продувало сквозняком, взбил подушку и разлёгся на диване с привычным намерением поспать часик-другой, чтобы освежить голову и проснуться со счастливым ощущением в «новом» дне. Привычка делить сутки на двое выработалась у него давно, и отступать от неё он не хотел и сегодня.

Распахнутое окно выходило в запущенный сад: от старых яблонь и вишен, кустов малины и смородины на Чистякова волнами накатывали шумы и запахи, причудливо претворяющиеся в сонные видения, иногда настолько живые и ясные, что спящий человек начинал вскрикивать и метаться, стараясь высвободиться из тяжёлых и липких объятий обморочного и болезненного бреда. Чаще всего Чистякову снилось, что он идёт по крутому склону холма, достигает вершины и видит перед собой обрыв, но не может от него отстраниться. Бездна с необоримой силой притягивает его к себе, он начинает соскальзывать вниз, падает, и ощущение бесконечного падения переходит в смертельный ужас, от которого, наконец, его освобождает спасительное пробуждение.

«Господи! — с облегчением подумал Чистяков. — Отчего мне так часто снится этот кошмар? Уж лучше бы снилось дерьмо, говорят, оно к деньгам».

Он вспомнил о заказе Маркина, быстро встал с дивана, подошёл к столу и, выдвинув ящик, нашёл листок с текстом песни, над исправлением которой он ломал голову два дня назад и так и не придумал рифмы к сочетанию «Народная Инициатива».

«Так! Так! — лихорадочно зароились в голове автора варианты. — Красиво, счастливо...»

Он заходил по комнате по натоптанной дорожке — от угла до порога, бормоча и размахивая руками. Искомые слова были совсем рядом, но не давались, и Чистяков, остановившись у стены, упёрся в неё лбом и некоторое время стоял в таком положении, пока в крепко зажмуренных глазах не зароились искры. Затем подбежал к столу и быстро написал несколько строчек:

Андрей Ильич! Живи сто лет счастливо!
И мы за то тебя благодарим,
Что стала навсегда «Народная Инициатива»
Для нас Отечеством, любимым и родным!

Попав в творческую струю, Чистяков, не останавливаясь, написал ещё несколько четверостиший, пока мыл голову, брился и гладил брюки. Он не мог позволить себе явиться в спор-клуб в затрапезном виде. Среди тех, кто там собирался и активничал, многие были неудачниками и пытались в своё время взгромоздиться на поэтического Пегаса, но были сброшены на землю и теперь копошились на газетных страницах, злобно-завистливо поглядывая на Чистякова, который время от времени печатал свои стихи в столичных журналах и недавно получил престижную премию Союза писателей России.

Несколько дней трезвой жизни пошли Чистякову на пользу. Он в этом сразу убедился, застёгивая рубашку перед зеркалом и критически разглядывая свою ничем не выделяющуюся физиономию сорокалетнего мужчины, которому на роду выпало жить отличной от других жизнью гуляки и поэта.

«Только бы Маркин меня не кинул, — озорно подумал Чистяков, засовывая рукопись в карман. — Полтора куска — это только начало. Юбилей Козырева ещё не начался, а мне уже кое-что светит».

Он торопливо съел несколько печений, запил холодным чаем и, выйдя из дома, запер дверь на висячий замок, ключ от которого сунул под крыльцо. Солнце свалило за гору, но было безветренно и душно. По крутому извилистому переулку он поднялся на гору, вышел на широкую проезжую улицу, обсаженную высокими тополями, где стало чуть прохладнее, и направился к зданию торгово-развлекательного центра, в котором устраивали сходки любители почесать языки и покрасоваться друг перед другом самые продвинутые люди нашего города.

Пройдя несколько кварталов, Чистяков обрёл уверенность, что Маркин его не

обманул и обмен денег на исписанную каракулями бумажку обязательно состоится. Поэт взбодрился и, укрупнив шаги, быстро достиг широченных стеклянно-металлических дверей и, войдя в них, наткнулся на изображённого в полный рост с поднятой в приветственном жесте рукой генералиссимуса Сталина.

Размашистая надпись на плакате извещала: «Встреча с вождём. На вопросы избранного пула журналистов отвечает Иосиф Виссарионович Сталин».

— А что? — пробормотал себе под нос Чистяков. — Давно пора потолковать с дорогим товарищем Сталиным. И спросить его, когда он явится своему народу и поднимет Русь на дыбы?

Он сунул руку в задний карман брюк, вынул билет члена Союза писателей России и, небрежно помахивая красными корочками, прошёл в холл, где сразу наткнулся на Маркина, который сразу вцепился в поэта:

— Написал?

— А то... — небрежно произнёс Чистяков. — А ты часом не оставил бабло вместе с часами на рояле?

— Всё при мне. Уже прозвенел звонок. Сядем вместе и разберёмся.

— Я написал больше обещанного, — заявил Чистяков. — Так что гони полторы тыщи.

— Об этом не может быть речи! — отрезал Маркин и, подхватив его за руку, протолкнул впереди себя в зал, где уже было много народа, но не на первом ряду. И они были вынуждены расположиться почти вплотную с трибуной, которая была пуста, как и два кресла за столом президиума.

Чистякова кто-то ткнул в спину, он обернулся и взял протянутую записку. Повертев её, хотел развернуть и тут же услышал:

— Это не тебе, виршеплёт, а Сталину!

Маркин мгновенно понял, что, взяв на себя роль главного передатчика записок вождю, он весь вечер будет на виду и этим станет вторым по значимости лицом на мероприятии, о котором завтра будут судить-рядить все обитатели нашего города. А у него появится законная возможность дать информашки во все российские газеты о скандальном происшествии в городе и в дальнейшем комментировать это событие за столичные гонорары.

Журналист ловко выхватил у Чистякова записку и, подойдя к трибуне, объявил в микрофон:

— Прошу все записки с вопросами передавать мне, чтобы встреча прошла организованно и культурно.

— Наш Маркин всегда при деле. Уже успел ассистентом к приезжему артисту наняться, — пренебрежительно донеслось из глубины зала.

— Сам ты артист погорелого ельцинского цирка! — возмущённо прокричал кто-то, явно нарываясь на скандал, но перепалки не получилось. В зал вошёл Синюгин и зычно провозгласил:

— Объявляю вечер встречи с вождём открытым!.. А теперь, друзья, давайте поприветствуем нашего дорогого гостя, который, несмотря на свою титаническую занятость, нашёл время посетить родину Владимира Ильича Ленина и согласился ответить на вопросы, так сказать, сливок журналистского сообщества нашего региона.

Синюгин захлопал в ладоши, но к нему присоединились всего несколько человек, остальные предпочли не выражать явным образом своего отношения к весьма неоднозначному мероприятию, а выждать. Таких было большинство, но Чистяков не принадлежал к их числу, он бурно захлопал в ладоши и, повернувшись к залу, крикнул:

— Кто тут против советской власти?

Ответом ему была внезапно воцарившаяся тишина, в которой прозвучал спокойный с едва заметным акцентом голос:

— Я думаю, здесь нет ни одного явного врага советской власти. Есть обманутые, есть те, кто, в силу обстоятельств, согласился сотрудничать с антинародным режимом, но это столь незначительные проступки, что их не видно за главным злом, которое сегодня захватило власть над Россией. Главная болезнь России сегодня — это охватившее всех поголовно равнодушие, можно назвать это эпидемией равнодушия, которая пронизала все поры государства от семьи до высшего руководства.

Эти слова Сталин произнёс при входе в зал, и в ответ не послышалось ни одного звука. На нём был не маршальский мундир полководца со звёздами генералиссимуса, а защитного цвета полувоенный китель и брюки, заправленные в хромовые сапоги. Левая рука, повреждённая болезнью, была чуть согнута в локтевом суставе, а в правой руке он держал не разожжённую трубку. Его движения были неторопливы, и, проходя мимо кресел, он окинул собравшихся строгим взглядом коричневых с прозеленью глаз, и несколько человек почтительно полупривстали с кресел. Но ни один мускул не дрогнул на рябоватом от оспенной болезни лице вождя, он шёл походкой уверенного

в себе человека, занятого важным и нужным делом.

Чистяков был настроен на смешливый лад и даже намеревался поприветствовать ряженного под Сталина человека хулиганским выкриком: «Советский паралич самый прогрессивный в мире!» Но когда вождь проходил мимо, он вдруг почувствовал, как его окатило аурой властного магнетизма. И по озадаченным физиономиям ведущих журналистских перьев региона было заметно, что они тоже почувствовали нечто необычное и необъяснимое.

«А мужичок-то не так прост, — подумал Чистяков, опускаясь в кресло. — Ещё и слова не произнёс, а наши либералы хвосты поджали. Но поглядим, однако».

Вождь миновал трибуну и подошёл к столу, за которым стоял Синюгин, сел в кресло и сунул трубку в нагрудный карман.

— Как, вы не будете курить? — воскликнул редактор. — Нет уж, уважьте, курите, сколько душе будет угодно. Вот и пепельница приготовлена, и спички.

Сталин вынул трубку, чиркнул спичкой и пыхнул синеватым дымком.

— Что ж, начнём нашу работу, — неторопливо произнёс он. — Перед тем как приступить к ответам на вопросы, прошу товарища Синюгина ознакомить присутствующих с объективной проверкой комиссией данных по товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу, родившемуся неизвестно где, неизвестно от кого в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года предположительно в городе Москве. Я правильно говорю, товарищ Синюгин?

— Так точно, товарищ Сталин.

— В таком случае продолжайте.

— Что за комиссия? — счёл нужным заявить о себе Маркин — Кто её назначил, из каких лиц она была составлена?

— Вопрос задан важный, но он может увести нас в сторону от главного, — объявил Синюгин. — В работе комиссии участвовали видные учёные, военачальники, государственные деятели, сотрудники спецслужб. Её вывод неоднократно был предметом разбирательства в судебных инстанциях, и ни одна из них не опровергла тот факт, что в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года на перезахоронении Сталина за Мавзолеем был найден младенец, мальчик, нескольких часов от роду. Это пока всё, что я могу сообщить на эту тему.

В зале поднялся шум, послышались крики с требованием подробностей обретения младенца, обвинения в покушении на свободу прессы, а кто-то из наиболее продвинутых журналистов язвительно вопросил:

— А был ли мальчик?..

Синюгин спокойно поглядывал на возмущённых коллег, и когда все они угомонились, вышел к микрофону:

— Надеюсь, теперь я буду услышан и понят. У нас всё ещё живёт в подкорке каждого человека желание — всё отнять и присвоить. Но Россия — это что-то вроде правового государства, и оно охраняет моё право на распространение информации о любом событии, приобретённой добросовестно у законного владельца, на всё время, когда наш гость будет находиться в нашем городе.

Тишина, воцарившаяся в зале, сменилась протестами.

— Как! — кричали со всех сторон. — Ты притащил нас сюда, чтобы мы напечатали только то, что ты позволишь? Сталин принадлежит всему народу, и лишить нас возможности говорить с вождём ты не можешь. В конце концов, есть статья Конституции об обеспечении гражданам равного доступа к информации. А вы, товарищ Сталин, почему не скажете по этому вопросу своё веское слово?

Вождь как будто ничего не слышал, он сидел за столом и простым остро отточенным карандашом что-то писал в небольшом блокноте. Синюгин тоже помалкивал, но возмущение мало-помалу улеглось, и редактор терпеливо продолжил свою речёвку:

— Будем считать, что разогрев аудитории прошёл успешно. Переходим к содержательной части встречи. Итак, первый вопрос поступил от нашего мэтра, доктора политологии, заведующего кафедрой журналистики госуниверситета господина Игрунова.

Маститый журналист неторопливо поднялся с кресла, поправил очки в черепаховой оправе, оглянулся на соседей и произнёс извиняющимся тенорком:

— Извините, но я не знаю, как обратиться к нашему, э... уважаемому гостю...

— Называйте меня просто — товарищ Сталин, — пыхнул дымком из трубки вождь. — Задавайте свой вопрос.

— Меня как либерала удивляет ваша, товарищ Сталин, самонадеянность. Конечно, я, как и все здесь присутствующие, не верю ни в чудо вашего появления на могиле настоящего Сталина, ни в то, что имя Сталина кому-то нужно. Всё это дешёвый красно-коричневый пиар, помогающий зюгановцам держаться на плаву как политической партии. Теперь скажите, а не стыдно ли вам притворяться Сталиным?

Чистяков выслушал вопрос Игрунова со смешанным чувством удивления и

отвращения. Уж кто-кто, но заглавный либерал, громивший в статьях и телесериалах советскую власть и её вождей, мог бы построже спросить, коли ему представился случай, с диктатора, а он проблеял невесть что и шмыгнул в своё кресло за спину дюжего собкора центрального телевидения.

— Вопрос поставлен неправильно, — спокойно сказал вождь. — Он должен быть сформулирован следующим образом: нужен ли Сталин народам России или на новом этапе исторического развития страны необходимость в товарище Сталине отпала окончательно и бесповоротно? Вы согласны с моей редакцией, товарищ?

— Говорите, говорите, мы вас слушаем, — пробормотал Игрунов, так и не выглянув из-за плечистого собкора. Он никак не мог успокоиться от совершённого им героического выпада в сторону своего идеологического противника: то краснел, то бледнел, но был чрезвычайно горд своим смелым поступком обличителя и правдолюба.

— Итак, нужен ли Сталин народам и в первую очередь русскому народу? — задумчиво произнёс вождь. — Чтобы ответить на этот вопрос положительно, нужно согласиться с тем, что почти каждый человек в сегодняшней России в той или иной мере, даже не подозревая об этом, является Сталиным. Кто больше, кто меньше — это уж как кому повезло.

— А как насчёт того человечка, который только что задал вам вопрос? — сухо осведомился редактор коммунистической газетки «Шагом марш» Хватков. — Разве в либерале и власовце может быть хоть пылинка от великого Сталина?

— В этом, как вы его назвали, человечке Сталина больше, чем в ком-нибудь другом, — взмахнул трубкой вождь. — Он и существует только потому, что играет в ненависть к Сталину, как собачонка, что кусает сапог хозяина и одновременно подхалимски виляет хвостом. В этом — все повадки нынешних ниспровергателей Сталина, они кусают и тявкают, а явись хотя бы его тень, упадут на спину и, поджав хвосты, преданно заподвизгивают.

Игрунова все считали выскочкой, кичившимся близким знакомством с самим Владимиром Познером, запросто вызывавшим в свою студию для отчёта о проделанной работе даже премьер-министра России. Поэтому, когда он визгнул из-за спины собкора, что оскорблён сравнением с власовцем и требует извинений, никто не поспешил присоединиться к его протесту, а Хватков бесцеремонно заявил:

— Все наши так называемые демократы — самые настоящие власовцы. Об этом товарищу Сталину известно лучше нас.

Вождь хмуро глянул в сторону лидера региональных коммунистов и продолжил развивать свою мысль:

— Почему, спрашивается, в каждом человеке даже в наше время мы обязательно найдём Сталина? Ответ заключается в том, что товарищ Сталин был не только продолжателем дела великого Ленина, руководителем первого в мире социалистического государства, вождём и генералиссимусом, но, что премного важнее, он был для советского народа воплощённой справедливостью. Главной особенностью народа была и есть жажда правды. Сталин утолил эту жажду, и не его вина, что она пришлась не по вкусу дворянству, буржуазии, попам и либеральной интеллигенции. Октябрьская революция провозгласила справедливость высшим принципом нового общественного устройства и репрессировала все паразитические классы, чтобы они не стояли на дороге неизбежного исторического процесса. Измена революции, измена социализму, измена делу Ленина означали предательство справедливости, которая является для народа основой его земного бытия.

— Не надо нам цитировать «Краткий курс истории ВКП(б)»! — крикнул главный редактор областного радио Сенчев. — Из ваших россказней о справедливости не скроить даже обычного репортажа. Вы лучше оцените сегодняшнюю политическую ситуацию в стране и скажите, что следует ожидать в ближайшем будущем?

— Об этом мы тоже поговорим, но только после того, как вы ответите на вопрос, каким был главный лозунг великого Октября? Даю на обдумывание всем присутствующим две минуты.

Последовало недолгое молчание, затем кто-то сердито сказал:

— Здесь собрались те, кто привык сам спрашивать, а не отвечать. Так что, господин приезжий, можете давать нам свои смелые уроки, а мы вас послушаем.

— Время пошло, — объявил вождь, взглянув на свои наручные часы.

Чистяков решил воспользоваться паузой и плотно притиснул своей ногой ногу Маркина к полу.

— Не хулигань! — пропищал журналист.

— Деньги на бочку! — дыхнул на него Чистяков и, запустив руку в чужой карман, вытащил потёртое портмоне.

— Ты не писатель, а бандит! — свистящим шёпотом заявил Маркин и попытался помешать поэту завладеть деньгами.

Их возня привлекла внимание соседей, Синюгин неодобрительно глянул в их сторону, постучал карандашом по графину и строго осведомился:

— Что происходит?

— Экспроприация экспроприаторов! — громко на весь зал произнёс Чистяков, засовывая в карман рубахи три пятисотрублёвые бумажки. — Продолжайте, товарищ Сталин, а я вынужден удалиться: мочи нет, как горло пересохло.

Выходка Чистякова развлекла собравшихся, а у Игрунова вызвала прилив храбрости, и он, вскочив на свои хилые ножки, выкрикнул:

— Лозунгом и целью Октябрьского переворота было: «Всё отобрать и поделить!» Об этом сейчас знает каждый первоклассник. Отнять и поделить! Отнять и поделить!

— Преступное враньё! — вспыхнул Хватков. — Это больше похоже на лозунг сегодняшних воров: «Отнять у народа и спрятать в офшорах!»

— Заканчивайте перепалку! — повысил голос Синюгин. — Слово — вождю!..

— А вот с этим надо повременить! Всем оставаться на своих местах! Приготовить документы для проверки!

В зал ворвались с десяток омоновцев с резиновыми дубинками, затем в дверях показался полицейский офицер, который цыкнул на попытавшегося проскочить мимо него Чистякова.

— Назад! Документы!

Чистяков подрагивающей рукой подал членский билет Союза писателей и пробормотал:

— Я, товарищ капитан, паспорт с собой не ношу.

Офицер сличил физиономию поэта с фотокарточкой на документе и вернул его владельцу:

— Из зала до окончания проверки не выходить! Ясно?

— Так точно, господин капитан!

Собравшиеся на встречу с вождём ведущие журналистские перья нашей области были людьми, избалованными властью, которую им давала свобода слова, и хотя эта власть была всего лишь четвёртой по значению в государстве, но и она давала им возможность воображать себя значительными персонами и посматривать на полицию с пренебрежением. Поэтому публика, атакованная ОМОНом, сначала опешила, затем послышался недовольный ропот, и послышались негодующие голоса.

— Я депутат Законодательного собрания области! — заявил Хватков и сунул мордастому охламону красную книжечку, но тот и ухом не повёл, а ловко выхватил депутатскую ксиву, а самого депутата вдавил своей лапищей в кресло.

— Я председатель общественного совета при управлении внутренних дел области, — хорохорился Игрунов, извлекая из кармана дорогой мобильник. — Спокойно, господа! Я сейчас свяжусь с генералом полиции, и он расставит все точки над «i»...

Однако дозвониться ему не удалось: дюжий омоновец заломил ему руку за спину, отобрал телефон и сунул в карман пёстрой униформы:

— Предъявите документы!

— Пожалуйста, вот моё служебное удостоверение! — засуетился главный редактор областного радио. — Первый раз вижу работу ОМОНа, впечатляет!

Не прошло и полутора минут, как документы были изъяты и переданы полицейскому офицеру. Он их ссыпал в бумажный пакет и неторопливо спустился к эстраде, по которой нервно прохаживался Синюгин.

Сталин сидел, положив ногу на ногу в кресле, курил трубку и спокойно смотрел на приближавшегося к нему капитана. Когда полицейский подошёл к нему вплотную, вождь из лежавшей на столе папки вынул лист гербовой бумаги и протянул офицеру.

— Что это такое?

— Патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Не просрочен.

— Вас что, действительно зовут Иосиф Виссарионович Сталин? — сказал капитан, разглядывая патент.

— Вот мой паспорт, вот справка из детского дома, — Сталин подал полицейскому документы.

— Чем вы занимаетесь сейчас в данном месте?

— У меня встреча с журналистами. Вот, кстати, и договор с господином Синюгиным на проведение этой встречи.

Капитан мельком глянул на договор, бросил на стол и повернулся к самому оппозиционному редактору региона.

— Ваши документы!

Синюгин протянул паспорт и доверительно произнёс:

— Здесь собрались самые известные журналисты области. Здесь нет злоумышленников.

Капитан раскрыл паспорт, отшатнулся от него и радостно хохотнул:

— Здесь точно нет злоумышленников, зато есть отъявленный взяточник! Товарищ Сталин, что лежит в паспорте?

Вождь неспешно приблизился к офицеру, глянул на раскрытый паспорт и пыхнул трубкой.

— Две тысячные купюры.

— Так и запишем. В протоколе.

— Господин капитан! — заюлил Синюгин. — Произошла ошибка. Я готов всё объяснить, но не здесь. Здесь место для дискуссий, а не для деловых разговоров.

— Полиция взяток не берёт!

Офицер жестом велел Синюгину заткнуться и подошёл к микрофону.

— Ваша сходка является незаконной, и я её закрываю. Всем, кроме задержанного, документы будут возвращены на выходе.

— Я арестован? — вякнул оппозиционный редактор.

— Пока задержаны — до выяснения обстоятельств покушения на дачу взятки должностному лицу при выполнении им служебных обязанностей.

— Интересно девки пляшут, — картинно развел руки в стороны Синюгин. — Выходит, я не имею права хранить свои деньги в своём паспорте?

— Конечно, имеете такое право, но только до того момента, когда предъявите его полицейскому. Но у нас ещё будет время побеседовать на эту тему.

— Капитан! — пробасил кто-то. — Оставьте его в покое. Завтра он напечатает в газете, что вы вымогали у него взятку, и вам не отмыться.

Офицер на сочувственный возглас не обратил внимания, он был занят Сталиным.

— Вы можете мне понадобиться как свидетель. Где вы остановились?

— Я прилетел утренним рейсом и пока не знаю, где буду ночевать, — сказал вождь. — Синюгин задержан. Может, и меня, вместе с ним, поместите у себя?

— У меня к вам претензий нет. Пройдитесь по гостиницам, может, вам повезёт.

— Вот-вот, пусть посмотрит, какие гостиницы в «культурной столице Европы», — сказал Синюгин. — Но сейчас ночи тёплые, можно и на уличной скамейке заночевать.

Чистяков с всё возрастающим интересом прислушивался к разговору. Сталину надо было помочь, и поэт подал голос.

— Господин капитан! Пусть Иосиф Виссарионович у меня заночует. Вы ведь меня знаете, потому что задерживали на митинге.

— Кто такого баламута не знает в полиции? Ладно. Пусть ночует у тебя, а завтра отзвонись по моему номеру.

Зажав в кулаке визитную карточку, Чистяков потянул Сталина за рукав кителя:

— Пойдёмте, Иосиф Виссарионович, как бы капитан не передумал, а то у нашей полиции на неделе семь пятниц.

На улице было людно, но Сталина это не смущало, и он, не отставая, следовал за Чистяковым по тротуару, вызывая у прохожих привычный для ряженого интерес к своему внешнему виду. Чистяков время от времени поглядывал на своего спутника, пытаясь определить его возраст, но вскоре его внимание привлёк пивной ларёк.

— Не пора ли освежиться пивком, товарищ Сталин?

— Я пиво не пью, — холодно сказал вождь. — А от стакана минералки не откажусь.

Чистяков оставил своего спутника возле столика и скоро вернулся с бутылкой «Волжанки» и двумя бумажными стаканами.

— По полному? — сказал он, нацелившись горлышком бутылки на стакан вождя.

— Не возражаю. По полному, так по полному.

В меру охлаждённая газировка приятно щекотала небо и ударила в нос.

— Крепка советская власть! — разразился привычной присказкой Чистяков, и тут же спохватился. — Я имею в виду газировку.

— Какие люди, такая и власть, — с горечью произнёс Сталин и отвернулся от компании любителей пива, которая поглядывала в его сторону с нескрываемым интересом.

— Может, перейдём к крайнему столику? — предложил Чистяков.

— Не стоит. Я уже привык, что люди удивляются моему сходству со Сталиным.

— Но по документам вы и есть самый настоящий Иосиф Виссарионович Сталин.

— Федот, да не тот. Впрочем, послушаем, что обо мне скажет публика.

Любители пива были изрядно под хмельком и не сдерживали себя в разговорах.

— Это тот Сталин, которого в городе видели возле базара.

— А как похож! Может, родня?

— Слух идёт, что родной внук. А ты подойди и спроси.

— Неудобно как-то...

— Неудобно штаны через голову надевать. Давайте затаримся пивом и подвалим к нему с угощением.

— Пора уходить, — забеспокоился Чистяков. — Или вы, Иосиф Виссарионович, намерены вступить с этими забулдыгами в дискуссию?

Сталин вынул из кармана носовой платок, отёр влажные усы и, повернувшись, двинулся через улицу. Чистяков поспешил за ним следом, не обращая внимания на призывные возгласы хмельной компании. Чтобы избежать ненужных встреч, он повёл своего спутника через сплетение переулков, заброшенный сад, по дну оврага, выбравшись из которого, они оказались на задах чистяковского домовладения.

— Картошка не прополота, — заметил, проходя по огороду, Сталин. — Ты что, холостякуешь?

— Можно сказать, сирота, — вздохнул Чистяков. — Но я живу не один. В моей развалюхе, кроме меня, обитает прекрасная, но капризная дама, с которой я никак не могу поладить.

— Да у тебя спелых помидоров полно, — сказал Сталин и, взяв старое ведро, обобрал помидорный куст, затем нашарил на огуречной грядке несколько зелёных и пупырчатых карапузов. — Значит, твоя дама ещё и ленивая хозяйка: огурцы, лук, горох, кажется, за лето никто ни разу не поливал. Кстати, как её зовут?

— Зовут её поэзия, — усмехнулся Чистяков. — Как себя помню, она всегда рядом со мной.

— Чему же ты не рад? — сказал Сталин. — Разве писать стихи не весёлое занятие?

— По молодости поэзия ласкала и согревала мою душу, а сейчас это скорее мука, чем любовь.

Сталин покрутил водопроводный кран, извлёк из него струйку воды, ополоснул огурец, откусил от него кусочек и тотчас выплюнул.

— Не поливал, вот и выросли горькими, — сказал Чистяков. — Последние пятнадцать лет и стихи идут сплошь горькие, как степная полынь. А вам ваше занятие не обрыдло?

— Из детдомовцев поэты не выходят, потому что у них нет нормального человеческого детства. Из детдома я попал в ремеслуху, выучился на слесаря, отслужил в армии, закончил институт, прожил жизнь и только недавно узнал, кто я такой.

— Ну и какой? — подтолкнул погрузившегося в воспоминания гостя Чистяков. — Глянули в зеркало и узнали в себе молодого Сталина?

— Всё случилось проще и убедительнее. Ко мне пришёл один из офицеров комендатуры Кремля и рассказал, где меня нашли.

— И вы ему поверили, — усмехнулся Чистяков.

— Поверил? — задумался Сталин. — Скорее, удивился. Но он оставил копии документов, которые, конечно, не были заверены, но выглядели очень внушительно. Уходя, этот человек сказал: «Твоё сходство со Сталиным — самое убедительное доказательство истинности моих слов».

— И вы увидели в себе близкого родственника вождя советского народа? — ухмыльнулся Чистяков. — Считаю, что разговор между нами вступил в такую фазу, что без бутылки не разобраться. Посему прошу в моё поэтическое ателье. Можете следовать за мной без опаски. Конечно, мои апартаменты не сравнить с кремлёвскими, зато прослушки у меня нет и можно говорить всё, что взбредёт в голову.

— А это что, душ? — сказал Сталин, указывая на железный бак, установленный на крыше деревянной будки.

— Желаете ополоснуться? Прошу. А я займусь приготовлением стола. Только не суйте сразу голову под лейку, подождите, пока сойдёт ржавчина.

Поозиравшись по сторонам, Сталин снял китель, повесил его на яблоневый сучок, разулся, освободился от штанов, которые положил на кусты малины, сделал несколько взмахов руками, приседаний, подпрыгиваний и вошёл в душевую кабину, снял трусы и открутил кран. Из лейки брызнула вода, почти горячая и чистая. Куском хозяйственного мыла он помылил голову, плечи, руки, живот, спину и ноги и встал под душ, чувствуя, как его покидает усталость и прибывают силы.

«Никто и не подозревает, — думал он, — что я на самом деле ощущаю себя Сталиным, а не двойником, как другие, кто натянул на себя личину вождя, чтобы получать жалкие подачки за скоморошные кривляния на потеху публике. Сегодня ОМОН помешал мне закончить встречу с журналюгами и не дал ответить на главный вопрос: «Как спасти Россию?» Ответ у меня есть, и Сталин подписался бы под ним безоговорочно: России нужен тридцать седьмой год, сегодня жизненно необходимо расстрелять сто тысяч самых крупных предателей и воров, чтобы спасти державу от гибели».

Впервые эту опасную в первую очередь для самого автора идею массовых репрессий не без колебаний он огласил год назад перед сотрудниками одного из академических институтов, бывшего при советской власти одним из главных опорных пунктов диссидентов. Она была встречена недоуменным молчанием, затем послышались

робкие хлопки, переросшие в оглушительные аплодисменты. И человек, озвучивший эту немыслимую в условиях повальной демократии в полном смысле этого слова кровавую идею, на какой-то миг ощутил себя вождём, а не тем, кем он был на самом деле всю жизнь — простым советским инженером на водоканале, получившим по непонятному стечению обстоятельств поразительное сходство с вождём советского народа.

До перестройки это обстоятельство не особенно его тяготило, тем более что он не подчеркивал сходство со Сталином: не носил усов, не напускал на себя важный вид, не курил трубку. Но в один из мрачных осенних дней, когда он уныло прохаживался по заваленной мокрыми листьями парковой аллее, к нему подошла пожилая монашка, поклонилась в пояс, поцеловала руку безработного инженера, и тот услышал от неё такое, что изменило его жизнь самым невероятным и причудливым образом.

Монашка исчезла, но её голос навсегда сохранился в памяти как руководство к действию. И придя домой, он долго рассматривал свою физиономию, затем вырезал из черной бумаги усы, приладил их к верхней губе, поглядел в зеркало и почти уверовал в своё сходство с вождём советского народа. Осторожность заставила его дождаться, пока не отросли настоящие усы, затем он сфотографировался в фас и профиль и сравнил снимок со снимками Сталина. Сходство было поразительным, но через два-три месяца оно ещё более усилилось. И голос, и жесты, и походка стали вполне сталинскими, как и манера держать трубку и внимательно-добрый чуть вприщурку взгляд мудрого вождя и учителя.

Обретя внешнее сходство с вождём, он не поспешил на Красную площадь, чтобы зашибать деньги фотографированием в обнимку с туристами. Это занятие ему претило. Он захотел как можно теснее духовно сблизиться с настоящим Сталиным и трижды прочитал собрание сочинений вождя, а некоторые его работы выучил наизусть и мог цитировать по памяти целыми страницами, примеряя их к политической обстановке в стране. Урезав свои потребности до минимума, на сэкономленные деньги он заказал в военном ателье маршальское обмундирование и, обрядившись то в один, то в другой мундир, расхаживал по квартире, цитируя вождя, и дискутировал с дикторами, комментаторами и политологами проводного радио, оттачивая мастерство оратора и острого полемиста. Ещё не отдавая себе отчёта, он готовил себя к новому поприщу агитатора за бессмертие идеалов коммунизма, и те немногие зрители, что его видели и слышали, были от него в восхищении и подталкивали новоявленного Сталина к появлению на публике.

Дебют в качестве вождя советского народа состоялся в День Победы в клубе ветеранов, куда его привёл сосед по лестничной площадке, бывший фронтовой разведчик, чтобы почтить заслуги и память верховного главнокомандующего, которого демократическая власть всячески третировала и унижала. Конечно, подставной Сталин сильно волновался, но его встретили с таким восторгом и обожанием, что он сумел без запинки и вполне в сталинской манере произнести поздравление Сталина советскому народу по случаю победы в Великой Отечественной войне. Успех был оглушительный. Ветераны растрогались до слёз, обступили своего обожаемого вождя, каждый стремился до него дотронуться, его задарили цветами, конфетами и отправили домой на такси.

Однако первый успех не вскружил ему голову. У него насчёт своего будущего были вполне серьёзные планы: в пику врагам Сталина являть его таким, каким он остался в памяти народа — мудрым, добрым и непримиримым ко всякой лжи и несправедливости, которые отравляли настоящее, прошлое и будущее великой страны. Он стал непременным участником собраний, где была хоть малейшая возможность взойти на трибуну и воплотиться в вождя. Скоро на нового Сталина возник большой спрос в самых разных аудиториях. И даже оголтелые враги после его выступлений были вынуждены сквозь зубы признаваться, что с ним трудно, а порой и невозможно спорить, поскольку железная логика классика марксизма-ленинизма сочеталась в его выступлениях с сокрушительными фактами. И вскоре бывший инженер водоканала стал в определённых кругах знаковой политической фигурой, и слава о нём докатилась до провинции, его стали приглашать то в один город, то в другой. Совсем недавно он посетил Самару, где его подхватил вездесущий Синюгин и заманил в наш город из чистого бахвальства как редкий политический персонаж, чтобы оживить тусклую действительность родины вождя мирового пролетариата, оказавшейся в стороне от финансовых потоков нефтедолларов.

Чистяков, которого обывательская молва считала пустым и безалаберным человеком, на самом деле всегда держал данное слово и, не заходя в ларёк, перебежал по мосту через Свиягу к дому, где жила Соня, чтобы рассчитаться за охрану доверенного ему авто. Он и не предполагал, что его с нетерпением выглядывает с

балкона Митя, который, завидев поэта, замахал руками и заулюлюкал, чтобы привлечь к себе внимание, затем бросился по лестнице вниз и, выбежав из подъезда, бросился Чистякову на шею.

— Поздравь меня! Я принял самое важное в жизни решение.

— Что ты надумал? Хотя стой, молчи! Ты решил жениться на Соне?

— Ты угадал, — зарделся Митя. — И хочу сделать это немедленно.

— Зачем прерывать свидание на такое скучное мероприятие, как женитьба? — хмыкнув, сказал Чистяков. — Разве нельзя отложить это дело хотя бы на завтра? Да и с родителями умно было бы посоветоваться.

Митя насупился и, глянув вверх, на балкон, где стояла Соня, нетерпеливо сказал:

— Ты отказываешься мне помочь?

— В чём? В женитьбе? Но у тебя всё на мази. Садись в авто с суженой и мчись в загс. Хотя они уже закрыты. Но за бабки можно зарегистрироваться в любое время суток.

— Нам загс не нужен, — заявил Митя. — Помнится, ты меня хотел познакомить со священником. Пусть он нас обвенчает.

— Откуда такая прыть? — покачал головой Чистяков. — У тебя же с ней всё тип-топ. От добра добра не ищут.

Митя смутился и потупился. Он не мог объяснить ни себе, ни случайному приятелю всего, что с ним произошло за последние несколько часов. Отношения между мужчиной и женщиной представлялись ему совсем другими, чем оказались на самом деле. Митя даже в самом страшном сне не мог представить, что вид обнажённой и желанной женщины мгновенно лишит его сдержанности и благовоспитанности, и он превратится в пылающего похотью и не знающего удержу ненасытного самца, в своего обезъяноподобного первобытного предка. И прекрасная боготворимая им Соня стала для него не предметом обожания, а самкой, которую он мял и тискал.

Человеческое сознание вернулось к нему с чувством стыда, которое было столь сильным и острым, что Митя всхлипнул, и Соня приникла к нему всем телом и принялась утешать жаркими поцелуями.

— Этот вопрос не обсуждается, — твёрдо сказал Митя. — Мы едем к священнику, — он подошёл к машине, открыл дверцу и, подняв голову, крикнул: — Соня, поторопись!

— А кто будет со мной за охрану машины рассчитываться? — послышалось из распахнутого окна квартиры возле мусоропровода. — Я все глазоньки проглядела, пока ты у Соньки котовал, а теперь слинять хочешь? Не на ту напал, милый!

Митя растерялся, но Чистяков его не оставил в беде:

— Заказ на охрану отменяется. Мы уезжаем.

— Это как отменяется! — завопила старуха. — Плати за шесть часов, что я отсторожила. А то не с вас, так с Соньки слуплю в тройном размере. Нашлись мне, шустрые. Ужо сейчас позвоню внуку, он вас, шоблоту, на счётчик поставит! Слыхали про такое?

— Да уймись ты! — рассердился Чистяков. — Вот тебе за восемь часов сто рублей и замолчи, ради бога.

Старуха резво схватила деньги и выпучила глаза на крыльцо, где в ослепительно белом платье, белых туфлях и воздушной фате стояла Соня.

— Да у вас никак свадьба?

— Красиво жить не запретишь, — растерянно вымолвил оторопевший от неожиданности Чистяков, затем отпрыгнул к машине и открыл дверцу.

— Надо купить кольца, — сказала Соня. — И цветы.

— Я не знаю, какие при венчании порядки, но надо прихватить с собой ещё одного свидетеля, — озабоченно произнёс Чистяков. — И он нас ждёт.

— Где ждёт твой свидетель? — сказал Митя, когда вырулили на дорогу.

— У меня дома. Это ещё тот свидетель. Ни у кого он на свадьбе не был, а вам одним достался. Только одно условие: ничему не удивляться и не спрашивать.

Они переехали через Свиягу по мосту и остановились возле чистяковского домовладения. Хозяин быстро вошёл в дом и через несколько минут появился на крыльце с человеком, поразительно похожим на Сталина.

— Кто это такой? — взволнованно прошептала Соня.

— Выглядит как Сталин, скоро узнаем, — пожал плечами Митя.

— И это наш свидетель?

— А чем он плох?

Чистяков открыл переднюю дверцу машины и усадил вождя рядом с женихом.

— Радуйтесь, друзья! Иосиф Виссарионович согласился быть на вашей свадьбе свидетелем.

— Не свидетелем, — строго сказал Сталин, — а дружкой. Кажется, здесь все право-

славные, поэтому будем блюсти не заёмные, а свои исконно русские обычаи.

— Выезжай на Московское шоссе, — сказал Чистяков. — Через два светофора будет торговый центр, где есть ювелирный магазин. А я заскочу в продуктовый. Вы своим скоропалительным венчанием перебили застолье, которое я вознамерился устроить в своём доме в честь вождя советского народа. А пока нам не худо было бы перекусить. Вы согласны, Иосиф Виссарионович?..

Они благополучно миновали оба светофора и въехали на площадку перед стеклянным караван-сараем, припарковались и влились в поток покупателей весьма колоритной и привлекающей внимание группой. Впереди шли, взявшись за руки, Соня в подвенечном платье и Митя в джинсах и мятой рубахе. За ними следовали Сталин и Чистяков. Перед входом в ювелирный магазин их остановил охранник, внимательно обшарил каждого пустым взглядом и разрешающе кивнул бритой наголо головой.

Покупка колец не заняла много времени, но Чистяков успел разглядеть и обойти все витрины с драгоценностями, но задержался у одной, где были выставлены миниатюры, выполненные в палехской манере, на народные исторические и религиозные темы. Одна из них ему показалась весьма любопытной, и он подозвал Сталина.

— Я уже видел икону с Матроной и с вами, Иосиф Виссарионович, в церкви. Миниатюру с этим сюжетом вижу впервые.

— Что вас заинтересовало? — сказал продавец. — Миниатюра со Сталиным? Она у нас пользуется спросом. Осталось два экземпляра.

— Покажите оба, — сказал Митя.

— Стоит ли тратить деньги на жалкий примитив? — усмехнулся Чистяков. — Или их у нас как грязи?

Митя пропустил насмешку лирического охламона мимо ушей, отдал деньги и протянул одну миниатюру Сталину.

— Это вам на память о сегодняшнем счастливом для меня дне.

Сталин вынул из нагрудного кармана кителя очки, внимательно рассмотрел изображение и сказал:

— Достоверно известно, что он в середине октября сорок первого года пришёл к Святой Матроне, и она ему объявила, чтобы он не уезжал из Москвы. Так Сталин и поступил: не уехал в Куйбышев и отстоял столицу.

Тем временем Чистяков успел набить сумку едой и питьём и, запыхавшись, догнал своих спутников, когда они устраивались на сиденьях машины.

— Куда ехать? — сказал Митя. — Это где-то за городом?

— На околице нашей большой деревни, — небрежно уточнил Чистяков. — Иногда мне приходится бывать в тамошнем храме.

— На службах? — поинтересовался Митя.

— Какой из меня верующий? — усмехнулся Чистяков. — Одно знаю, что я не язычник, а до веры в Христа мне ещё далеко-далеко. Отец Антоний одобряет некоторые мои писания, а я этим пользуюсь: когда на мели, то он даёт мне взамен тыщу-другую, естественно, без отдачи.

— Как-то нехорошо получается, — обеспокоенно сказала Соня. — Едем, не предупредив, а может, он занят чем-то другим. Надо было с батюшкой хотя бы созвониться.

— Это не проблема, — вынимая сотовый телефон, сказал Чистяков. — Кто будет говорить?

— Ты и говори, — глянул на него Митя. — Намекни, что потраченное им время будет оплачено.

— С попами надо на эту тему говорить прямо, — усмехнулся Чистяков. — Пятьдесят тысяч тебя не разорят?

На телефонный вызов ответила церковная прислужница.

— Отец Антоний занят с прихожанами, — отключив телефон, сказал Чистяков. — Но ты, Митя, не сомневайся, он вас обвенчает с большим удовольствием.

— Откуда такая уверенность? — капризно надула губки Соня.

— За вас самым убедительным образом походатайствует Митина фамилия, Козырев. А козырные люди в нашем городе могут почти всё. А Митя — в их колоде самый заглавный козырь.

— Я к этим фигурам не принадлежу и уповаю на ходатайство Иосифа Виссарионовича, — недовольно сказал Митя. — Думаю, отец Антоний не решится противоречить товарищу Сталину.

— Буду рад вам помочь, если смогу, — сказал Сталин, обнюхивая тёплый пирожок с капустой, которым угостил его Чистяков. — А что, с яблоком пирожков не было?

— Я торопился и не шибко разглядывал то, что покупаю. Может, заменить пирожок на беляш?

Они ехали по шоссе в сторону заходящего солнца, которое уже коснулось огненным краем линии горизонта и протекло багрово-сизыми языками протуберанцев на старые

тополиные посадки, куда они повернули на разбитую, когда-то покрытую асфальтом дорогу к посёлку, на краю которого стоял невеликий православный храм. Никто из них не перекрестился, не от безверия, а от того, что не был научен этому с детства, но каждый почувствовал даже от простого лицезрения храмового благолепия, как помягчело у него на сердце.

— А вот и сам отец Антоний, — сказал Чистяков. — Остановись здесь. Он не любит, когда подъезжают к самой паперти. Не торопясь, выходите, а я пойду на разведку.

Священник, прощаясь, благословлял своих духовных чад, и приезжим пришлось подождать, пока Антоний обратит на них внимание. Наконец старушки направились в сторону посёлка, и священник подошёл к Чистякову.

— Что у тебя за попутчики, с чем пожаловали? Хотя вижу, что ты привёз ко мне не гостей, а хлопоты. Кто это, не разберу в сумерках, вроде военный?

— Это, батюшка, самый нужный тебе человек.

— Да ну. Хотя стой. Ты что, Сталина мне привёз?

— Не совсем его самого, но близко к нему, на этот счёт у него и документы имеются.

Беседуя, они подошли к машине. Соня догадалась сделать то, что другим не пришло в голову:

— Благословите, батюшка.

— Бог благословит, — благожелательно вымолвил отец Антоний и с видимым удовольствием позволил девице поцеловать свою руку.

Митя, покраснев до корней волос, тоже подошёл под благословение, но руку не поцеловал, на что отец Антоний нахмурился, и Чистяков поспешил сказать:

— Это Дмитрий Андреевич Козырев, коего ты, батюшка, желал увидеть сегодня.

— Как же, как же... — священник снова стал доброжелательным. — Я прочёл статью о душе, которую ты разместил в интернете, и был поражён. Нет, это просто невероятно! Молодой человек и я, седой дурень, обратились к президенту страны с одним и тем же вопросом: «Кто в России отвечает за душу человека?»

— Но я в ЖЖ не писал, что обратился к президенту, — сказал Митя. — Откуда вы узнали?

— В сети не пропадёт ни одно слово. Я набрал название статьи, твоё имя и вышел на обмен твоими комментариями с пользователем из Белоруссии. Ты сообщил ему о своём обращении к главе государства. Как видишь — всё просто. Так я прав или нет?

— Вы правы. А я понял одно, что душа сейчас не в почёте ни у мирских властей, ни у духовных, коль этим вопросом озаботился столь почтенный священнослужитель, как вы.

— А ты острый молодой человек, — снисходительно молвил отец Антоний. — Весь в своего отца, каким он был в молодые годы. Одно слово — умник, другое — правдолюб. Крепко я перед Андреем виноват, что своим примером сбил его с пути, а теперь этого не поправишь.

— Он доволен и собой, и своей жизнью, — сказал Митя.

— Хорошо, я с ним, даст Бог, ещё свижусь. А ты что от меня хочешь?

— Мы с Соней хотим обвенчаться.

— Прямо сейчас? — всплеснул руками отец Антоний. — Ты что, взял эту красавицу от родителей убегом?

— Скорее, это я его увожу от родителей, — тихо сказала Соня и взяла Митю за руку.

Отец Антоний задумался и молвил:

— Думаю, мои увещания вас не остановят. Остаётся уповать на волю божью. А я вижу, что вы оба не лишены искорок веры. Обвенчать — дело нехитрое, но за развенчанием ко мне не приходите, не приму. А сейчас ступайте на лавку и ждите, вас позовут, — священник подозвал к себе прислужницу и велел приготовить всё для совершения обряда венчания. Затем он обратился к Чистякову. — Скажи, как обращаться к твоему спутнику.

— Называй его товарищ Сталин.

— Не слишком ли высоко будет — товарищ Сталин? — усомнился отец Антоний. — Каждый человек должен жить под своим настоящим именем.

— Не сомневайся, батюшка, у этого гражданина паспорт выписан на имя Сталина Иосифа Виссарионовича.

Священник недоверчиво покачал головой.

— Разве такое возможно?

Сталин вынул из нагрудного кармана мундира паспорт и протянул отцу Антонию.

— Всё правильно: доверяй, но и проверяй. Вот ещё нотариально заверенный документ о моём появлении на свет.

Прочитав по два раза казённые бумаги, отец Антоний заметно разволновался.

— Вы явились как раз ко времени, а это ещё одно несомненное проявление чуда Блаженной Матроны. Завтра во её имя мы совершаем крестный ход и молебен на кладбище, где покоятся умершие от ран в военных госпиталях во время Отечественной войны и в послевоенное время. Приглашаю вас, товарищ Сталин, принять участие в богоугодном деле. При храме есть небольшая гостиница, можете в ней поселиться на сколько угодно времени.

— Перво-наперво надо обвенчать наших Ромео и Джульетту, — напомнил Чистяков. — Если нужны свидетели, то я и товарищ Сталин готовы поучаствовать в венчальном обряде.

— Я это сделаю с большой охотой, — сказал Сталин. — Только подскажите, что я должен делать.

— За этим дело не станет. Я пойду в храм, мне нужно переодеться. А вы ступайте к жениху и невесте.

Новобрачные сидели на врытой в землю лавке и молчали, охваченные самыми противоречивыми чувствами. Митя после согласия священника совершить обряд венчания почувствовал сначала облегчение, а затем прилив радостной уверенности в своих силах, которые он подтвердил в этот день уже не один раз наедине с Соней. До неё он никогда не испытывал чувства победителя, и не будь на его пути Сони, скорее всего остался бы надолго, а может быть, и навсегда жалким пробирочником. Но теперь, когда он перешагнул через свои комплексы рукотворного существа, ему стали доступны все ощущения, все краски, все нюансы человеческой жизни. И не будет преувеличением сказать, что Соня помогла Мите родиться во второй раз, уже настоящим земным человеком, в котором, к огорчению патриарха, плоть гораздо сильнее души, и бывший пробирочник не был в этом смысле исключением из правила.

Если Митя ожидал венчания как достойного окончания, пожалуй, самого важного в своей жизни дня, то Соня пребывала в растерянности. Она вовсе не горела желанием сочетаться браком с милым и наивным парнем, который ей понравился, но не более того. Слишком много ей пришлось испытать житейских тягот, унижений и соблазнов, чтобы сохранить свою душу в первозданной чистоте. Она уже давно не верила никому и ничему. В день, когда встретила Митю на волжском пляже, чуть не пустилась по уговору подруги во все тяжкие, но что-то её удержало, а затем толкнуло бежать сломя голову из гостиничного номера, чтобы встретить в потёмках Митю. И только сейчас, глядя на вызолоченный закатом купол церкви, она догадалась, что всё это произошло не случайно, а по воле каких-то недоступных её пониманию сил.

— Нам пора, — произнёс Митя подрагивающим голосом. — Отец Антоний зажёг в храме полный свет.

Они поднялись с лавки и пошли к храму по влажной от росы траве, и за ними оставался похожий на давно проторенную тропу ясно видимый след, освещённый едва видимым светом загоревшейся на небе вечерней звезды.

– 14 –

Ужин при свечах удался на славу, особенно его интимное продолжение, после чего я в самом безмятежном состоянии духа отошёл ко сну и почивал, аки младенец, но утром проснулся с посасывающим душу беспокойством, будто мы с Любой в квартире не одни, кто-то затаился в ней ещё, и нам грозит близкая опасность. Страх смыл остатки сна. Я встал с кровати и, прихватив в качестве оружия мраморную пепельницу, обошёл, крадучись, все комнаты. Затем заглянул на кухню, в ванную и туалет, включил свет в кладовке и тёмном коридорчике возле входной двери и удостоверился, что никто нам не угрожает, а все мои страхи имеют совсем другую причину, скорее всего — Митю, который, оставшись у Сони, вполне мог вляпаться в какую-нибудь историю.

На несколько настойчивых телефонных вызовов он не ответил, и это укрепило меня в догадке, что пробирочник выкинул какой-нибудь фортель и мне достанется на орехи от Андрея Ильича за небрежение к своим служебным обязанностям. Надо было этого избежать, поэтому я быстро оделся, на ходу подкрепился чашечкой кофе и поспешил в офис концерна. И сделал это очень вовремя: возле моего кабинета нетерпеливо перетаптывался Маркин. От него я мог всегда получить информацию, по достоверности не уступающую той, за которой охотилась розыскная команда начальника службы безопасности Ершова.

Маркина я держал на коротком поводке, чтобы он не заносился и знал своё место. Поэтому осадил его пренебрежительным возгласом:

— Что с текстом гимна? Или твоя милость опять об этом забыла?

— Чистяков вырвал из меня за дюжину строчек полтора куска, но не в этом цимус ситуации.

— Что ещё за цимус?

— Сокровенная суть или соль момента, — поучающе заметил Маркин.

— Не тяни кота за хвост. Все выплаты будут произведены по итогам юбилея в одном конверте, так что подачки от меня не жди.

— Мои сведения столь важны, что нуждаются в предоплате.

— Ты не цыганка, чтобы золотить тебе ручку.

— Повторяю: я претендую на предоплату.

Я приоткрыл ящик стола и углядел между папками пару тысячерублёвых бумажек.

— Ну и что ты откопал?

— Это продаётся с раннего утра в киосках, на автобусных остановках и в трамваях! — зловещим тоном произнёс Маркин и подал мне синюгинскую газетёнку «Стресс». — Весь разворот отдан сыну президента «Народной Инициативы». Обратите внимание на заголовок. Это надо же такое наворотить: «Наследник из английской пробирки».

Я развернул газету и увидел себя рядом с Митей. И где только успели щёлкнуть да ещё в таком виде: у меня открыт рот, а у Мити закрыты глаза. Это что, фотонамёк?

— Поражаюсь, что Синюгин осмелился ударить под дых самого Козырева, — осторожно произнёс Маркин. — Кажется, его кто-то, как шавку на кабана, натравил на Андрея Ильича.

— Выкладывай всё, что знаешь! — стукнул я по столу кулаком.

— Не всё так просто, Игорь Алексеевич, — вздохнул Маркин. — Многое наложилось одно на другое, сразу и не понять. С одной стороны, бузят «зелёные» по поводу экологии Бесстыжего острова, с другой — заметен явный интерес группы московских и немецких бизнесменов к активам вашего концерна. Губернатор ради забугорных инвестиций готов заложить всю Волгу вместе с Андреем Ильичом. Но самое, на мой взгляд, опасное для Козырева заключается в том, что люди устали от «Народной Инициативы», человеку и шагу невозможно ступить, чтобы не споткнуться о рекламу, магазины, здания и прочее, прочее, принадлежащее концерну. Многим кажется, что они уже принадлежат не себе, а достойному во всех отношениях олигарху Козыреву.

— Этот бред ты подчерпнул отсюда? — я положил ладонь на синюгинский подрывной листок.

— Что вы? — заметно побледнел Маркин. — Я изложил то, о чём говорят люди. За последние полгода после выборов президента они стали заметно другими.

Этот демократический выпад меня позабавил. Это надо же, за полгода люди стали другими, а почитаешь Библию — и поймёшь, что человек за тысячи лет практически не изменился, всё так же лжив, труслив и жаден от времен Адама до президента Путина.

— А по моим сведениям, Синюгин сколачивает шайку из блатного отребья, а вот зачем ему это понадобилось, ты уж мне доложи.

— Что за шайка? Кто в ней верховодит? — насторожился Маркин.

— Некто Чугун. Знающие люди считают его способным на всякие подлости.

— Слышал о нём в связи с поджогом кондитерской фабрики. Говорят, это его рук дело.

— И кто от пожара выиграл?

— Кто-то из самарских бизнесменов строит на этом месте дом на четыреста квартир повышенной комфортности. Могу уточнить.

— Ты уж постарайся, и родина тебя не забудет. Есть ещё что-нибудь вкусненькое? Ты ведь всегда приберегаешь самое интересное на десерт.

— В городе появился Сталин, — выдохнул Маркин.

— Тоже мне — новость. Я вчера его видел на улице, кстати, с Синюгиным. Это он его приволок в наш город?

— Похоже, что он. Вчера устроил ему встречу с журналистами в спор-клубе. И Сталин оказался далеко не прост. Во-первых, он умён, во-вторых, обезопасил себя железными доказательствами, что имеет право говорить от имени вождя советского народа.

— Наверно, у него справка от Ленина, — усмехнулся я.

— Нет, справка от вполне компетентных органов, что его нескольких часов от роду обнаружили почти сразу же после перезахоронения Сталина за Мавзолеем, на могиле вождя. У него и все личные документы на имя Иосифа Виссарионовича Сталина. При мне полиция проверила его и отпустила.

— Что ж, подобьём итог, — после некоторого молчания заметил я. — Вокруг Синюгина хороводятся весьма одиозные фигуры. Чего стоят только бандит Чугун и залётный Сталин. Надо с этим конкретно разобраться и понять, с какой стороны ждать подвоха. Такова вкратце суть задания на ближайшие сутки. Времени у нас нет. Послезавтра юбилей Козырева. По его итогам и будет определён гонорар всем участникам юбилейного торжества. Что касается тебя, то подготовь проект договора с концерном на оказание информационно-консультативных услуг.

— Какую поставить сумму? — шевельнул кадыком, сглатывая слюну, Маркин.

— Добавь к прошлогодней инфляцию и плюс пять процентов за оперативность.

И тут Маркин меня удивил, заявив, что он предпочитает получить расчёт немедленно по выполнении задания. Я презрительно на него глянул, но он не дрогнул.

— Андрей Ильич вот-вот перевалит на восьмой десяток. Я ему желаю всяческих благ, но мы предполагаем, а бог располагает. Вдруг у него лопнет мозговой сосудик. И кто мне оплатит мой труд?

Я счёл неразумным комментировать наглое заявление журналюги. Просто указал на дверь и рыкнул вслед, чтобы он не заносился в своих предсказаниях. Но после его ухода подумал, что Маркин сказал правду, и мне самому следует подумать, как не пойти на дно, если, не дай бог, с моим благодетелем произойдёт непоправимое.

Прежде чем идти к боссу, следовало сориентироваться в обстановке и позвонить Ершову. Начальник безопасности сообщил в своей обычной манере профессионального лгуна и негодяя, что «на Шипке всё спокойно» и ни о какой пасквильной статье он не ведает.

— У меня нет сотрудника, который отслеживал бы прессу. Но кто сейчас относится серьёзно к тому, что пишут в газетах?

— Даже если это прямой выпад против президента концерна?

— Хорошо. Я освобожусь и загляну в твою избу-читальню.

Я положил трубку и задумался. Нет, меня не насторожило поведение чекиста из бесславной когорты предателей советской власти, но после коротенького диалога с ним я почувствовал, как во мне тренькнул звоночек, предупреждающий об опасности, но размышлять на эту тему было некогда. Меня ждал Козырев, и я быстро пробежал взглядом статью, задерживаясь на абзацах, которые были выделены жирным шрифтом. Ничего нового для меня в ней не было, но все факты были расположены так, чтобы подчеркнуть основную мысль автора, неизвестного мне независимого политолога Капустина. Андрей Ильич Козырев был интересен ему тем, что в России наследственный капитализм невозможен, что всякий более или менее крупный собственник нелегитимен, что все они, как и воры в законе, генетически ущербны и в состоянии воспроизвести только ущербное потомство.

В качестве доказательной базы Капустин исследовал появление на свет Мити Козырева и тут же назвал имена ещё нескольких известных олигархов, чьи дети якобы имели наследственные дефекты здоровья. «В романах пролетарского Гомера — Максима Горького, — заключил свою статью махровый политолог, — купеческие династии вымирают в третьем поколении. А ведь тогда были для капитализма благословенные времена, чего нельзя сказать о днях сегодняшних. Сегодня богатство создаётся на протяжении жизни финансово-промышленного гения, и по его кончине расходится по рукам. И этого господину Козыреву избежать не удастся, сколько бы он ни вывел в пробирке наследников».

Ершов задерживался, я закрыл кабинет и, дойдя до приёмной, столкнулся с ним в дверях.

— Ты решил показать статью Андрею Ильичу? — сухо осведомился Ершов.

— В мои обязанности не входит быть вестником, приносящим султану дурные новости. Это, Евгений Кузьмич, прерогатива службы безопасности.

— Я не собираюсь Андрея Ильича беспокоить по столь ничтожному поводу, — завибрировал полковник. — Если вы промолчите, то я спишу эту статейку в архив.

— Вы меня знаете, — осторожно произнёс я. — Лезть по своей инициативе на рожон — не в моих правилах.

— Вот и договорились, — осклабился полковник. — Ступайте к нему, но знайте, что я ему только что доложил о женитьбе Дмитрия Андреевича.

— Чуть подробнее, — взмолился я. — Как это воспринял Андрей Ильич?

— Митя обвенчался со своей пассией вчера вечером. И дружкой у него был сам Сталин.

— И что на это сказал Козырев?

— Сказал, что завидует молодым и рад за сына. Дословно: пусть натрахается до блевка, а дальше видно будет.

Ершов не обманул: Андрей Ильич встретил меня ласковой улыбкой.

— Обвёл нас Митя вокруг пальца. Признайся, ты ожидал, что он так вот с бухты-барахты напялит на себя семейный хомут?.. И я не ожидал. А он, шельмец, взял да и обвенчался с этой, как её?

— Соней?

— Да, с Соней, Софьей, Софьюшкой! Теперь запоминать надо, как её зовут, но это ненадолго, хотя чёрт её знает, что у неё за приманка, может, таким мёдом намазана, что Митя от неё никогда не отлипнет. Что скажешь?

— А если это любовь?

— А как же иначе? — хихикнул Козырев. — Мы, русские, никак без любви не мо-

жем, нам обязательно подавай разные там страсти-мордасти. Пусть их играют. Но ты позвони сейчас от меня, поздравь молодых и разведай, что они на сегодня наметили делать и каким образом с ума сходить будут?

Набрав номер, я установил громкую связь, чтобы Андрей Ильич слышал все слова сына. Он откликнулся без промедления:

— Игорь Алексеевич?

— Есть слух, что вы с Соней обвенчались. Это так?

— Не отрицаю, но вы мне нужны, — торопливо сказал Митя. — Через час можете подъехать?

— Не проблема. Но в какое место?

— На краю города справа, если ехать из центра по Московскому шоссе, стоит посёлок. Подъезжайте к церкви, спросите отца Антония. Он скажет, где я нахожусь.

Положив трубку, я взглянул на Козырева.

— Контакт установлен. Какие будут распоряжения?

— Продолжай за ним присматривать, — Козырев достал из ящика стола пачку тысячерублёвок и положил на стол. — У него, определённо, нет наличности. Если она ему понадобится, снабди его под расписку, чтобы чувствовал ответственность. Сейчас ему захочется отблагодарить свою суженую подарком. Больше тебе нечего мне сообщить?

Я сделал глубокий вздох и мужественно соврал, что ничего важного у меня нет. Андрей Ильич глянул мимо меня, пожевал губами и буркнул:

— Так и запишем, что ничего не знаешь.

Выйдя из офиса, я спросил себя самого, а не свалял ли ты, Игорёк, дурака, промолчав о синюгинской статье? Доверие босса потерять можно в два счёта, а вот вернуть его, скорее всего, не удастся никогда. И я торопливо вырвал из кармана сотовый телефон. Козырев моему звонку не удивился и в ответ на мой жалкий лепет сухо проговорил:

— Я рад, Игорь, что ты видишь свои ошибки и не боишься в них признаться. Это меня в тебе обнадёживает.

Захлопнув за собой дверцу машины, я смежил веки и несколько минут провёл в молчании, чтобы успокоиться и прийти в состояние, адекватное дисциплинированному участнику дорожного движения. Я этого достигал очень просто: начинал думать о Любе, старался услышать её голос, представить с собой рядом и даже возобновить с ней прерванный вечером разговор о каких-нибудь домашних делах. Эту психотерапевтическую практику я открыл для себя случайно и прибегал к ней, когда попадал в пиковые ситуации с несомненной для себя пользой. Выручила она меня и сегодня, я подобрел настолько, что угостил сигаретой сунувшегося ко мне бомжа и чиркнул перед его опухшей рожей зажигалкой.

— Ну, ты, брат, — настоящий полковник! — выдохнул бомж. — Пожалуй, два червонца на «перчик».

Я с лёгкостью расстался с полусоткой, осторожно выпятился на проезжую часть и пристроился за жёлтой маршруткой.

День для меня начался не так уж и плохо, даже прекрасно. Главное, мне удалось очиститься в глазах босса от подозрений в нелояльности, которые явно его посетили в связи с тем, что я утаил факт появления статьи в синюгинской газетенке. Но ведь сделал это из самых гуманных побуждений, чтобы не травмировать Козырева пасквильными измышлениями. Принял удар на себя, поручил Маркину разузнать, кто является действительным автором и статьи, и затеянной вокруг президента «Народной Инициативы» возни, которая вполне могла перерасти в «оранжевую» революцию регионального масштаба.

Люди так уж устроены, что время от времени они начинают добиваться перемен в своей жизни, нисколько не задумываясь над тем, что эти перемены в большинстве случаев не улучшат их благосостояния, не дадут свободы и честности гражданскому обществу, не обеспечат их личную безопасность. Но, как говорится, охота пуще неволи: разрушили социализм, соорудили на его развалинах толкучий рынок, теперь и этим крепко недовольны.

За три года почти всё, что продаётся в магазинах «Народной Инициативы», подорожало в полтора-два раза и дешевле не будет, даже если место Козырева займёт Билл Гейтс. Но кто об этом думает? Синюгин и его шайка организовали через СМИ и сплетни общественное мнение, и теперь оно денно и нощно подтачивает моего благодетеля и родственно близкого человека. И нужно честно признаться, что первый тайм мы Синюгину вдребезги проиграли, только как и кто сообщит об этом самому Козыреву?

...Дорогу к церкви на западной окраине города я нашёл без затруднений и уже издали заметил, что вокруг храма многолюдно. На обочине стояли десятка полтора иномарок, среди которых я опознал роскошный лимузин оппозиционного редактора, а

чуть в стороне и самого Синюгина, который суетился возле Сталина, явно уговаривая его сесть в свой «Мерседес» и продолжить разговор в салоне.

Синюгин был так увлечён, что на меня не обратил внимания, и, подъехав почти вплотную, я сумел подслушать конец их разговора.

— Мои планы переменились, — твёрдо произнёс вождь. — Аванс я вам возвращу сейчас же, и наши отношения на этом можно считать исчерпанными.

— Вы переметнулись на сторону олигарха, — укоризненно сказал Синюгин. — Это не красит вас как вождя мирового пролетариата.

В ответ Сталин протянул серый конверт, явно с деньгами.

— Пересчитайте и напишите расписку в получении.

— Обойдёмся без расписки, но деньги я пересчитаю: Сталин был известный жулик, и ты тоже такой.

Я подъехал поближе к церкви, припарковался под берёзой и, выйдя из машины, огляделся по сторонам. Здесь явно намечалось какое-то религиозное мероприятие с участием прихожан, скорее всего крестный ход, о чём можно было догадаться по большому кресту, двум хоругвям и иконам, которые на моих глазах вынесли из церкви, и верующие, оставив разговоры, потянулись к святыням, осеняя себя крестными знамениями. Большинство из них были людьми зрелого и преклонного возраста, обретшие в православной вере спасительное убежище от страха перед неизбежной смертью. Обособленно кучковались казаки и с десяток молодых людей спортивного вида в косоворотках, а рядом с папертью стояли несколько стариков с медалями на мятых пиджаках.

Из храма показался в торжественном облачении священник, благословил всех и встал позади креста. Раздались звоны церковного колокола, и процессия начала движение, но не в сторону города, а на полевую дорогу, которая вела к берёзовой роще. Я выглядывал Митю, но он подошёл ко мне сам откуда-то из-за толпы вместе с Соней. По их сияющим глазам нетрудно было догадаться, что они счастливы.

— Поздравляю с законным браком!

— Спасибо, — Митя глянул на Соню. — Но мы намерены зарегистрироваться во Дворце бракосочетания.

— Правильно! — воскликнул я. — Куй железо, пока горячо. Андрей Ильич в восторге от вашего венчания.

— А мне кажется, что ему моё венчание представляется забавным курьёзом, — тихо сказал Митя. — Но я на него не в обиде.

— Как можно на такого отца обижаться? Вот и сегодня он благословил вас пачечкой тысячерублёвых на карманные расходы, — я протянул Мите деньги. — Не считал и не знаю, сколько здесь, но, думаю, на эту сумму можно бракосочетаться без всяких хлопот.

Митя взял деньги, на мгновенье задумался и бережно, по-хозяйски, положил их в карман, не забыв застегнуть его на пуговицу, чему я мысленно поаплодировал: мой пробирочник, к счастью, ещё способен мыслить рассудительно и оставил деньги при себе, хотя бы на время, а не отдал молодой жене.

— Мне можно поучаствовать в крестном ходе? — поинтересовался я.

— Думаю, что можно, — сказал Митя. — Мы идём на кладбище. Там много могил умерших в госпиталях от ран в годы Великой Отечественной войны. После мы совместно решим одно дельце.

— Если не секрет, то какое?

— Пока секрет, — улыбнулся Митя. — Поэтому я и нуждаюсь в твоей помощи.

Крестный ход уже пересёк пустырь, заросший лопухами и коноплей, и ступил на грунтовую дорогу-времянку, которая была проложена по пшеничному полю к берёзовому острову, где находилось поселковое кладбище. Я решил не притворяться верующим христианином и медленно шёл чуть позади процессии, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что было вокруг. И первым моим ощущением было, что я из своего времени совершенно неожиданно переместился в начало двадцатого века. Вокруг меня не было ни намёка на современность, разве что сотовый телефон в кармане. Остальное — поле начавшей созревать озимой пшеницы, просёлок с засохшими на нём комьями грязи, вереница верующих людей, тихое и нестройное звучание молитвенных песнопений, покачивающиеся на древках хоругви и крест; всё это было похоже на ручеёк, который проторил себе дорогу через революционное, военное и застойное лихолетье в наше бессердечное и лютое время как последнее напоминание людям о Спасителе. И к моему стыду, я, как ни прислушивался к себе, не почувствовал ни одного отклика в своей закопчённой грехами душе на молитвенные призывы крестного хода. И единственным моим оправданием было лишь то, что я понимал, кто я есть на самом деле, а очень многие были не способны даже на это.

Дорога спустилась в низину, затем стала медленно подниматься на возвышенность, и движение замедлилось. Пожилым людям было трудно идти в гору, песнопения смолкли, и стала слышна спокойная тишина позднего утра: тихое шуршание стеблей пшеницы, поскрипывание, посвистывание бесчисленных летающих и ползающих насекомых, порхание бабочек и стрекоз и струящиеся из земли зримые потоки тепла. Я свернул с дороги к обочине и с трудом сорвал с колючего и крепкого стебля бутон татарника. Поднёс красную бархатистую подушечку к лицу и окунулся в медовый прилипчивый аромат полевого цветка, который был свеж и неподделен и явился мне не от Диора, а от земли, от её животворящих соков, которые питали это цветущее колючее растение.

Выйдя на возвышенность, я увидел, что до берёзового острова осталось всего несколько сот метров. Вскоре дорога покинула поле пшеницы, начался заросший крупной травой и кустарником пустырь. Я счёл нужным укрупнить шаг и вскоре догнал Митю и Соню, которая прикрыла свои волосы косынкой и выглядела очень мило. Чуть сбоку и впереди нас шёл Сталин и нёс перед собой на руках икону.

— Обрати внимание на образ, — перехватив мой взгляд, сказал Митя. — Это Блаженная Матрона, к которой в октябре сорок первого года приходил Иосиф Виссарионович Сталин.

— А этот артист какое отношение к этому факту имеет?

— Самое прямое. Но об этом потом. Посмотри вперёд. Кажется, нас встречает журналистский десант.

Кроме просёлочной дороги, по которой двигался крестный ход, к кладбищу имелась ещё одна дорога, асфальтированная, от международного шоссе, и по нему мчалась кавалькада машин, разрисованных крупными надписями с названиями телерадиокомпаний, окормляющих жителей региона, а при удаче и всей страны жареными новостями.

«Это они на Сталина открыли охоту, — догадался я. — Наверно, с подачи Синюгина. А тот его появление как-то свяжет с юбилеем Козырева, чтобы ему навредить».

Крестный ход остановился на поляне, священник принялся читать что-то из Евангелия, ему звонкими голосами поддакивали и подпевали двое служек, а я подошёл к первому ряду могил, отделённых друг от друга невысокими, ниже колен, железными оградками. Кто-то недавно обновил пирамидки памятников с небольшими восьмиконечными крестами краской-серебрянкой, подправил чёрной краской надписи, освежил дёрном сами могилы. Один ряд, второй, третий... Я насчитал шестнадцать рядов и в каждом — не менее тридцати-сорока захоронений. Все умершие родились в начале двадцатых и скончались в начале сороковых голов прошлого века от ранений, полученных на фронте, в госпиталях города. Более пятисот молодых парней. За что? Да, отстояли отечество, да положили свои жизни в борьбе за свободу и независимость. Всё так. Но почему тогда вместо благодарности и восхищения перед их подвигом сердце посасывает и знобит обида, наверно, такая же, которую испытывает человек, когда полный радостных предчувствий спешит домой и на его пороге видит, что дом ограблен, двери сорваны с петель, окна выбиты и по комнатам гуляет сквозняк.

Молебен закончился, и люди разбрелись по кладбищу. У многих здесь были похоронены близкие родственники, и они, пользуясь случаем, посетили родные могилы. Но немалая толпа осталась и на месте, где произошли основные события крестного хода. А таковым было явление живой копии Сталина, которого многие верующие восприняли всерьёз и смотрели на него если не с благоговением, то с очевидным почтением. Всем было интересно узнать, как соотносятся между собой настоящий Сталин и приезжий, которому такая ситуация была привычной, и он, дабы не говорить самому, достал из кармана листовку и предложил огласить её кому-нибудь из любопытствующих людей. Охотник отыскался сразу же: старый казак в форме и хромовых сапогах. Он влез на бугорок, оглядел братию и медленно, с толком и расстановкой, прочитал что-то вроде жития приезжего Сталина, затем огласил и показал всем его паспорт.

— Всё настоящее и подлинное — бумага, печати, водяные знаки, — подытожил старый казак. — Я в органах четверть века отслужил. Это действительно Иосиф Виссарионович Сталин, обретённый на могиле вождя в день его перезахоронения из Мавзолея в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Точнее — он заглянул в листовку, — в ночь с тридцать первого октября на первое ноября.

— Как же он не замёрз? — раздался чей-то сомневающийся тенорок. — Ноябрь в России бывает морозным.

— Как спасся? — старый казак повернулся в сторону вопрошавшего. — Известно как: господь помог, послал добрых людей из кремлёвской охраны, они младенца подобрали. Чудо в другом: младенец оказался как две капли воды схож с покойным вождём. Но как это чудо понимать?

Разговор принял опасное направление и мог перейти в спор, но этого не допустил отец Антоний:

— Рассуждать о чуде не нашего ума дело. Для этого при Священном синоде есть особая комиссия, в которой заседают митрополиты и виднейшие богословы. Что касается моей оценки, то я считаю, что младенец на могиле Сталина обретён как напоминание о великом и справедливом вожде православному народу. Только и всего.

Корреспонденты, которые тщательно записывали всё происходящее на видеоаппаратуру, решили, что настал их черед действовать, и, тесня верующих, приступили к священнику и приезжему Сталину с вопросами:

— Товарищ Сталин, почему вы приехали к нам, с какой целью?

— Время от времени я совершаю поездки по стране, как и всякий другой.

— Вы не всякий другой: вчера ОМОН всех задержал, а вас отпустил. Что за документ вы показали?

— Паспорт и патенты на индивидуальную деятельность.

— Стало быть, вы торгуете тем, что похожи на Сталина?

— Торгуют враньём, ложью о великом вожде, а я говорю о нём правду, доношу сталинскую правду до всякого, кто хочет её знать.

Вопрошатель притих, но всего на мгновенье:

— Где вы нашли эту правду, которую якобы раздаёте людям?

— В его книгах. Я знаю наизусть более десяти тысяч страниц написанного им текста, а кто из вас знает хотя бы одну строчку Сталина?

— Хватит политики! — оттеснила в сторону своего коллегу востроглазая журналистка. — Ясное дело, что вы появились здесь с какой-то целью. Вас пригласил сюда наш олигарх Козырев на свой день рождения?

Сталин растерянно глянул на отца Антония и пожал плечами:

— Не имею чести знать Козырева.

— Тогда его Синюгин нанял, чтобы он в его газетёнке проклял «Народную Инициативу», — язвительно выкрикнули из толпы.

— Граждане корреспонденты! — выступил вперёд священник. — Иосиф Виссарионович — мой гость. Он один из лучших специалистов по Сталину и приглашён мною в связи с явно возросшим интересом православных людей к личности и деяниям одного из величайших руководителей нашей страны. Этот феномен нуждается в изучении и разумном объяснении. Здесь крестный ход, и эту пресс-конференцию я закрываю. Благодарю за внимание.

Твёрдая речь отца Антония произвела нужное впечатление, и журналисты отступили, тем более что главную часть своей работы они выполнили: засняли приезжего вождя, прихожан, кладбище, а на видовой ряд можно положить любой текст и выдать в эфир очередную сенсацию регионального масштаба, на которую вполне мог аукнуться и какой-нибудь из центральных каналов телевидения.

Мне показалось, что все они насытились информацией и вот-вот сгинут с глаз долой. Однако я ошибся и, каюсь, прошляпил и выпустил из виду Митю и Соню, на которых коршуном насел газетчик из синюгинской газетёнки. Он сумел сфотографировать их не менее десятка раз, пока я не вырвал у него фотокамеру и не зашвырнул её на сиреневый куст, где она, повиснув на ветке, продолжала, раскачиваясь из стороны в сторону, пощёлкивать «затвором» и подглядывать за всем, что происходило вокруг.

— Ты умеешь пользоваться этой штуковиной? — сказал я Мите, показывая на фотоаппарат?

— У меня точно такая же камера.

— Сними её и засвети всё, что нащёлкал этот жулик.

— Сам ты жулик, — буркнул газетчик. — Вся ваша «Народная Инициатива» — сплошное жульё.

— Что он такое говорит? — Митя вернул камеру владельцу.

— А то, господин Козырев, что о вашем папаше крупными слезами тюрьма плачет. Кстати, вы прочли нашу сегодняшнюю газету, там вашему олигархическому клану посвящён целый разворот? И в нём вы можете почерпнуть...

У меня не было другого способа заставить заткнуться ретивого журналюгу, как прыгнуть в его сторону, схватить за горло и припечатать к могильной ограде. Я это проделал с излишним пылом, да и сам мужичок оказался квелым и, шмякнувшись о ржавые железные прутья, обмяк и стал закатывать глаза. Пара несильных пощёчин привела его в чувство, а может быть, и шум, который послышался с другого края кладбища и, нарастая, двигался в нашу сторону.

— Что это такое? — испуганно воскликнула Соня.

— Это «Наши» подъехали, антифашисты. Сейчас вашему Сталину и вам достанется по полной программе!

Я вознамерился наградить газетчика пенделем, но он отпрыгнул за берёзу и,

пригнув голову, кинулся бежать между могил.

— Митя, забирай Соню и дуй без оглядки по той дороге, по которой пришли, к церкви.

— Я не пойду, от кого мы должны убегать? — заартачился Митя.

— Поймёшь, когда начнут бить палками! Спасай Соню!

Митя понял, что им угрожает настоящая опасность, схватил Соню за руку, и они быстрым шагом, а затем бегом направились в сторону просёлочной дороги. Конечно, я переборщил в оценке «Наших», это была зелёная вполне обеспеченная молодёжь, вообразившая себя защитниками демократии и проводившая временами шумные акции протеста против всего, на что ей укажут поставленные властью руководители. Они много кричали, могли изрисовать асфальт, забор или стену какими-нибудь надписями, но мордобития за ними не числились. Поэтому, отправив молодых, я остался на месте, пока не вспомнил, что в крестном ходе участвовали казаки и парни в косоворотках, и они могли вполне накостылять противникам Сталина, если те начнут обгавкивать вождя и сравнивать его с Гитлером.

Я скорым шагом направился на близкий шум и крики, в которых, к счастью, не было озлобленности и они походили на торопливый лай молодых дворняжек, загнавших на деревянный столб взъерошенную кошку. На узкой поляне между березняком и кладбищем тесной толпой стояли около трёх десятков юнцов и выкрикивали по команде своего руководителя:

— Фашизм не пройдёт! Сталин и Гитлер — близнецы-братья!

Отец Антоний с храмовыми служками, казаки и парни в косоворотках недоуменно поглядывали на крикунов и колебались, не зная, как поступить — намылить хулиганам шеи или не связываться с явно ненормальной молодёжью, обласканной властью и чувствующей свою безнаказанность.

«Где же Сталин?» — встревожился я и тут же его увидел. Вождь был спокоен, он приблизился к «Нашим» на несколько шагов, сокрушённо покачал головой и, подойдя к казакам, громко произнёс:

— На глупых не обижаются. Но и волю давать им нельзя. Надо их проводить отсюда, а тем, кто заартачится, помочь. Командуйте, есаул!

— Слушаюсь, товарищ Сталин!

Старый казак вышел и повернулся лицом к строю.

— Хворые и слабые — в сторону! Остальные — вперёд! За Родину! За Сталина!

Схватка длилась недолго. Парни в косоворотках, бывалые кулачные бойцы, с криком: «Русь! Русь!» — плотной стенкой двинулись на «Наших», и те сначала попятились, а затем дружно побежали. Вдогонку за ними кинулись несколько казаков, но старый казак, которого Сталин произвёл в есаулы, их остановил.

— Пусть драпают небитыми, это позорнее, чем бежать в синяках и ссадинах.

Настроение у всех было победным, но отец Антоний охладил своё войско напоминанием, что каждый из них должен благодарить господа за то, что тот не дал совершиться кровопролитию.

К священнику, чтобы лучше его слышать, стали подходить люди, и я понял, что это закончится молитвами, и, как посторонний человек, отошёл в сторону. Я вполне могу отнести себя к сочувствующим христианству, но не в силах представить себя молящимся в толпе прихожан, с благоговением внимающим проповеди поселкового батюшки. Упаси бог, я тоже обеими руками за справедливость, но, по правде говоря, она меня не колышет, поскольку в моём житейском рассуждении для меня справедливо то, что угождает моему желанию.

И так думают все люди, за исключением ничтожного числа идеалистов, но никто не афиширует своего понимания добра и зла, все предпочитают выглядеть добродетельными людьми, и только единицы вроде Козырева с капиталом до полумиллиарда зелёных могут, если только захотят, сказать правду о земной справедливости. Но и они предпочитают помалкивать, чтобы не лишать человечество права сходить с ума от веры в земную, а тем паче в небесную справедливость.

Весёлое и шумное плескание берёзовых ветвей и листьев заслонили от моих ушей слова нравоучительной проповеди отца Антония, и я подумал, что язык природы до сих пор звучит для человека гораздо убедительнее и проникновение самого гениального поэтического слова. Вот и эта берёзка мне нашептывает:

«Я молода, шалун-ветер щекочет мою клейкую листву. Я смеюсь, радуясь погожим дням, солнечному свету и летнему теплу. Я чувствую, как живые соки земли омывают мои корни, поднимаются по ним к стволу и растекаются по всем веткам и веточкам к листьям. И я безмерно счастливее тебя, человек, потому что не ведаю ужаса смерти, который присущ тебе во все дни твоей жизни, и ты, чтобы спастись от него, выдумал себе бога с его избирательной справедливостью — туда ли ты идёшь, слепец? Стань, как я, деревом, стань травой, стань мхом, и будешь счастлив, потому что избавишься

от желаний, надежд, от всех страстей и будешь знать свой конец: пасть с ветки и покатиться, полететь, гонимый ветром, и наконец дождаться снега и уснуть навсегда под пышным покровом русской зимы».

Я давно не был в лесу, и лиственной шум, запахи земли, травы и цветов на могилах вызвали у меня лёгкое головокружение, и, чтобы освежиться, я вышел на продуваемую тугим и тёплым ветром опушку, присел на берёзовый пенёк и закрыл глаза. Странное дело, но ещё далеко не старый мужик, на одном дыхании взбегающий с пляжа на волжскую гору, я, побыв пару часов сначала в пшеничном поле и затем в берёзовом лесу, устал и разомлел, как после дня тяжёлой физической работы. Меня неудержимо повлекло лечь на густую траву, сорвать с земляничного кустика несколько спелых ягод, положить в рот и, медленно пожёвывая сладкую мякоть, погрузиться в окутывающую меня со всех сторон дрёму, а затем провалиться в глубокий, как обморок, сон. Но лишь только, поддавшись лени, я сполз с пенька на траву, сорвал горстку земляники, как невдалеке услышал знакомые голоса.

— Пойдём в посёлок, когда солнце спрячется в тучах, — капризно сказала Соня. — Сейчас ещё очень жарко. Но вроде ветерок поднимается.

— Игорь Алексеевич меня почти напугал, — рассмеялся Митя. — Я поверил ему, но это были совсем молодые ребята, почти школьники.

Скрываться в траве дольше было нельзя. Я поднялся на ноги и шагнул за дерево, где убрал с одежды травинки и следы пыли.

— Для кого церковный праздник, а для меня вышло нечто вроде пикника, — беззаботно произнёс я, подходя к молодым. — Вам повезло: увидели настоящий провинциальный молебен, да ещё с кем — с самим генералиссимусом Сталиным. После отцовских именин поедете в свадебное путешествие в Париж, Рим, Лондон. Будет что порассказать европейцам о загадочной русской душе, уверовавшей в святость одного из самых великих громил прошлого века.

— Сталин вас тоже чем-то обидел? — удивился Митя.

— Меня лично — нет. Но согласись, что репутация у него ужасная.

— Однако в народе он знаменит. Его, кажется, даже чуть было не выбрали в символы России. Вот и сегодня не менее ста человек прошли по жаре крестным ходом с иконой, где запечатлен вождь советского народа. Никто из правителей России в прошлом и нынешнем веке не удостаивался такой чести.

— Мысли более чем странные, — строго заметил я. — Не оглашай их, Митя, при гостях на именинах Андрея Ильича. Может выйти скандальчик. Наш губернатор вообразил себя борцом за дело генералов-предателей Краснова и Власова и может закатить истерику даже при одном упоминании имени вождя.

— Даже так! — радостно воскликнул Митя. — Тогда от моего подарка имениннику губера вполне может хватить кондрашка. Что, Сонечка, откроем Игорю Алексеевичу секрет нашего сюрприза?

— Обязательно надо с ним посоветоваться. Твой подарок может быть неприятен не только губернатору, но и твоему отцу.

— Скорее всего, ты права, — согласился Митя. — А моя идейка проста: подарить отцу приезжего Сталина.

— Как это подарить? Это ведь не вещь, а человек. Он что, при Козыреве будет исполнять роль шута?

— Зачем шута, — обидчиво возразил Митя. — Кем захочет, тем и будет. Я ведь не навсегда его найму, а на один день. Дальше видно будет. Может, они сойдутся с отцом характерами и взглядами и станут закадычными друзьями.

— Ты с ним уже говорил?

— С кем, со Сталиным?

— Нет, с Андреем Ильичом.

— Мы хотели сделать ему сюрприз, — сказал Митя. — Я и отец Антоний вчера провели с вождём в беседе почти всю ночь. Так вот, он мне показался проницательным человеком. К тому же знает о своём однофамильце почти всё и способен цитировать его работы наизусть часами. Отцу с ним будет о чём потолковать.

— Ну и о чём же будут толковать лжевождь и олигарх?

— О преимуществах социализма над капитализмом, — усмехнулся Митя. — Одно замечание: ты назвал живого Сталина лжевождём. Но и отца тоже можно назвать лжеолигархом, потому что богатство ему досталось случайно, и если власть в России перейдёт к человеку с ружьём, то президент «Народной Инициативы» будет этому рад больше Зюганова.

— Такого от него никогда не слышал, — сказал я. — С богатством не расстаются по своей воле. А мой босс далеко не дурак. Но ты меня убедил в том, в чём и хотел убедить.

Я не против твоего подарка, но Сталин может заломить несусветный гонорар.

— Я знаю, что ему надо. Он хочет издать свои размышления о Сталине, что-то вроде святого жития, страниц на сто. Отец Антоний благословил меня помочь ему в богоугодном деянии. Так что вопрос оплаты решён.

Разговаривая с Митей, я, нет-нет, да и поглядывал в сторону Сони. Мне было любопытно знать, как она себя чувствует, став женой единственного наследника мультимиллионера долларового розлива, но по её отрешённому виду трудно было составить хоть какое-нибудь представление о том, как она переживает случившееся с ней за последние сутки. Зато Митя был явно на седьмом небе от радости и безоглядно верил, что обрёл в Соне разом всё счастье, которое ему было отпущено на всю его жизнь.

Внезапно лицо Сони оживилось испугом.

— Вот и досиделись! — зло сказала она. — Менты явились.

По просёлочной дороге прямо на нас выехал автобус, из него высыпали полицейские и, выстроившись в цепь, пошли прямо на нас.

— Надо бежать!

— Поздно, Митя, — сказал я. — Надо сдаваться. Это не омоновцы, но хрен редьки не слаще. Ничего не говорите. Я возьму всё на себя, — но с нами никто не собирался беседовать. Молча схватили за руки и потащили к автобусу. — По какому праву вы нас задерживаете? — вякнул я.

И тут же получил конкретный ответ: болезненный тычок резиновой дубинкой в печень, который согнул меня пополам. Последовал и второй удар дубинкой — по спине, который заставил меня выпрямиться и сообразить, что трепыхаться и вступать в дискуссию о правах человека не имеет ни малейшего смысла.

На помощь нашему конвоиру поспешил водитель автобуса. Он распахнул дверцу и облапил Соню, заталкивая её в салон. Она взбрыкнула и угодила ему каблуком в голень. Водитель взвизгнул, выматерился и, схватив её за волосы, бросил на железный пол. И тут на него ястребом налетел Митя и так шибанул, что водитель кубарем полетел вглубь автобуса. В отместку наш конвоир треснул его со всего размаха дубинкой по голове, и Митя кулем свалился наземь.

— Ты его зашиб насмерть! — сдавленным голосом прошептал я. — Ты хоть знаешь, кого ты убил, сержант? Это сын самого Козырева, дубина ты, нет — чурка с гляделками! Теперь тебе или минимум пятнадцать лет впаяют, или будут убивать так долго и мучительно, что ты, прежде чем сдохнуть, не раз пожалеешь, что родился на свет.

Мент побледнел и наклонился над своей жертвой.

— Живой, — радостно объявил он, дотронувшись до головы Мити дубинкой. — Глазами лупает. Ну что разлёгся, вставай. Сейчас остальных приведут, уберись с дороги!

Я помог Мите подняться, усадил его на жёсткое сиденье и сам притулился рядом.

— Где Сонечка? — еле шевеля языком, спросил Митя.

— Сидит впереди тебя. Ты как себя чувствуешь?

— Нормально. Только в голове мутно. За что они нас так били?

— Это, Митя, есть великая тайна России. Здесь всегда били, бьют и будут бить тех, кто, образно говоря, ниже или выше ростом. И помолчи. Ты, я чувствую, хочешь сказать, что этого не должно быть в демократической стране, но это есть. И брызгать против ветра не стоит.

Группа захвата достигла поляны, где предавались молитвам участники крестного хода, и до нас донеслись протестующие крики, вопли, угрозы и мольбы о помощи.

— Никогда бы не подумал, что в современной России возможно гонение на верующих, — сказал Митя. — Но у бога всего много, особенно в России. Мне кажется, что менты и нашистская шпана появились здесь с одной целью — помешать прославлению иконы блаженной Матроны. И вызвал ментов и нашистов скорее всего кто-то из ближайшего окружения архиепископа Прова.

Шум и крики стали слышнее, и среди берёз появилась толпа человек в двадцать, которую кольцом окружали полицейские с дубинками в руках. Довольно скоро все задержанные оказались возле автобуса, где их выстроили друг за другом и стали по одному заталкивать в салон. Рукопашной схватки избежать не удалось, казаки и молодые ребята упирались изо всех сил, но появились наручники — и наиболее строптивые и удалые были ими усмирены и затолканы через заднюю дверь в салон, где их сложили друг на друга, как дрова, и утихомирили дубинками.

Митя наблюдал за всем, что происходило, во все глаза. Ему, жителю демократического королевства, видеть такое было поучительно и полезно, если он думал оставаться в России. Эта мысль побудила меня спросить:

— Митя, а ты, случаем, не подданный королевы Елизаветы?

— Да, но я и российский гражданин. Однако документов при мне нет.

— Жаль, — печально пробормотал я и потупился, мысленно прокручивая варианты, как выбраться самому и вытащить Митю и Соню из лап полиции.

— Что тебе жаль? — донёсся до меня настойчивый шёпот Мити. — Зачем ты спросил про моё гражданство?

— Было бы неплохо, если бы ты мог предъявить паспорт со львом на обложке этим болванам.

— Предъяви им стодолларовый документ, — помолчав, предложил Митя. — За каждого из нас по сотне баксов. Или мало?

Я с интересом глянул на идеалиста. Пробирочник, а оказался способным учеником, не прошло и недели, как постиг главное: всех нас можно купить за баксы. Или почти всех. Теперь я мог быть за своего подопечного спокойным, теперь он и без моей помощи может справиться с возникшими трудностями. Но сегодня я был ему ещё нужен.

С погрузкой задержанных опять вышла заминка: кто-то снова заупрямился, и его, раскачав, забросили в салон. Я приподнялся, чтобы разглядеть упрямца, и увидел поднимающегося с четверенек Сталина. Выглядел он неважнецки, белый китель был помят и испачкан, один погон генералиссимуса сорван, и вождь держал его в руке.

— Нет, я этого так не оставлю, — громко объявил Сталин. — У меня имеется весь пакет документов на занятие индивидуальным предпринимательством. Я буду жаловаться президенту. Он меня знает лично.

— Присаживайтесь и посапывайте в две дырочки, Иосиф Виссарионович, — громко прошептал я, подталкивая вождя к креслу. — У нас ещё будет время обсудить, что произошло. Возможно, в стране переворот и ваш друг президент, как и вы, арестован. Помолчите, пока вас не опоясали резиновой дубинкой. Поверьте, это очень больно, если по почкам или по печени.

Единственный, к кому полиция отнеслась сдержанно, то есть без рукоприкладства, был поп Антоний. Может, уважение к священству ещё не покинуло этих извергов или они получили насчёт священника особые указания, но его пригласили присоединиться к своей пастве, и он без сопротивления это сделал, сев на переднее сиденье рядом с главарём группы захвата, костистым старлеем в пятнистом камуфляже.

Я оценивающе глянул в его сторону и отвернулся. Разговаривать с ним, чтобы нас отпустили, было бесполезно. Это был старый полицейский служака, выбившийся в командиры после двух десятков лет службы, и для него три звёздочки на мятых пагонах были важнее, чем золотые маршальские звёзды Сталина. Он плюнет и на тысячу долларов да ещё может дать кованым сапогом такого пенделя, что будешь помнить до гробовой доски. Оставалось ждать, когда нас привезут или в опорный пункт, или в райотдел полиции, и уж там найти делового и умного полицейского офицера и решить с ним накоротке все вопросы.

— Ты куда это собрался звонить? — полицай вырвал телефон из рук казака. — Разбаловали вас, ряженых!

Автобус перестало болтать и подбрасывать на просёлочной дороге, мы выехали на шоссе и через полчаса оказались в огороженном высоким и глухим забором дворе райотдела полиции. Нас вывели из автобуса и затолкали в пустое полуподвальное помещение, где возле стен стояли замызганные деревянные скамейки, в углу за фанерной перегородкой пофыркивала проточная вода в гальюне, за большим столом сидел и курил сигарету полицейский майор. Я сразу же двинулся к нему и сунул свою визитную карточку. Полицай взял её двумя пальцами, плюнул на мою фотографию и брезгливо отшвырнул в сторону.

— Кто из вас Козырев Дмитрий Андреевич?.. Подойди к столу! Вываливай всё, что у тебя есть в карманах, — на стол легли ключи, сигареты, зажигалка, пачка денег и флешка от компьютера. — Что и требовалось доказать, — довольно произнёс майор. — Флешку я изымаю, а это барахло можешь забрать, — он ловко сунул флешку во включенный ноутбук, поиграл компьютерной мышкой и углубился в чтение найденного текста.

Тем временем полицейские переписали участников несанкционированного сборища, и тех, у кого были с собой документы, отпустили восвояси, но кое-кому выписали повестки. Наконец дошла очередь и до меня. Я за это время сумел изловчиться и положить стодолларовую бумажку в водительское удостоверение. Но взятка не потребовалась. Вошёл полковник полиции и громко сказал:

— Кто здесь из «Народной Инициативы?» — я сразу же откликнулся на зов, но тот сначала подошёл к майору. — Ну и что тут у тебя?

— Эксперты разберутся, но, на мой взгляд, выходит чистая двести восемьдесят вторая статья, разжигание межнациональной вражды.

— А ты не сгущаешь краски? — скривился полковник.

— Их нечего и сгущать, они и так настолько густые, что глаза режут. Так и назвал статейку: «О русском бунте».

— Ладно, — решил полковник. — Оформи изъятие улик, распечатай и мне один экземпляр на стол, — затем он повернулся ко мне. — Мне звонил Ершов. За вами вот-вот приедут его люди. С вами всё ясно. А вот с этим молодым человеком пока одни неясности. Очень для него опасные неясности.

— Да он в нашем городе всего три дня. Что, и уже стал главарём националистического подполья?

— Следствие разберётся, — сказал полковник. — Но этот гражданин успел сделать три провокационных выпада в интернете. И каждый из них тянет на уголовную статью.

— Скажите, полковник, откуда вам стало известно об этих статейках и крестном ходе?

— Как это — откуда? От добропорядочных граждан, — хитро осклабившись, сказал полковник. — Статейку сейчас распечатают, и я вам её отдам, так сказать, для ознакомления с составом преступления. Ершов знает, как действовать дальше. А дальше наклёвывается очень непростое уголовное дело.

— Говорите, говорите. Я доложу о вашем участии в судьбе сына самому Козыреву.

— Этого делать не надо. В своё время Андрей Ильич меня крепко поддержал. Передайте ему, что всё идёт от Синюгина. И пусть он отправит сына на полгода куда-нибудь подальше от нашего города.

Благожелательная беседа с полковником имела для меня пользу: никто не счёл нужным составлять протокол о моём задержании за участие в массовом несанкционированном мероприятии, потому что я приобрел статус приятеля главного полицая района. Это позволило мне подойти к майору, который вяло отбивался от рассерженного отца Антония.

— Административное нарушение налицо, гражданин священник. Моё дело — оформить задержание, предоставить улики, а суд решит, кто прав, а кто — нет. Скорее всего, дело ограничится небольшим денежным штрафом.

— Сколько? — отец Антоний погрузил свою ладонь в складки священнического облачения. — Зачем суд? Я заплачу, только не изымайте икону.

— Вот вы говорите, что это икона, а другие, и заметьте, высокообразованные и авторитетные господа, утверждают, что это — зловредная митинговая наглядная агитация.

— Что за вздор! — всплеснул руками отец Антоний. — Вы знаете, что ради неё люди приезжают в храм за многие тысячи вёрст? Вы знаете, что она была обретена чудесным образом? Конечно, не знаете. Поселковый рыбак вытащил её на уду, и, хотя она была насквозь пропитана влагой, образ не покоробился, не облез и после сушки обрёл первозданный вид.

— Всё это очень интересно, но на иконе написан Сталин, — устало произнёс майор. — Но вам мало показалось одного вождя, вы пригрели в храме его двойника. Спрашивается, зачем?

— Врата храма открыты для всех. Даже убийце путь в него не заказан.

Майор помрачнел, взял какой-то бланк, быстро его заполнил и протянул священнику:

— Вот вам документы на изъятие иконы для проведения соответствующих, если на это будет указание, экспертиз, — отец Антоний шумно задышал, но у меня в кармане зазвонил мобильник, и майор в ответ на мой вопросительный взгляд поторопился ответить: — Покалякай, только недолго. А вы, ваше преподобие, свободны. Пока свободны.

Я поднёс трубку к уху.

— Как вы там? — весело произнёс Ершов.

— У вас хороший друг.

— Да. И притом давний, со школы. К вам я направил микроавтобус. В нём есть одно лежачее место. Оно, я думаю, вам не потребуется.

— Я жив-здоров. А вот у Мити проблемы. Кажется, небольшое сотрясение.

— Я послал пару ребят, они вам помогут, если что пойдёт наперекосяк.

Пока я разговаривал, майор удалился, и в полуподвале нас осталось пятеро: я, священник, Митя, Соня и Сталин.

— Скоро за нами подойдёт машина, — сказал я. — А пока проведём блиц-опрос: кому помешал мирный молебен, чтобы на него обрушились такие репрессии. Начнём с тебя, Соня.

— Я не знаю, — промямлила она. — Скорее всего, плохое случается от зависти.

— Во всём, что произошло, виноват я, — сказал Митя.

Я повернулся к отцу Антонию.

— Дела мирские мне неведомы, посему я промолчу.

Сталин был человеком военным, в фуражке у него всегда имелась иголка с ниткой, он только что закончил подшивать оборванный погон на кителе и, застегивая пуговицу, отчеканил:

— Россия искала счастья, а нашла произвол. То ли ещё будет!

У меня тоже были кое-какие соображения о том, кто навёл полицию на крестный ход и крепко подставил Митю под удар карательной машины демократии, но я предпочёл их не оглашать в помещении райотдела полиции.

— Что ж, пора на выход, — бодро сказал я. — Хватит томиться в полицейском застенке.

На улице было ослепительно светло от яркого послеполуденного солнца, двор был пуст, ворота распахнуты настежь, и все мы направились к проезжей дороге. Но полковник не забыл своего обещания, на выходе меня догнал молоденький полицейский и вручил конверт с распечатанными крамольными размышлениями Мити, которые вполне могли ему стоить нескольких лет свободы.

Сунув конверт в карман, я посмотрел в сторону доставившего мне за последние дни много неприятностей пробирочника и поразился тому, как он выглядит. Его лицо покрывала мертвенная бледность, вдруг он запошатывался. Соня не смогла его удержать, и Митя непременно бы громыхнулся на асфальт, но его подхватил Сталин и прислонил спиной к стволу придорожного тополя.

— Что с ним? Но это не эпилепсия, я эпилептиков знаю, — обеспокоенно сказал он. — Надо вызвать скорую помощь.

— Его ударил полицай дубинкой по голове, — я легонько коснулся ладонью щеки Мити. — Потерпи чуток, сейчас подъедет микроавтобус.

— Мне уже почти хорошо. Только чуть подташнивает.

— Я вызову скорую помощь.

— Не надо. Сначала поедем ко мне, а там будет видно.

Ершовские ребята подъехали буквально через минуту, они подхватили Митю на руки, погрузили в микроавтобус, где уложили на мягкую с подголовным валиком подвесную кровать.

Тем временем отец Антоний тормознул попутку для себя и вождя народов. Митя увидел, что его подарок на именины отца уезжает, и слабо воскликнул:

— Игорь Алексеевич! Не упустите Сталина, он мне нужен.

— Никуда он не денется, — сказал я. — Наши ребята пригонят твою и мою машины от поселкового храма, где мы их оставили. Заодно и привезут твой подарок.

«Народная Инициатива» владела половинной долей одной из крупнейших городских клиник, и по моему звонку возле дома нас встретила бригада медиков. Митю на носилках занесли в квартиру, и врач принялся его расспрашивать и осматривать. Вскоре подъехал и узкий специалист. Его решение было безапелляционным:

— Вам жизненно необходимо немедленно лечь в больницу, чтобы обследоваться на компьютерном томографе.

Митя жалко скривился на Соню, и глаза его заметно налились слезами.

— Раз врач советует обследоваться, то надо его слушаться, — рассудила Соня. — Я поеду с тобой и останусь сиделкой, пока ты не выздоровеешь.

Я проводил Митю до «санитарки», взял у него ключи от квартиры, позвонил Любе, что скоро приеду домой, вернулся в бывшие обкомовские апартаменты, открыл холодильник, взял бутылку минералки и, вынув из кармана полученный от полковника конверт, сел в кресло.

Опус номер три, который Митя так неосторожно хранил на флешке, в распечатке занимал ровно десять страниц. Я взглянул на заголовок и удручённо покачал головой: с каждым разом молодой Козырев задирал планку своих историко-философских изысканий выше и выше. Начал с исследования российского вранья, затем пустился в поиски национальной идеи, а сейчас, страшно подумать, сотворил эссе: «О русском бунте как земном воплощении Геенны Огненной».

Я перечитал несколько раз заголовок и понял, почему полицейский майор с такой жадностью ухватился за Митину писанину, словно нашёл в своём столе долгожданные погоны с заверенным подписью министра внутренних дел приказом о досрочном присвоении ему звания подполковника за раскрытие особо опасного антигосударственного преступления. Не читая статьи, я уже мог с уверенностью сказать, что Митя написал в ней приговор самому себе, и теперь у него только один выход — бежать сломя голову в сторону туманного Альбиона и звонить оттуда, подобно Герцену и Огарёву, в свой «Колокол» и звать Русь к топору и бунту. Уповать на всемогущего владельца «Народной Инициативы» было бы неразумным. Богатство Козырева в случае возбуждения уголовного дела по политической статье не выручило бы Митю и даже могло сильно ухудшить его шансы на благоприятный

исход судебного процесса. Слишком много алчных взоров было устремлено со всех сторон на процветающий концерн, принадлежащий, по сути дела, одному владельцу. И попади Митя в жернова судебной машины, он неизбежно станет предметом торга и неизбежных уступок со стороны Андрея Ильича, чтобы только выручить из беды единственного сына.

Нужно было немедленно довести до сведения Козырева содержание Митиной писанины, но самому мне показываться на глаза босса не хотелось. И он, будто догадавшись о моих колебаниях, позвонил сам. Выслушав моё сообщение, буркнул:

— Ну, а теперь излагай главное. Но не подробно, а в общих чертах.

— В полиции знают содержание новой статейки Мити и очень этому рады.

— Это почему же так? Чем он им угодил?

— Я не вникал в содержание, но сам заголовок тянет на двести восемьдесят вторую статью: «О русском бунте как земном воплощении Геенны Огненной».

Голос Козырева исчез, и вместо него озабоченно заговорил Ершов:

— Ты где находишься?

— В квартире Мити.

— Отдашь улику моему заму. Он будет у тебя через полчаса.

— Как насчёт юбилея? — поинтересовался я. — Мне работать по плану или в него внесены изменения?

Ершов ответил после продолжительного молчания: видимо, советовался с боссом.

— Все мероприятия идут по составленному графику. Что касается Бесстыжего острова, то на нём объявлен карантин. И доступ на него ограничен.

— Но моя Люба всегда поздравляет Андрея Ильича лично, — заволновался я.

— Родни босса карантинные ограничения не касаются, — сухо объявил Ершов. — Отменяются всякие языческие игрища. Всё должно быть тихо и благопристойно.

Значит, действительно случилось нечто из ряда вон выходящее, если Андрей Ильич ввёл в своей резиденции особый режим охраны и отменил традиционные забавы. Скорее всего, теми, кто вознамерился захватить «Народную Инициативу» или оттяпать от неё порядочный кус, начаты боевые действия, но мой статус советника по общим вопросам не давал мне возможностей видеть всё, чем был занят сейчас Козырев, в натуральную величину.

Для войны у босса были другие люди, но что-то мог сделать и я в порядке инициативы. Например, обшарить кабинет Мити, чтобы в нём не осталось ни одной компрометирующей его бумажки. Вывернуть карманы его одежды, заглянуть во все укромные уголки квартиры и изъять всё, что могло бы повредить пробирочнику, к которому я успел крепко привязаться и даже полюбил за бесконечную доброту и отзывчивость, какие стали встречаться в русских людях всё реже и реже.

Митя ещё не успел обжиться в квартире, и одна комната была совсем нежилой, в другой стояла кровать со смятой постелью. Возле неё я нашёл женскую заколку для волос, но не стал её поднимать и прошёл в кабинет, где обнаружил в письменном столе толстую тетрадь в кожаном переплёте, с десяток новых и использованных дисков для компьютера, пару флешек и блокнот с записями адресов на английском языке. Всё это надо было немедленно спрятать в надёжном месте, чтобы улики не попали в руки следствия, которое, несмотря на все связи Ершова, можно было замять, но до конца загасить невозможно. Так уж устроена наша правоохранительная система, что улики в ней сохраняются вечно, и стоит только пошевелить прокуратуру газетной статейкой, взяткой или властным окриком, как она воспрянет от летаргического сна и начнет рассматривать заросшее архивной паутиной дело.

В кладовке я обнаружил большой целлофановый пакет и сложил в него свои находки. Последней я положил тетрадь, но из-за любопытства снова взял её в руки, начал листать записи. Их было довольно много на английском языке, но в конце они были на русском. Митя записывал в тетради некоторые свои мысли, и они были о русском бунте.

«Пушкин почти во всех своих суждениях бесспорен, — каллиграфически безупречно начертал Митя. — Русский бунт действительно беспощаден, но так ли уж он бессмыслен? В мире нет ничего такого, что не имело бы смысла, который подчас распознать трудно, а иногда и невозможно, но это не означает, что его нет вовсе. Пушкинское определение, скорее, нужно понимать как утверждение того факта, что любой бунт, любое возмущение народа подавляется властью, и, говоря о бессмысленности бунта, поэт поделился с нами житейской мудростью, которая в его время была бесспорна. Но русский бунт тысяча девятьсот семнадцатого года одержал победу, и уже на следующий день стали ясны его смыслы: мир — народам, земля — крестьянам, власть — советам...»

«Лучше бы он писал стихи, как Чистяков, — подумал я. — А он, кажется, уже и в пробирке народился подпольщиком-революционером. Зачем ему это — иметь реальные

шансы получить сотню миллионов долларов чистыми в наследство и размышлять о русском бунте. И без него на всех каналах и частотах то и дело кукарекают о новых потрясениях. Стоит ли звать на свою голову лихо?»

Едва я упаковал улики, как явились ершовские ребята, которые пригнали мою и Митину машины, оставленные нами перед крестным ходом у церкви, и привезли Сталина.

— Кому я должен отдать письмо для Ершова?

— Мне, — протянул руку плечистый парень. — Товарищ полковник приказал нам зачистить квартиру.

— Я уже это сделал. Компьютер и прочее в пакете.

— А тетрадь?

— Это мои записи, — не моргнув, солгал я. — Моя рабочая тетрадь. Пройдитесь по квартире, вы же спецы. Да, кухню я не осмотрел. И в холодильник загляните, там, кажется, есть пиво.

Воспользовавшись тем, что мы остались одни, Сталин поинтересовался:

— А где хозяин квартиры?

— Он, к сожалению, находится в больнице. Но вы располагайтесь, где пожелаете. В любом случае желание Мити представить вас своему отцу будет выполнено. Разумеется, ваше время будет оплачено — сразу же, как закончится день рождения.

— Если бы вы знали, — поморщился Сталин, — как мне неприятно говорить о деньгах, но приходится. А что с Митей?

— Ему сейчас просвечивают голову. Но, думаю, всё обойдётся, и завтра он отвезёт вас на Бесстыжий остров.

— Тогда мне надо позаботиться о подарке, — Сталин расстегнул свою дорожную сумку и вынул книгу. — Пока это самоделка, выполненная на компьютере и переплетённая вручную, но я надеюсь её издать большим тиражом.

— И в этой книге всё о нём, о вожде?

— Конечно, о нём, — подтвердил Сталин. — У меня есть сто тысяч рублей, а на издание нужно ещё столько же. Вот вам и ответ, почему я оказался в ваших краях.

— Думаю, юбиляр поможет решить эту проблему. Только будьте самим собой, не юлите, говорите всё напрямик.

— Разве я похож на артиста? — обиделся Сталин. — Артистов на руках носят, а меня уже не один раз били за то, что я — Сталин.

Ершовские ребята ничего не нашли и, подхватив пакет с компьютером, удалились. Пора было идти домой и мне. Перед уходом я дважды звонил по мобильному Мите, но его телефон был выключен.

— Телевизор работает. В холодильнике есть еда, вино и коньяк, если только ершовские хлопцы всё не повыжрали и не повыпили. Из квартиры ни шагу. Примите ванну, причепуритесь и будьте готовы к встрече с господином Козыревым, которого вы ненавидите...

— Почему я должен его ненавидеть, — слабо запротестовал гость.

Я наклонился к его уху и прошептал:

— А разве его надо любить за то, что он предатель дела Ленина-Сталина?

– 15 –

Как это ни прискорбно, но за последнее время не только я, но и многие люди заметно очерствели душой. И теперь редко кто откликается на чужое горе, большинство из нас даже не слышат, не видят его, а если что-то попадётся на глаза, то поспешат отвернуться и порадоваться, что плохое случилось не с ним. В этом смысле я — не исключение, и несчастье, случившееся с Митей, воспринял с тайной радостью, что и тебя, везунчика, богача и умника, может осадить дубинкой первый встречный полицай, а ты ещё окажешься в дураках и виноватых. К тому же знакомство с «демократизатором» должно пойти Мите на пользу. Я мог бы ещё долго рассказывать пробирочнику о российском произволе власть предержащих, а он продолжал бы смотреть вокруг восхищённым взором и цитировать мне панегирики русскому народу от славянофилов и почвенников. Мне этот тупоголовый полицай был послан его величеством случаем, чтобы просветить Дмитрия Андреевича в основаниях русской жизни, только зачем для этого бить человека по голове? Есть и другая, более мягкая часть тела, через которую учителя вколачивали ум в голову ученика, и о ней знали ещё в древности. Человека бить по голове нельзя, а тут ещё Люба вдобавок напомнила, о чём мне надо думать в первую очередь:

— Не дай бог, если Мите сильно повредили голову и он не сможет стать президентом концерна. Аля говорит, что Андрей Ильич стал побаливать. Что будет тогда с нами?

— Думаю, что у Мити всё обойдётся.

— А ты не думай, а поезжай в больницу, навести его, посочувствуй беде. Это его поддержит, да и тебе самому не во вред будет.

Люба, как всегда, была права, надо было, не откладывая, навестить пострадавшего и поговорить с лечащим врачом. Я оделся в соответствии с предстоящими праздничными мероприятиями в строгий костюм, ослепительно белую рубаху, повязал с помощью Любы на шею шёлковый галстук, обулся в дорогущие итальянские полуботинки, а в кейс бросил Митину тетрадь, чтобы вернуть владельцу.

— Встретимся на Бесстыжем?

— Я обещалась помочь Але в подготовке праздника, — сказала жена. — Слава богу, что не будет на этот раз уймы гостей, но без меня ей не обойтись.

Официальному лицу концерна «Народная Инициатива», а таковым на сегодня в числе ещё нескольких ответработников был назначен я, полагалось персональное авто, и у подъезда меня встретил одетый с иголочки водитель и распахнул дверцу «Мерседеса». Я упокоил своё тело на заднем сиденьи и велел ехать в частную клинику, где находился мой подопечный. Вход в стационар был свободным, но на втором этаже возле дверей палаты, где находился Митя, стоял один из бойцов Ершова, который меня узнал и поприветствовал лёгким кивком коротко остриженной головы.

Палата была пуста, и я обнаружил молодых на широкой и просторной лоджии с роскошным видом на Волгу, из-за которой уже приподнялось солнце. Они, сидя в плетённых из лозы креслах, предавались утреннему чаепитию.

— Игорь Алексеевич! — обрадовался Митя. — Тревога была напрасной. Томограф не выявил в моей голове ничего такого, что могло бы угрожать моему здоровью.

— Но доктор рекомендовал остаться в больнице ещё на несколько дней, — сказала Соня. — И затем сделать ещё один снимок.

— Для этого необязательно сидеть в четырёх стенах. К тому же завтра день рождения отца, — спохватился Митя. — Как там мой подарок?

— Находится в твоей квартире. Кстати, люди Ершова изъяли твой компьютер и диски, говорят, что из соображений безопасности.

— Я об этом уже знаю. Вчера здесь был этот Ершов и поставил возле палаты охранника. Напугал Соню. Разве за несколько дней я нажил себе таких опасных врагов, что они вознамерились меня убить?

— Конечно, нет. Просто начальник службы безопасности на всякий случай перестраховался. Но кое-что изменилось. Кажется, большие торжества на Бесстыжем острове отменены, в том числе и с вашим участием.

— Вот и прекрасно! — обрадовалась Соня. — Я сегодня же верну полученные деньги.

— Возвращать полученные деньги неразумно, — сказал я. — Но почему вы не посоветуетесь с мужем?

— Я против возвращения денег, — заявил Митя. — Что с возу упало, то пропало. И я уже тебе говорил, Соня, чтобы ты забыла о деньгах вообще. Они у тебя будут всегда.

Разговор приобрёл сугубо семейное направление и меня не касался, поэтому я покинул молодых и поспешил на мясокомбинат, с которого начинались праздничные мероприятия во всех подразделениях и службах «Народной Инициативы» под брендом ежегодного корпоративного праздника, но все знали, что он посвящён очередной годовщине президента концерна.

Андрей Ильич и в будни был не скуп на милости своим добропорядочным сотрудникам, а в свой день рождения устраивал для всех пир горой, с приглашением артистов, циркачей и даже приезжих знаменитостей. Началу корпоративного гульбища по обычаю, оставшемуся с советских времен, предшествовало торжественное заседание, на котором чествовали передовиков и ударников капиталистического труда, вручали им почётные грамоты, благодарственные письма, оглашали списки лучших по профессии — и всё это можно было принять за отрыжку социализма, если бы не позвякивание сотовых телефонов в карманах трудящихся передового во всех отношениях концерна, извещавших эсэмэской о зачислении на их счёт премиальной, лично от Козырева, тысячи рублей. В честь семидесятилетия босса премиальный фонд был увеличен вдвое, но концерн ничего не терял от проявленной им щедрости: выданные людям деньги уже на другой день возвращались через продуктовые и виноводочные отделы четырёх громадных торговых центров, принадлежащих «Народной Инициативе», на счета банка, также принадлежащего Козыреву.

Моя роль во всём этом праздничном бедламе была одновременно и простой, и многозначительной. Я должен был присутствовать в качестве официального представителя концерна на трёх торжественных собраниях, которые были спланированы таким образом, что я, отметившись на одном мероприятии, отправлялся на другое, затем на третье и после каждого отзванивался в центральный офис концерна,

где находился штаб по проведению юбилея.

Дворец культуры мясокомбината к юбилею босса освежили побелкой и покраской оконных рам. Меня встретил председатель профсоюзного комитета. Мы прошли в зал, где я занял место в президиуме, рядом с руководящей головкой предприятия, и приготовился к тому, что все выступающие будут делать в мою сторону реверансы как представителю концерна и великого юбиляра господина Козырева, который в своё время, не поперхнувшись, приобрёл предприятие за десять процентов его реальной стоимости.

Я достойно исполнял свою роль праздничного истукана, то есть терпеливо выслушивал оголтело-хвалебную чушь, которую несли трибуны представители рабочей аристократии и производственной элиты крупнейшего в Поволжье производителя колбас, сосисок и прочей мясосодержащей дребедени, которую я никогда не брал в рот после того, как увидел, из чего это всё делается. Но мне приходилось видеть и не такое. Я научился помалкивать и посапывать в тряпочку, не строил из себя умника, сидел-посиживал в президиуме с подобающим крупному руководителю выражением лица, вяло похлопывал в ладоши и тупо, борясь с одолевающей зевотой, смотрел в зал. И не видел ни одного лица — одно сплошное поголовье, поблескивающее глазами от предвкушения бесплатной кормёжки, выпивки и танцев до упаду под выкрики и хрипы какого-нибудь обкурившегося дурью диджея.

Мероприятие благополучно завершилось, я отзвонился в офис и сообщил о проделанной работе. Затем бережно поддерживаемый под локоток председателем профкома, погрузился в «Мерседес» и отбыл на ликёро-водочный завод, где повторилось точно такое же представление, как и на мясокомбинате, с той лишь разницей, что происходило оно под мелодичный звон стеклотары цеха розлива, который работал на благо концерна круглосуточно и без остановок. Я был здесь впервые, и директор, приняв меня за важную шишку, предложил мне выступить, что я с большим удовольствием и сделал, провозгласив в конце своего выступления здравицу в честь концерна и её президента, которая была рьяно поддержана президиумом, а затем и всеми участниками торжественного собрания.

— Удобно тут у вас проводить праздничные мероприятия, — сказал я директору на прощанье. — Водка своя, прямо с конвейера.

— У нас работают только трезвенники, — заявил он. — Сегодня наш коллектив идёт в драмтеатр на премьеру трагедии «Царь Фёдор Иоаннович».

— Обязательно доложу об этом Андрею Ильичу. Не ожидал, право, не ожидал найти здесь такой очаг культуры, — я вполне искренне пожал руку директору. — Ваш опыт надо распространить на все предприятия «Народной Инициативы».

«Нет, надо следить за своим враньём, — подумал я, сев в машину. — Ведь никто не требует от меня, чтобы я нёс подобную чушь. Взял и наговорил чёрт знает что! А зачем? Надо хоть в доме для престарелых не разевать свою варежку».

Андрей Ильич шефствовал над заведением для пенсионеров, оказавшихся в конце своей жизни в одиночестве, и не менее двух раз в год, на Рождество и Троицу, посещал его лично, но в свой день рождения доверял выполнить свою миссию другим. На этот раз такой чести удостоился я и, признаюсь, был не в восторге от этого поощрительного знака внимания президента концерна к моей особе.

Однако я зря беспокоился. Старички и старушки заинтересованно выслушали мой доклад об Андрее Ильиче, дружно похлопали в ладоши и преподнесли свои подарки имениннику регионального значения — вышитый гладью портрет юбиляра в дубовой раме и приветственный адрес, под которым подписались все обитатели богоугодного заведения. Не скажу, что это тронуло меня до слёз, но ответное слово я произнёс в некотором волнении. Я вдруг понял, что никто из живущих молодых и здоровых людей не может быть уверен, что не попадёт сюда на дожитие и не закончит свою жизнь столь прискорбным образом.

«Сегодня я — успешный человек, дом у меня — полная чаша, все близкие живы и здоровы, но вот, не дай бог, наедет на мой представительский «Мерседес» груженая фура, и постоянная инвалидность мне, как минимум, обеспечена. Буду ли я нужен жене, не сбагрит ли она меня в дом престарелых?.. На этот вопрос честно ответить не сможет ни она, ни я. И я ничем не отличаюсь от простых смертных, живу, как все, радуюсь тому же, чему радуются нормальные люди, в том же богоугодном заведении. Юбиляр их сегодня осчастливил каждого продуктовым набором в прочном бумажном пакете, на котором красовалась радостная физиономия Андрея Ильича. Но и обо мне он не забыл: на мобильнике нарисовалось сообщение, что мой банковский счёт пополнился суммой, которая была столь большой и потому, что включала в себя и мои премиальные, и расходы на стимулирование друзей «Народной Инициативы».

И первый, о ком я подумал, был Маркин. Этот пожилой сорванец обещал накопать

мне компру на Синюгина и сегодня должен был отчитаться о проделанной работе. Его молчание меня встревожило: могло случиться, что продувной, всегда державший нос по ветру журналюга переметнулся на сторону врагов концерна и слил за бабки всё, что ему ведомо дурного о Козыреве, в том числе и то, что нарыл по моему заданию, и подставил меня под удар, объявив своим тайным агентом. В драке важно не растеряться и ударить первым, и законы подлости были известны Маркину гораздо лучше, чем мне.

На мой телефонный звонок он отреагировал не сразу.

— Ты что, ещё не проснулся?

— Вроде этого.

— Надеюсь, ты не забыл моё задание?

— Только этим и занимаюсь.

— И что?

— Когда вы сможете быть под часами?

— Через полчасика.

— Там и поговорим.

У меня отлегло от сердца, кажется, Маркин не сделал заячью скидку, не переметнулся на вражескую сторону, и мы с ним идём по одной тропе.

Все последние пять лет обитатели нашего региона стали усиленно обзаводиться своими автомобилями. Уж не знаю, как это им удавалось сделать, поскольку все до одного, по уверению каждого, они были честными людьми, живущими на одну зарплату, но улицы города превратились в чадящие траншеи. И когда водитель представительского «Мерседеса» пробился по ним к месту встречи с Маркиным, то журналист был уже там, возле дома, на котором находилась башенка со старинными часами, через каждую четверть часа напоминавшая всем горожанам, что срок их жизни укоротился на пятнадцать минут.

Завидев меня, Маркин поспешил к «Мерседесу».

— Ты, Маркин, меня сегодня удивил: не пришёл с утра за деньгами. Разве с тобой такое бывает?

— Случай из ряда вон выходящий, — согласился журналист. — Но я был занят. Вы даже догадаться не сможете, откуда я сейчас.

— Ну и откуда?

— Из морга, — тихо произнёс Маркин. — Что за унылое место. Люди свалены как дрова. Извините, покойники.

— Ты что, статью из морга для кого-то собрался написать?

— А там уже была статья до меня написана. Уголовная. Вижу, вы ничего не знаете, но редактор Синюгин погиб в автоаварии. На него налетела груженая фура. И его лимузин — всмятку.

Известие было столь неожиданным, что я, дабы сосредоточиться, потряс головой. «Нет, — подумал я. — Или чёрт, или бог, но кто-то играет нами, как пешками. Синюгин рвался в ферзи, а случай, да — случай, подставил его под двадцатитонный грузовик, нагруженный какой-нибудь китайской дребеденью».

— Не повезло мужику, — потупившись, промямлил я. — С каким воодушевлением он копался в нашей грязи, и теперь его будет очень не хватать тем, кто любит почесать языки в спор-клубе.

— То, что я вам сообщил, относится к бесплатной информации, — деловито произнёс Маркин. — Остальное — за плату.

— Сегодня у меня приступ щедрости, — не стал спорить я. — Вон возле магазина банкомат. Получишь наградные от Козырева и все другие выплаты, не отходя от кассы.

— Чтобы вы во мне не сомневались, Игорь Алексеевич, — вякнул Маркин, — могу довести до вашего сведения информашечку, которую, правда, ещё не проверил: противники «Народной Инициативы» намерены провести ряд выступлений с использованием технологий «оранжевой революции». Я не стал об этом докладывать, потому что всё это выглядит как страшилка для провинциалов, однако чем чёрт не шутит, когда бог спит. Имейте моё предупреждение в виду.

— Опять ты всё вокруг да около, — недовольно пробурчал я. — Говори разом всё, что вычитал в интернете.

Маркин, приподняв голову, глянул в сторону башни с часами, которые пробили очередные четверть часа.

— Через полчаса на Венце, откуда такой богатый вид на Бесстыжий остров, общественность собиралась митинговать, а вот что это — сетевой треп или серьёзное дело — я не знаю.

— Добро, — сказал я. — Ступай домой, отдай деньги жене и распей с ней бутылочку шампанского.

– 16 –

Через мгновение от Маркина и след простыл, а я поспешил к «Мерседесу». Моё представительское пижонство во славу концерна подошло к концу. Лимузин был выделен всего на несколько часов, и теперь я мог подъехать к своему дому или расстаться с ним прямо сейчас. Поколебавшись, я выбрал последнее. Сообщение Маркина о возможной бузе против Козырева нуждалось в достоверной и предметной проверке. Но у меня было ещё минут десять свободного времени, и я воспользовался им и, зайдя в бар, заказал бокал пива.

Мне было над чем поразмыслить, хотя, говоря честно, совсем не по душе это занятие — ломать голову над проблемами, которые никогда не будут решены человечеством. Возможно, век-полтора назад перед людьми и брезжило нечто, дававшее им надежду на то, что в мире воцарится справедливость, и всё, до последней слезинки ребёнка, получит справедливое воздаяние в зависимости от тяжести причинённого душе человека вреда. В наши дни об этом ещё любят поговорить и постонать, но даже в саму возможность установления божеской справедливости на земле мало кто верит, тем более в России.

Я запил жёсткий комок в горле большим глотком баварского пива и, поколебавшись, решил, что доложу Козыреву о гибели оппонента, чтобы посмотреть на его реакцию, поскольку был почти уверен в его причастности к ликвидации Синюгина, хотя бы косвенным образом. Спросите, как?.. Да подмигнул своему Малюте Скуратову, то бишь Ершову, а у того в подчинении есть такие псы, что загрызут любого, только спусти их с поводка. Вспомнив о них, я зябко поёжился: не приведи, господи, попасть им в руки, они даже на меня, приближенного к президенту и почти его родственника, иногда взглядывают так, что становилось холодно и жутко.

Трусоватую зябкость можно было прогнать только чем-нибудь крепким, что выше сорока градусов, и стопарик «Посольской» вдохнул в меня жизнь и трезвое решение: забыть о Синюгине навсегда и никому, даже Любе, не говорить о своих подозрениях относительно его скоропостижной кончины.

Судя по времени, митинг должен был уже начаться, но я не очень-то на него спешил, поскольку не верил в дисциплинированность народных сборищ, особенно в городе Обломова, где поднять на какое-нибудь важное и общественно значимое мероприятие хотя бы два десятка граждан всегда становится неразрешимой задачей. У нас даже советская власть была установлена позже всех губерний в России. И что тогда ждать в наши дни, когда бесплатные концерты мировых знаменитостей классического искусства у нас проходят в полупустых залах и наш сверхкреативный губернатор вынужден заполнять их работниками бюджетных организаций, чтобы поддержать реноме города как культурной столицы Европы в глазах международных бездельников от современной культуры и московского начальства.

Пройдя мимо монумента Ленину, я обнаружил за плотными посадками карпатских елей несколько десятков крепких парней, которые толпились на Венце — довольно широком, обращённом в сторону Волги бульваре, проложенном по самой кромке береговой горы. Некоторые молодые люди держали в руках красные флаги и транспаранты с надписями, которые явно обнаруживали цель этого сборища: «Сарынь на кичку!», «Козырева и его банду — в тюрьму!», «Бесстыжий остров — честным людям!»

Митинг готов был начаться, но все явно кого-то ждали. Перетаптывались, курили, швыряли окурки в подстриженные кусты. А народ подходил: явились во главе со своим депутатом госдумы «зелёные», какая-то нужда пригнала на митинг кучку стариков и старух, которые обозначили себя как «Дети войны», явились представители движений «За честную жизнь!», «Патриоты России», и сборище заметно увеличилось в числе.

Но как я ни старался остаться незамеченным, меня углядел Чистяков и, подойдя сзади, громко прошептал на ухо:

— Козыревский шпион вышел на холод?

«Экий невежа», — подумал я, но не возмутился бесцеремонностью.

— А ты сам что здесь делаешь? Или тебе Маркин не заплатил за гимн, и ты решил досадить за это Козыреву?

— Маркин со мной рассчитался, но я здесь по другой причине. Хочу поглядеть, как наш народ бунтует в начале двадцать первого века.

— Тогда не пора ли начинать представление? — сказал я. — Кстати, ты не можешь объяснить, что это за парни? Им-то что за нужда бузить против «Народной Инициативы»?

— Держись от них подальше, — тихо произнёс Чистяков. — Вот, кстати, их пахан

сюда топает, по прозвищу Чугун.

Это имя мне было уже известно от Маркина, который называл его в числе имён других организаторов бунта против «Народной Инициативы», намеченного на юбилей президента концерна. Я, чтобы не привлекать к себе внимания, мельком глянул на Чугуна и сразу понял, что этот субъект весьма опасен, хотя выглядел совсем безобидно — в мятых штанах, кроссовках, безрукавке и бейсболке, но взгляд у него был мутный. Он тоже мельком глянул на меня, но так глянул, будто мазнул по мне чем-то грязным и липким, от чего уже никогда не отмыться.

«Это — мокрушник! — похолодев, догадался я. — А парни — его банда, которую кто-то нанял, чтобы напугать Андрея Ильича, нагнать на него страху и продиктовать свои условия по продаже части активов, а то и всего концерна какой-то финансовой группе, скорее всего самарцам».

— Кажется, меня, братан, кинули, — сказал Чугун. — Этот хренов журналюга не едет и не звонит. А у меня всё на мази: я ему ребят подогнал.

— Он тебя на деньги кинул? — нахмурился Чистяков.

— Бабло я взял — не глупый, — хохотнул Чугун. — Но как устраивать эту демонстрацию, я не знаю и знать не хочу. Надо с ним созвониться и перетереть по-умному. Если он не явится через полчаса, я его предъявы не приму, — Чистяков достал телефон и стал звонить по разным номерам. Наконец ему ответили, и он поманил Чугуна, чтобы тот подставил ухо к трубке. — Вот это, блин, дела! — отшатнулся тот, услышав сообщение. — Его мочканули. Свят, свят! Как говорится, был человек да весь вышел.

Заметив мой удивлённый взгляд, Чистяков сказал:

— На Синюгина совершено покушение. Он убит.

— Откуда такие новости?

— Из его газеты. Вот ведь беда: я ему стольник должен.

— Вот видишь, — глубокомысленно изрёк Чугун. — Тебе от его смерти прямая выгода. Но кому-то убыток.

— Ты это про себя говоришь? — рассмеялся Чистяков. — Митинг отменяется?

— Я сделаю всё, за что получил деньги. И митинг, и так далее. Надеюсь, твой приятель не журналист, чтобы растрёкать всё, что услышал в газетах? Ты его сюда приволок, так что за него в ответе.

Чугун мазнул по моему лицу липким запоминающим взглядом и отправился к своей кодле.

«Кажется, пришла пора покупать ствол, — мелькнуло у меня в голове. — С этим бандюганом можно общаться только тогда, когда он у тебя на мушке».

— Не кати на меня, Чугун, — сказал Чистяков. — И не забывай, что мы живём в демократической стране и у нас свобода слова.

— И то правда, — ухмыльнулся Чугун. — Пора начинать митинг. Тема: «Долой олигарха Козырева».

Он быстро дошёл до бульварной скамейки, запрыгнул на неё и, взяв мегафон, объявил о начале митинга. И сразу уступил своё место штатному говоруну всех митинговых сборищ, которого все знали и нанимали, как тамаду на свадьбу, на протестные мероприятия чем-то недовольные граждане: обманутые дольщики, разорённые вкладчики банков, участники рухнувших финансовых пирамид, защитники животных и прочие протестанты нашего регионального околотка России.

Сей господин знал своё дело и оповестил телеканалы и газеты о начале охоты на самого крупного бизнесмена города, в которой митинговой общественности была отведена роль загонщика. Однако вся эта суета выглядела уродливым поминальным обрядом по тому, кто задумал и проплатил это шоу, а сам удалился в мир иной и сейчас наблюдает за ним с галерки вселенского театра.

— На Синюгина никто не покушался, — сказал я. — На него наехала фура, обычная автоавария. А тебе в редакции наврали.

— Ну да, наврали, — согласился Чистяков. — Для них смерть редактора — повод для пиара. Газета достанется заместителю, а тому нужен тираж. Обычная суета. Но есть один любопытный нюансик: смерть Синюгина случилась очень вовремя для твоего босса.

— Много ты понимаешь, — процедил я. — Если редактор убит, то тебе надо помалкивать.

— Это почему? — вспыхнул Чистяков.

— Первого заподозрят Чугуна, а на тебя как на его кореша менты навалятся, чтобы выжать всё, что ты о нём знаешь.

— Он меня в свои дела не посвящает, у нас с ним дружба на почве стихов и кира.

— А завтра эта банда не намерена устроить бузу с чтением стихов возле Бесстыжего острова? — насмешливо осведомился я. — Чугун по-своему честный человек и намерен отработать полученные им от Синюгина деньги.

— Этого я не знаю, — пробурчал Чистяков. — Но красного петуха на Бесстыжий подпустить не мешало бы. Ты уходи отсюда, но послушай моё стихотворение, меня уже Чугун на трибуну зовёт, — Чистяков вскочил на скамейку, бодро прошёлся по ней и чистым и звонким голосом возгласил: — Я прочитаю вам своё стихотворение. Называется оно: «Ветер бунта». В нём вековечная русская тоска по воле.

В поле мечутся белые крылья.
Это ветер запряг лебедей
И, плескаясь морозною пылью,
Гонит их, как ямщик лошадей.

От Москвы и до волжского устья
Ветер бунта — хозяин всему.
И в симбирском моём захолустье
Есть простор разгуляться ему.

Этот ветер Поволжью не в новость.
Здесь у люда ретивая кровь.
Живы русская правда и совесть.
Жив в буранной степи Пугачёв.

Ветер бунта колотится в двери.
Хватит дрыхнуть, мужик, поднимись!
Пугачёвский тулупчик примеряй,
За дубину покрепче возьмись!

Русь привычна к бунтарским пожарам.
Вновь припёрла нужда, как и встарь,
Втолковать холуям и боярам,
Кто на русской земле бог и царь.

Хватит дрыхнуть, мужик, на лежанке.
Слышишь топот и свист у дверей?
Все закончились сроки и жданки,
Ветер бунта запряг лебедей!

Он сегодня в России хозяин,
Здесь ему всюду воля и путь.
От Москвы до камчатских окраин
Он готов всю державу встряхнуть.

Последние строчки стихотворения я дослушал, уже уходя от митингового сборища, потому что не хотел больше общаться с поэтом. Авторы виршей тем и несносны, что требуют похвал своей зачастую лишь кое-как рифмованной лабуде, и Чистяков не был исключением. Он, как и все рифмоплёты, жаждал аплодисментов, и поэтому я удалился по-английски, не прощаясь.

По пути на трамвайную остановку я после некоторых колебаний позвонил Козыреву и доложил об успешном проведении юбилейных мероприятий на мясокомбинате, «ликёрке» и в доме для престарелых.

— Стало быть, любит меня рабочий класс, — хмыкнул Андрей Ильич. — И за что мне такое пылкое чувство?

— За стабильность! — брякнул я первое, что вспыхнуло в моём повреждённом телекомментаторами мозгу.

— Будет врать! — мрачно сказал Андрей Ильич. — Похвалы ты не от народа услыхал, а от управленческой челяди. Это для меня давно не новость. Где ещё сорока летала, что увидала?

— Только сейчас с митинга, — доложил я.

— В честь чего такое событие?

— В вашу, Андрей Ильич, и «Народной Инициативы».

— Что требуют, какие лозунги выдвигают? Конкретно, в двух-трёх словах.

— Лозунг у них смешной и даже дурацкий: «Бесстыжий остров — честным людям!»

Козырев запосапывал, что у него было признаком раздражения. Я подумал, что он сейчас начнёт ругаться, и на всякий случай отстранил трубку от уха. Но услышал лишь частые гудки.

Хотя Андрей Ильич не дал мне никаких поручений, я не забывал о своих обязанностях и, дождавшись трамвая, доехал до «часов» и направился к бывшему обкомовскому дому, чтобы навестить Сталина, предполагая, что он после вчерашней беготни и нервотрепки с полицаями ещё не встал с дивана. Но Иосиф Виссарионович был уже на ногах, открыл мне дверь, пригласил на кухню и налил чашку чая.

— Вы, кажется, в работе? — сказал я, увидев на столе раскрытую толстую, страниц на двести, тетрадь. — Фиксируете для потомков события вчерашнего дня?

— Для меня это не в новинку, — пренебрежительно произнёс Иосиф Виссарионович. — Пользуясь случаем, просматриваю рукопись книги. И опять нашёл две грамматические ошибки.

— Вы облегчаете жизнь корректорам, — сказал я. — И эта книга, стало быть, вся о нём? Можно взглянуть?

— Выйдет в свет, тогда и читайте, на здоровье, — закрыл тетрадь Сталин. — А вот этот листок посмотреть можно. Я выписал на нём примерные названия разделов и глав книги.

Листок был исписан бисерным, но разборчивым почерком. Судя по всему, автор был действительно творческой личностью, поскольку назвал свою будущую книгу довольно неожиданно: «Разговор с вождём».

— Очень любопытно, — не скрывая иронии, заметил я. — Значит, эту книгу наговорил сам Сталин?

— Зря сомневаетесь: уже лет десять я время от времени задаю ему вопросы, и он, если сочтёт нужным, на них отвечает.

— И каким же образом вы с ним разговариваете — по телефону или лично?

— Слышу его голос. Это может случиться среди ночи и днём, поэтому я всегда держу при себе японский диктофон и наговариваю на него то, что услышу.

— Что, и сейчас с вами такое происходит?

— Я уже года два его ни о чём не спрашиваю.

— Почему так? — оживился я. — Вы повздорили? Наверно, спросили про что-нибудь такое, что ему пришлось не по вкусу?

— Я спрашивал вождя только о том, что имеет государственное значение.

— Можно ли через вас задать ему вопрос?

Иосиф Виссарионович закрыл тетрадь и, освежив огоньком табак в трубке, выпыхнул витиеватое облачко дыма. Он явно считал нашу беседу законченной, но я думал по-другому.

— Не посчитайте меня назойливым, но то, что вы мне рассказали, несомненное чудо. Вчера вы произвели большое впечатление на верующих. Кто-нибудь из них знает об этих ваших разговорах с вождём?

— Я об этом, кроме вас, ни с кем не говорил.

— Даже с отцом Антонием?

— Нет, не говорил. Сейчас жалею, что расчувствовался над рукописью и проболтался. Прошу вас, забудьте обо всём, что я здесь наболтал.

— Да нет, ваше откровение было оправданным. Я уже сегодня испрошу у президента «Народной Инициативы» грант на издание книги. Вас это устраивает?

— Пока не знаю...

В дверь позвонили. Я решил, что вернулись Митя и Соня, но на лестничной площадке стоял старый казак, которого я видел на крестном ходе. Он приложил ладонь к козырьку форменной фуражки и доложил:

— Приходское общество снарядило меня просить товарища Сталина прибыть к храму.

— Проходите, — уступил я дорогу служивому. — Идите прямо, он там, на кухне.

Постукивая по дубовому паркету каблуками начищенных до блеска сапог, он вошёл в кухню и, отдав честь, произнёс то же самое, что и мне.

— Спасибо за приглашение, — улыбаясь, сказал Сталин. — Но вряд ли это возможно сегодня. Передайте отцу Антонию, что у меня возникли некоторые обязательства перед людьми, в чьей поддержке я сильно нуждаюсь. Не знаю точно, когда освобожусь.

— Вы будете нужны до вечера завтрашнего дня, — сказал я.

— Вот видите, — Сталин развёл в стороны руки. — Через сутки я смогу побывать у вас в гостях.

Старый казак был тёртым переговорщиком и решил взять паузу.

— В ногах правды нет. Может, того, присядем, — он пооглядывался и значительно произнёс: — Добротные хоромы. Сейчас таких не строят. Панельным домишкам всего полвека срок гарантии. А у меня рубленая изба уже больше ста лет стоит, ещё прадед строил.

— Раньше надежнее строили, — согласился Сталин. — В этом вы правы.

— А ведь там вас не только наши ждут, — кашлянув, просительно вымолвил старый

казак. — Приехали на пяти машинах паломники, желают с вами встретиться, спросить...

— О чём меня спрашивать? Я знаю ровно столько, сколько они, а может быть, и меньше.

— Но вы — Сталин.

— Да, я — Сталин, но не такой, какой им нужен. У меня нет ни маршалов, ни десятимиллионной армии...

— Нет, — возразил старый казак, — вы как раз такой Сталин, какой им нужен сейчас — не небесный заступник, а земной, который бы убедил их в непоколебимости правды. Каким был Степан Тимофеевич Разин, которому депутаты нашей городской думы ни в какую не хотят присваивать звание почётного гражданина города. А ведь он три с половиной века назад осаждал наш город; был дважды ранен, и только это помешало ему добраться до московских бояр и прочей царской челяди.

— Какой из меня народный заступник? — встревоженно глянул на старого казака Иосиф Виссарионович. — Прямо-таки и не знаю, чем вам помочь.

— Вам пора пристать к какому-нибудь берегу, — неодобрительно глянул на вождя старый казак. — Народ смущён вашим приездом, и вы перед ним ответственны.

Сталин жалобно глянул в мою сторону и занялся раскуриванием трубки. Он попал в непростое положение и срочно нуждался в поддержке.

— У меня есть полномочия, и я могу разрешить товарищу Сталину увольнение до одиннадцати часов утра завтрашнего дня.

— Это я вам гарантирую! — радостно вскричал старый казак. — Куда его доставить?

— На волжскую пристань. Там будет дежурить наш катер.

— Ступайте вниз. Иосиф Виссарионович возьмёт вещи и присоединится к вам.

– 17 –

Отпустив к отцу Антонию странного, но, судя по всему, незлого человека, вынужденного по стечению обстоятельств влачить на себе личину Сталина, я решил дождаться звонка от Ершова или одного из его подчинённых, потому что квартира Мити со вчерашнего дня находилась под наблюдением службы безопасности концерна. И повсюду на всех предприятиях и финансовых учреждениях, во всех службах обеспечения введён красный уровень опасности, о чём я был извещён эсэмэской ещё вчера вечером. Квартира Мити в первую очередь вместе с резиденцией президента попадала под действие защиты и, вполне возможно, прослушивалась, поэтому причастные к безопасности люди были извещены о моём местонахождении и при нужде могли со мной связаться немедленно.

Человек так устроен, что его голова постоянно хоть чем-то да занята, как правило, всякой ерундой и бессмыслицей. Но мне было о чём подумать, конечно, в первую очередь о себе, и оценить все риски и угрозы своему благополучию, которое было напрямую связано с «Народной Инициативой».

Я понимал, что моё значение мельче самой малой финансовой песчинки, что я — не что иное, как шестёрка, тем и жив, по милости Андрея Ильича, и должен сдувать с него пылинки, тем более, защищать его благополучие, как своё личное. Но как это было сделать, когда угрозу для Козырева представлял не кто иной, как его сын, которого он зачал в пробирке, воспитал в Англии, и тот оттуда приехал с идеями добра и справедливости, о коих в наши дни можно услышать только от клиентов психиатрической клиники.

Явившись в наш город, Митя своим выступлением в спор-клубе сразу заявил о том, что отныне у Козырева открылось слабое место, и удар в него может обрушить экономического тяжеловеса на колени, и тогда ему можно будет продиктовать условия капитуляции, то бишь отнять за бесценок активы самых доходных предприятий. Против Козырева играли крупные и опытные шулера, но и сам Андрей Ильич был далеко не последним бойцом в боях без правил на поляне беспредела. И то, что на Бесстыжем был объявлен карантин, говорило о его готовности сражаться до конца, а мне сам бог велел быть на его стороне, но не забывать и про свою выгоду.

Ребята Ершова про меня не забыли, и скоро один из них заехал на квартиру Мити, обошёл её с каким-то прибором, затем проверил все запоры на окнах, закрыл все краны и шутейно провозгласил:

— Карета подана! Велено доставить вашу милость на остров.

— Где молодые? — поинтересовался я, усаживаясь в машину.

— Не могу знать! — весело произнёс водитель. — Меньше знаешь — лучше спишь.

Мне любопытно было присутствовать на представлении снохи могущественному тестю и присмотреться, как глянет Козырев на Соню, о которой я не мог подумать, не

почувствовав, как во мне просыпается затмевающая разум и совесть дикая и слепая страсть к размножению человеческого рода. Но я допускал, что Андрей Ильич уже далёк, в силу своего возраста, от подобного рода поползновений и проявит к снохе лишь вежливый интерес, без всяких намёков на родственные отношения. Он ведь, если говорить правду, купил её для сына как лекарство от дури, которая, как заразная болезнь, овладела Митей. И при встрече с молодыми Козырев сможет оценить: прошёл ли острый период заболевания у ненаглядного пробирочника или болезнь приобрела хронический характер, и Андрею Ильичу придётся смириться с неравным браком и ждать появления внука.

На Бесстыжем ничто не напоминало о завтрашнем семидесятилетнем юбилее обладателя столь завидных угодий. Карантин на острове был объявлен самый настоящий. Это чувствовалось по тому, что на пристани сидел вооружённый помповым ружьём охранник, обычно многочисленные гости отсутствовали, стрельчатые окна нового терема для приёмов гостей и проведения празднеств были занавешены, да и сама погода начала портиться. Дул холодный порывистый ветер, Волга раскачалась, расходилась, тёмно-зелёные волны украсили белые пенные барашки, лодки рыбаков сдуло непогодой, и всхолмленная водная гладь была пуста. И лишь возле острова покачивался на якорной стоянке большой чёлн. Присмотревшись, я увидел на нём фигуру человека в дождевике с ружьём на плече и узнал шкипера Алексея Ивановича. Он тоже глянул в сторону острова и помахал мне рукой.

— Долго задерживаться на причале нельзя, — строго сказал охранник пристани. — А махать руками вообще запрещено.

— Сын Козырева здесь?

Охранник не откликнулся на мой вопрос, и я отправился к той части хозяйского терема, где обычно останавливалась Люба, когда приезжала навестить свою сестру. Ветер усиливался, над островом быстро сгущались сумерки, из лесной его части, поросшей частым и крупным сосняком, раздался протяжный и заунывный вой. Я зябко вздрогнул и огляделся по сторонам, чувствуя, как на меня кто-то глядит, хотя никого вокруг не было. Невольно ускорив шаги, я с облегчением открыл дверь веранды и, пройдя через неё, поднялся на третий этаж терема в просторный холл и через него прошёл на обращённую в сторону Волги веранду. Здесь было гораздо ветренее, чем на земле. Просторное и обычно гладкое зеркало водохранилища, вдребезги разбитое штормовой погодой на бесчисленные груды волн, превратилось в способную вырваться на волю и смести всё, что есть на пути, стихию. И я невольно представил себе, как выше нас уже рухнула плотина и огромный многокилометровый вал воды мчится вниз по волжскому руслу на Бесстыжий остров, как океанское цунами, и скоро от всего его великолепия останутся жалкие обломки сосен и строений.

Я почувствовал на плече чью-то руку и обернулся. Это был Митя.

— Как погода? — он весело хохотнул. — Мне она по нраву. Сколько себя помню, непогода, даже ураган, приводили меня всегда в восторженное состояние. Другие стремятся укрыться, заслониться от ветра и дождя, а меня подмывает броситься им навстречу. И мне по сердцу призыв буревестника революции — пусть сильнее грянет буря!

Я вопросительно глянул на развеселившегося пробирочника: уж не разыгрывает ли он меня? Но Митя, кажется, был по-настоящему весел, чуть ли не хмелён от переполнявшего радостного возбуждения и был готов на крайнюю откровенность.

— Не думал, Митя, что тебе по нраву слоган великого пролетарского писателя, господина Горького. «Пусть сильнее грянет буря!» — со слезами восторга орала русская интеллигенция. И накликала на свою голову и на всю, до последнего человека, Россию бунт. Тот самый бессмысленный и беспощадный, о котором так верно сказал Пушкин.

— Уточните, что вы имеете в виду? — насмешливо сказал Митя.

— Только то, что и сказал поэт, назвав русский бунт бессмысленным и беспощадным. Разве у тебя есть против этого возражение?

— Я хочу сказать, что Пушкин прав, назвав русский бунт беспощадным. Но русский и всякий другой бунт, тот же французский, нельзя назвать бессмысленным...

Последние слова Мити потонули в раскатистом грохоте грома, ослепительно ярко вспыхнули десятки молний и осветили мятущуюся под натиском бури Волгу. Я потянул Митю за рукав к двери в холл, но он словно прирос к полу, пока шквал дождевых брызг не привёл его в чувство.

— Как прекрасно бунтует Волга! — громко воскликнул он. — И что, её бунт тоже бессмысленный?..

— Пушкин назвал бессмысленным народный бунт.

— А что такое народ, как не стихия? — возбуждённо спросил Митя. — Хотя против этого есть возражение: стихии Богом были созданы сразу и целиком — свет, твердь,

воды, земли — всё это возникло не по крупинке, не по молекуле, но сразу и целиком. А вот народы пошли от двух крупинок, вернее, от одной — от Адама. Почему? Потому, что в каждом человеке есть божественная искра, по-другому — душа. Народ — это люди, объединённые общим для всех пониманием Бога.

— Или чёрта, — язвительно заметил я.

— Бывало и такое в человеческой истории, — согласился Митя. — Но мы не ответили на вопрос: когда народ становится стихией?

— Откуда мне знать?

— А я тоже ничего точно не знаю, и никто не знает. Я могу только предположить, что народ становится стихией, когда рушатся удерживающие его божественные скрепы. В 1917-м так и случилось: царь отрёкся от народа, народ понял, что раз нет царя, то нет и Бога, и вспыхнул бунт беспощадный, но не бессмысленный.

— Для большевиков смысл в бунте был — они захватили власть на семьдесят с лишком лет и своим правлением довели Россию до ручки, — сказал я с намерением ещё больше раздразнить пробирочника и наконец-то понять его самую подноготную суть. А понятным человек становится только тогда, когда его можно определить одним словом. В моём понимании Митя был умником. И я хотел выяснить, до каких пределов в своём умничаньи он может дойти, если, едва начав толковать о бунте, посмел покуситься на непререкаемый авторитет Пушкина.

— Для большевиков смысл в бунте был, но не такой, о чём врут на каждом углу в наши дни. Революция не была воровским переделом собственности, она стала гигантской плавильней, в которой переплавилось всё, что было в России, и большевики в первую очередь. Но смысл бунта был гораздо глубже любой идеологии. Смысл бунта заключался в самом бунте.

— Ты меня, Митя, озадачил, — сказал я. — Не хочешь ли ты как-нибудь извернуться, чтобы уйти от ответа на прямой вопрос?.. Кажется, здесь слишком шумно, мокро и простудно для серьёзного разговора. Честно говоря, я замёрз и не против согреться. Да и ты дрожишь, так недолго и простудиться.

Митя дал себя уговорить, мы вошли в холл, я включил полный свет, пошарил за стойкой бара и, отыскав бутылку водки, наполнил стаканы и вернулся с ними к Мите. Он к водке не притронулся, а я счёл за необходимость ополовинить посудину и, пожевав конфетку, расположился на диване рядом с пробирочником.

— И какой же смысл в бунте? — с ехидцей осведомился я.

Митя на мгновение задумался, затем, сверкнув глазами, заговорил:

— Высший! Нет, высочайший! И не убоюсь этого слова — божественный! Именно этот смысл, а вовсе не партии революционеров, смог раскачать, а точнее, разогреть Россию до критической точки бунта. И когда она вся целиком, от «гордого внука славян» до «друга степей» и «приятелей чукотской тундры», ухнула в кроваво-огненную пучину бунта, как нераскаявшийся грешник в Геенну огненную, кто это мог совершить, если не сам Бог? Ни Ленин, ни большевики, ни революционный пролетариат не являются причиной и организаторами бунта, который был по воле Господа переходом России из одного агрегатного состояния в другое, подобно тому как это происходит при превращении льда в воду, а графита — в алмаз. В бунте рухнули все структурные связи государства, от самодержавия и церкви до семьи, и всё-всё Личное, Общественное и Духовное в человеке подверглось коренной перестройке и ломке. Такое случалось в Англии, во Франции, но русский бунт с ними несопоставим и уникален тем, что он уничтожил частную собственность, безграмотность, экономическую отсталость и превратил Россию в глазах угнетённых народов всего мира в идеал вселенской справедливости, который до сих пор остаётся маяком для будущего всего человечества.

— Всё это любопытно, но не более того, — сказал я. — Вот и гроза откатила за Волгу, и сейчас над островом, того гляди, проглянет солнышко. Так и с бунтом в России. Он благополучно завершился нэпом, золотым червонцем и номенклатурными привилегиями для избранных. Я с тобой не спорю. Ты верно говоришь, что в России был невиданный в истории человечества бунт, был, но весь вышел. Я видел сегодня митинг. Собрались меньше ста человек, и половина из них пришли за деньги.

— Это для меня не новость, — пренебрежительно произнёс Митя. — Есть примеры упадка русского духа ещё более поразительные. Всё так, да не так: Бог не отвернулся от России и, видя её упадок, пылает к ней любовью, как отец к своему неразумному чаду, и непременно явит к ней своё спасительное благоволение.

— Оставь поповский нравоучительный тон, Митя. Ты в своих статьях и устно много сказал о том, что Россия изолгалась до крайней степени, что душа народа очерствела, а сейчас толкуешь о каком-то благоволении. Я скажу так: Россия в 1917 году переступила через край дозволенного и этим обрекла себя на распыл. И он, этот распыл, уже четверть века происходит на наших глазах. Русский народ отверг частную собственность, чем так провинился перед капиталистами всего мира, что снисхождения

ему не заслужить никогда. Я даже слышал от одного заезжего либерала, что русским уготована судьба индейцев, и единственное спасение — объявить Россию общей собственностью Запада во имя спасения хотя бы той части населения страны, которая проживает в Московском регионе.

— В чём-то ты прав, — сказал Митя. — Такие угрозы существуют, но Россию спасёт новый бунт. Во Франции революция продолжалась почти сто лет, а у нас она может затянуться и на два века. Сейчас Россия находится на том историческом рубеже, на котором была Франция после битвы при Ватерлоо. Но через пятнадцать лет Париж покрылся баррикадами, затем последовал бунт 1848 года, а за ним, после «эпохи застоя» Наполеона Третьего, была Парижская коммуна. И России не избежать нового бунта, потому что причины, вызвавшие разрушение СССР, не только не исчезли, а даже многократно обострились. И революция 1917 года не выполнила свою главную задачу — создание русского национального государства. В своём теперешнем виде Россия нежизнеспособна. Но у неё есть гигантский ресурс, полностью растраченный государствами Запада, — национальная почва, изрядно загаженная коммунистическими и либеральными экспериментами, на которой способна возникнуть православно-русская цивилизация...

— Послушай, Митя, — перебил я путаную речь пробирочника. — А нельзя ли создать эту самую цивилизацию без всякого бунта?

Он сверкнул глазами и пробормотал:

— Русский бунт неизбежен. И всякий честный человек должен быть крещён им по доброй воле.

— Но ведь многие не захотят принимать это крещение. Как с ними? Крестить насильно?

— Конечно, — убеждённо произнёс Митя. — Для их же блага. Тебя это смущает?

— Только в той степени, в какой являюсь участником преступного умысла, который ты сейчас обнародовал.

— Что же преступного в моих словах? — удивился Митя.

— Спроси полковника Ершова. Он статью о разжигании межклассовой розни знает наизусть.

Митя вскочил и торопливо выбежал на веранду. Мои слова, видимо, его уязвили, и он решил успокоиться на волжском ветру, который заметно усилился и распахнул форточку. Помотавшись из стороны в сторону, она осыпалась разбитым вдребезги стеклом. По холлу пронёсся вихрь, который опрокинул вазу с розами, с треском захлопнул дверь в коридор, ведущий во внутрь хозяйского терема.

«Нет, он точно не от мира сего, — подумал я, глядя на мечущегося из стороны в сторону по веранде обиженного Митю. — Дался ему этот бунт, которого сейчас в России не может быть ни под каким видом. Наверно, пробирка, в которой он зачат как человек, была заткнута газетным обрывком от «Советской России» с речью Зюганова по случаю годовщины Октябрьской революции. Иначе откуда он набрался таких идей в Англии, где уже четыре века не было никаких общественных потрясений? Где царствует королева, либерализм и его величество избиратель».

Конечно, я не мог не чувствовать правду многих его слов, но никак не мог понять, как проповедником русского бунта может стать человек, который неизбежно унаследует гигантский капитал, но говорить об этом его папаше не собирался. Я был уже достаточно догадлив, чтобы не вмешиваться во взаимоотношения отца и сына, явных умников и сумасбродов, дабы ненароком не пострадать, когда они начнут колотить друг перед другом семейные горшки. Последние годы мне неплохо жилось, и я был не прочь побыть на подхвате у Козырева как можно дольше, а после его ухода остаться в той же должности и при его сыне, который, несмотря на своё умничание, был добрым малым, без отцовских вулканчиков и придирок.

Вспомнив о Мите, я глянул в окно и увидел его с Соней, которая что-то ему говорила. Затем они вошли в холл, Митя, не глянув в мою сторону, удалился, а Соня села неподалеку от меня в кресло.

Выдержав небольшую паузу, она тихо сказала:

— Мне нужно с вами поговорить.

— Всегда готов, — дрогнувшим голосом произнёс я. — Но я предпочитаю, чтобы мы говорили на ты. Это обращение сокращает дистанцию между собеседниками. Но сначала один вопрос: ты уже встречалась с Андреем Ильичом?

Она испытующе на меня глянула, достала из сумочки пачку сигарет, закурила и, выпустив в мою сторону клуб дыма, усмехнулась.

— Я только что от него.

— Как он тебе показался, твой тесть?

— Нормальный дядька, — пыхнула сигаретой Соня. — Общительный и простой.

— Любопытно узнать, что он тебе сказал конкретно?

— А что можно сказать хорошенькой молодой женщине, кроме комплиментов? Но Андрей Ильич сделал мне комплимент особого рода.

— Какой же? — сказал я, чувствуя, что от Сони у меня начинает кружиться голова, а по телу пробегают то огненные, то ледяные мурашки.

— Он спровадил Митю и свою жену, а когда мы остались одни, напрямик спросил, справляется ли его сын со своими мужскими обязанностями. Мой ответ его очень обрадовал, и Андрей Ильич сказал, что заключённый со мной контракт будет оплачен по первому моему требованию с добавочными двадцатью процентами премиальных.

— Мне остаётся только присоединиться к поздравлениям босса, — довольно кисло промямлил я. — Но зачем обо всём этом мне знать? Забудь о шутейном контракте. Ты — жена единственного наследника самого крупного состояния во всей области. Митя от тебя без ума. Ты сейчас не понимаешь от радости, что находишься там, где всё доступно твоим желаниям. Богатство, красивый и влюблённый муж, молодость, здоровье — всё это у тебя есть и пребудет с тобой долгие годы.

Произнося эти слова, я не отводил взгляда от Сониных глаз, и мне почудилось, что она глядит на меня с большей заинтересованностью, чем во время прежних встреч, и поспешил истолковать это как некий призывной жест и так обрадовался своему открытию, что осип от волнения и покраснел до корней волос.

— Митя — прекрасный человек, но слишком для меня чистенький и правильный. А я — далеко не Зоя Космодемьянская, я — кошка, которая бродит сама по себе, и могу выкинуть такое, что меня самую ставит в тупик. Поэтому гарантировать Мите идеальную супружескую жизнь я не могу. В загсе мы с ним не были, а бог, надеюсь, простит грешников, хотя бы потому, что Митя при мне пожертвовал храму отца Антония значительную сумму денег на строительство гостиницы для паломников к иконе Святой Матроны со Сталиным.

— Ты думаешь только о себе, — строго произнёс я, стряхнув с себя чары обольстительной Сони. — Но для Мити разрыв с тобой будет потрясением. Он ведь влюблён в тебя по уши, и это случилось с ним в первый раз в жизни.

— Он, конечно, вполне Ромео, — усмехнулась Соня. — Но я до Джульетты определённо недотягиваю. Сегодня утром мы пришли к соглашению не спешить с загсом и побыть приходящими друг к другу в гости мужем и женой.

— Охотно верю, что ты сможешь охмурить кого угодно, но принять это за правду я не могу.

— Ах, да! — весело воскликнула она. — Я и запамятовала, что без документального подтверждения ты не поверишь и честному слову президента России.

— Не поверю даже ему. Уж такое я дерьмо.

Соня раскрыла свою сумочку, вынула свёрнутый вдвое лист бумаги и протянула мне. Я быстро прочитал текст соглашения, заверенного двумя подписями, и холодно произнёс:

— Что ж, поздравляю с удачной сделкой.

— С чем?

— С официальным приобретением богатого и щедрого любовника.

Моя бесцеремонность пришлась Соне не по вкусу, она вспыхнула, но быстро справилась с волнением и вынула ещё один лист стандартной бумаги. Я сразу догадался, что это за документ, но сумел это скрыть и равнодушно сказал:

— Это я тоже должен прочитать?

— Конечно, можешь, чтобы припомнить условия сделки, которые были не исполнены, но не по моей вине, как только что признал Андрей Ильич, — она проникновенно глянула на меня и заманчиво провела кончиком языка по верхней губе. — Надеюсь, что и ты, Игорь, не видишь причин, мешающих... полюбовному исполнению контракта? Конечно, с прибавлением тех процентов, которые мне пожаловал Андрей Ильич. Кстати, он уверил меня, что финансовое обеспечение нашего, то есть моего и твоего, соглашения входит в круг твоих обязанностей.

Расставаться с кругленькой суммой никак не входило в мои намерения. После отмены праздника с участием «княжны» я вполне мог их потратить в своих интересах, потому что они уже были списаны сразу, как только были перечислены на мой личный счёт. Но Соня, кажется, это просекла.

— Этот вопрос надо обсудить в более спокойной обстановке. Например, в известной мне пятиэтажке возле моста через Свиягу.

В холл вошёл полковник Ершов и озабоченно направился к Соне.

— Ветер утих, вертолёт готов к вылету и через десять минут вы будете у своего дома.

— К чему такая срочность? Я не попрощалась с Митей.

— Успеется, — небрежно произнёс Ершов. — Или вам не терпится поплакать? Письма, интернет, телефон — не дадут вам с Митей скучать даже на расстоянии, — я

поднялся с кресла, чтобы проводить Соню к вертолёту, но чертов гэбист встал у меня на пути. — Тебя, Игорь Алексеевич, ждёт президент.

Выйдя на балкон, я смотрел вслед Соне, которая шла за Ершовым, и ждал, что она оглянется и поглядит на меня. Однако Соня не оглянулась, что меня задело, и я решил, что с полным закрытием контракта спешить не буду и заставлю её отработать каждое слово в трудовом соглашении по полной программе. Моё трепетное восхищение Соней как-то сразу потухло и сменилось обидой, когда она догнала сутулого полковника и, поигрывая бёдрами, пошла с ним рядом.

Чтобы не впасть в ярость, я стал смотреть на Волгу. К вечеру распогодилось, дул прохладный ветерок, небо очистилось от туч, и лишь над Заволжьем поднималось огромное сине-серое ночное облако, которое к полуночи распадётся на множество мелких тучек, и в промежутках между ними вспыхнут яркие звёзды. Волга была пуста, недавняя буря разогнала рыбацкие лодки, которые обычно болтались на водной зыби возле моста. И эта пустынность Волги, огромное, почти бескрайнее водохранилище, поблескивающее то нержавеющей сталью, то медью солнечных бликов, помогло мне взглянуть на себя со стороны и увидеть никчемную двуногую мелочь, которую по какому-то недоразумению называется человеком.

Андрей Ильич был в кабинете один. Он стоял возле большого, почти в полстены, окна и, не оборачиваясь, поманил меня к себе. Я подошёл к нему и встал рядом. Из окна были хорошо видны бетонная посадочная площадка, вертолёт, полковник Ершов и стоявшие друг против друга Митя и Соня. О чём они говорили, какие обещания и клятвы в верности давали, можно было только догадываться. Но вот, выцеловав всю от кончиков пальцев до макушки свою ненаглядную суженую, Митя достал из кармана какую-то книжицу, что-то в ней написал, вырвал листок и протянул Соне. Она спрятала руки за спину, видимо, не хотела принимать бумажку, но он засунул её в карман блузки, и они слились в прощальном поцелуе.

— Нет, он действительно от неё без ума! — покачал головой Андрей Ильич. — Разве можно давать женщине так, за здорово живёшь, деньги? Женщины любят нашего брата не за деньги, а за более существенное, что даёт ему не монетный двор, а природа.

— Значит, он сейчас выписал ей чек? — догадался я. — Но у меня лежат деньги, которые я должен выплатить ей по трудовому соглашению.

— Можешь не сомневаться, она за ними явится уже завтра, — сказал Козырев. — Хорошо, что я открыл счёт Мите в рублях, а не в долларах.

Наконец влюблённые расцепили объятия, и, дождавшись подходящего случая, ушлый Ершов подхватил Соню под руку и помог ей забраться в вертолёт, который тотчас же начал раскручивать винты. Митя бросился к нему, но полковник был начеку и вцепился в парня изо всех сил, и могучий воздушный поток от винтокрылой машины чуть не сбил их с ног. Вертолёт взревел и стал отрываться от земли, Митя упал на колени и, протягивая к нему руки, что-то кричал, но всё его горе и отчаянье утонули в рёве мощного двигателя.

— Слава тебе, господи! — совершенно серьёзно произнёс Козырев и перекрестился. — Одну ногу он вырвал из нашей грязи. Теперь надо освободить ему и другую ступню. Я так понимаю, что Митя тебе смертельно надоел и тебе хочется поскорее от него освободиться?

— Напротив! — совершенно искренне запротестовал я. — Он меня очень заинтересовал своей непохожестью на аборигенов нашего города. За несколько дней успел перебаламутить своими заявлениями и поступками наше интеллектуальное болото до такой степени, что вождь этой дряни Синюгин бросился на своём авто под груженую фуру и бесславно покончил жизнь самоубийством.

— Иногда удивляюсь, Игорь, твоей догадливости, — сверкнул глазами Андрей Ильич. — Однако не вздумай пугать Митю этой страшилкой. Твоя задача — помочь мне подвести сына к единственному разумному решению: вернуться в Англию и постараться забыть обо всём, что он увидел и узнал в России. Все торжества я отменил, обойдёмся небольшим мальчишником.

– 18 –

Из кабинета мы прошли в просторную комнату отдыха, тайное обиталище босса, где я был впервые, и не увидел ничего необычного. Небольшой письменный стол, два дивана, стулья, довольно большой стол, сервированный на четыре персоны, на стене карта Среднего Поволжья, на небольшом столике несколько телефонных аппаратов. Андрей Ильич взял одну из трубок, и до меня донёсся слегка усиленный голос Ершова:

— Он в десяти шагах от меня. Идём по направлению к вам.

— Вот и ладушки! — обрадовано воскликнул Козырев. — Игорь, открой бутылку

водки. Поухаживай за стариком, ведь мне сегодня как-никак семь десятков стукнуло. Думал, закачу пир на весь мир, да не вышло. Вместо него мне проверку на прочность устроили. И знаешь кто?

— Нет.

— И не надо тебе этого знать ни под каким видом. А за что я тебя, бездельник, содержу, про это скажу — из каприза, нрав у меня такой, что мне нужно иногда выговориться, облегчить душу, а это перед первым встречным не сделаешь, да и среди близко знакомых у меня таких людей нет. Жена после моих двух-трёх слов начинает зевать. Ершов?.. Так он — деревяшка с клыками. А с тобой мне уютно и покойно. Вот проводим Митю и пройдём по Волге вверх до Ярославля, а то и до Валаама.

Пришли Митя и Ершов. Полковник не стал заходить в комнату отдыха, да и Козырев его не пригласил, а к сыну поспешил и, встретив на пороге, взял под руку и, подведя к столу, усадил напротив себя, затем уселся сам и требовательно щёлкнул пальцами. Я наполнил стаканчики, открыл бутылки с водой и соком, поправил на столе тарелки с салатами и мясным ассорти. — Ты у меня, Митя, на именинах в первый раз. Не обессудь, что карнавала и водной феерии не вышло, но, может быть, это и к лучшему? Но у тебя, поди, не это в голове сейчас. Ты, наверное, обижаешься на свою Соню, но она поступила очень порядочно: дала тебе возможность проверить свои чувства в разлуке, а ведь могла и не выпускать такого завидного мужа из коготков. Что ж, давай выпьем за мои семьдесят. И ты, Игорь, не отставай.

Ершов был при исполнении, и его Козырев юбилейным стопариком не угостил. А я с удовольствием опорожнил стаканчик.

— Я не смог тебе сделать подарок, — смущенно сказал Митя. — Но он готов предстать перед тобой завтра.

— Предстать? — удивился Козырев. — Значит, это что-то живое. Надеюсь, это не слон, а то он вытопчет весь остров. Кто это? Может, Игорь, это известно тебе? — я глянул на Митю и возражения в его глазах не увидел. — Так кто это?

— Сталин, вернее, его двойник, — сказал я. — Его перехватили прихожане отца Антония.

Козырев ухмыльнулся и добродушно погрозил сыну пальцем.

— А ведь я знаю, зачем ты хотел свести меня с этим Сталиным. Ты хотел, чтобы он сказал мне то, чего не решаешься сказать сам. Ведь так? А что мне твой подарок мог сказать? В чём упрекнуть или обвинить? Я о себе всё знаю сам. Знаю, что я предатель идеалов коммунизма, вор, отнявший собственность у трудового народа. Я уже более двух десятков лет эксплуатирую работяг и требую, чтобы они меня любили, как отца родного. Я понимаю, что я выродок, но именно поэтому считаю себя честным человеком.

— Странная и совершенно необъяснимая логика, — изумлённо воззрился на отца Митя.

— Знал бы ты других героев нашего времени, — насмешливо сказал Андрей Ильич. — И я, не хвалясь, могу сказать, что я лучше их всех в одном смысле, но зато в каком! Объявляю это без всякой гордыни, потому что и хвалиться, в общем-то, нечем, но что имеем, то имеем. Я, мой сын, отличаюсь от всех мерзавцев нашего времени тем, что понимаю, до конца осознаю, что я — негодяй, предатель, отступник. А попробуй, спроси кого другого, того же Горбачёва, осознает ли он свою вину перед Россией? И он скажет: «Если я в чём и виноват, так только в том, что доверился своему окружению, а в нём оказались нечестные люди». Ему и всем коммунистам цекашного разбора, к которым отношусь пусть в самой малой степени и я, нужно собраться на Красной площади, встать на колени и просить у всех народов СССР прощения за своё предательство и отступничество от справедливости. Вот эту картину, Дмитрий Андреевич, тебе нужно было нарисовать самыми крупными и яркими мазками, а ты что-то там набормотал о вранье, о душе, а суть случившегося в России называется просто — предательство, похлеще власовского.

— Тогда в спор-клубе я страшно нервничал, — виновато сказал Митя. — Говорил об очевидных вещах, о житейском вранье. И то это вызвало большой шум. Но в следующий раз обязательно скажу об измене, предательстве и отступничестве. По Данте, совершившие их грешники погружены на самое дно преисподней. И Христос, когда спускался в ад, прошёл мимо них.

— Я не настолько учён, чтобы судить о таких вещах, — сказал Козырев. — Может, ты, Игорь, что-нибудь об этом знаешь?

— Откуда, — запротестовал я. — Вот налить по рюмочке я ещё могу, не пролив ни капли.

Козырев в застольях больше одной стопки водки никогда не выпивал и, отмахнувшись от моего предложения, продолжил гнуть неведомую мне линию в разговоре с Митей, и я должен был быть настороже, чтобы в нужный момент

поддержать босса.

— Ты, Митя, ошибаешься и крепко ошибаешься, когда считаешь, что наши образованные туземцы — это и есть та благодарная аудитория, которая только и ждёт, чтобы услышать твои откровения на тему предательства. Пусть они сами ничего не украли, но предатели почище меня. И ты знаешь, что они предали, от чего отреклись, когда либеральная бражка стала переманивать их на свою сторону?

— Одно какое-то предательство трудно выделить. Предавали ведь всё: и отечество, и его историю, и свой народ...

— Будет перечислять, — остановил его Андрей Ильич. — Всё довольно просто: те, кто сейчас власть: государственная, финансово-экономическая и обслуга режима — все они предали правду. Сказать проще: они не только согласны жить не по справедливости, но даже рвутся жить именно таким способом. Смеху подобно, что ты надеешься найти себе слушателей в спор-клубе. Да тебе не найти во всей России ни одного человека, который бы признался, что он живёт не по справедливости, кроме твоего отца. А как её вернуть — справедливость — всему народу и каждому человеку, она ведь не корова, которая потерялась в лесу и по бренчанию ботала её не отыщешь? Да ты, Митя, никак кривишься? Тебе смешно?..

— Если бы тебе, или кому другому, или всей власти нужна была справедливость, то её бы мигом отыскали, — посмеиваясь, сказал Митя. — Но справедливость никому не нужна, да и кому она может понадобиться, если у всех эффективных собственников и обслуживающей этих крокодилов властной братвы нет стыда. Вот ты, отец, прости за прямоту, умом понимаешь, что ты живёшь не по совести, а сердцем этого не чувствуешь.

Но Андрея Ильича смутить было невозможно. Он съел, не торопясь, ломтик ветчины, запил водичкой и подмигнул мне, мол, не дремли, сейчас начнётся самое интересное.

— Шустряк. Полюбуйся на своего подопечного, Игорь. Кажется, когда он приехал, такой прыти у него не было. Или я ошибаюсь?.. Скорее всего, я не прав, он таким и уродился, как я в своё время, умником. Но ничего, эта блажь ненадолго. Жизнь соскребёт с него все эти благоглупости. Или не так?

— Может быть, я изменюсь, — твёрдо вымолвил Митя. — Но правду изменить невозможно. Никто не спорит — правда незыблема, её нельзя изменить или уничтожить, но можно от неё отвернуться и сделать вид, что её нет и никогда не было на белом свете. Так было во все времена. Но наше время хитрее. Сейчас каждый живёт по той правде, которая его устраивает, которая ему выгодна, и, заметь, даже не отдаёт себе отчёта, что живёт по лжи. Беда России не в убыли населения, не в дураках и дорогах, а в том, что государство построено на лжи, и из-под его основания струится кровавая грязь. И все мы, кто меньше, кто больше, в ней перемазаны.

— Погоди, Митя, — сказал Козырев. — С тобой всё ясно. Честно говоря, я жалею, что не поговорил о русском бунте с тобой раньше. Но ты меня порадовал. Ты не глуп, далеко не глуп. Но сейчас сложились такие обстоятельства, что надо не говорить, а действовать. Ершов! — полковник вошёл с чёрной папкой в руке и положил её на стол перед Козыревым. — Всё собрал?

— Так точно, два раза проверил, — доложил Ершов. — Билет до Лондона. Пересадка в Берлине.

— Я что, должен уехать в Лондон? — по-детски шмыгнув носом, сказал Митя и жалобно посмотрел на меня. В его глазах стояли слёзы.

— Не ехать, а бежать! — строго сказал Козырев. — И как можно быстрее!

— Но почему? В чём я провинился?

Андрей Ильич тяжело вздохнул.

— Это не ты провинился, а я. Провинился тем, что процветание «Народной Инициативы» кое-кому не даёт спокойно жить. Меня как основного держателя акций концерна постоянно прощупывают, ищут слабые места. На сегодняшний день таким слабым местом оказался ты как самый близкий мне человек.

— В чём моя вина? — слабо вякнул Митя.

— Да нет на тебе никакой вины. Прилетев в Москву, ты сразу попал под колпак этих мерзавцев. Они следили за каждым твоим шагом и очень скоро сообразили, что против тебя очень легко состряпать уголовное дело. Я не упрекаю тебя, что ты говоришь всё, что взбредёт в голову, сам когда-то таким был. Они добрались до твоей статейки о бунте, которую ты тиснул в интернете, будучи ещё в Англии. И это даёт основание возбудить против тебя, имея на руках улики, дело. На это наши прокуроры, следаки и полицаи большие мастаки.

— У них на меня есть улики? — деланно удивился Митя. — И как они выглядят?

— Это неплохо, что ты изволишь шутить, — скривился Козырев. — Ершов, какой срок грозит нашему джентельмену, который сомневается в могуществе путинского

правосудия?

— Года два колонии общего режима, если потратиться, — доложил полковник. — Но, скорее всего, деньги не помогут. Даже при самом удачном раскладе ему предстоит изучать лагерную жизнь не меньше двенадцати месяцев.

— Что ему твои слова! — нетерпеливо сказал Козырев. — Покажи ему всё в реале.

— Пожалуйста.

Ершов расстегнул кожаную папку и вывалил на стол десятка три листов бумаги, компьютерные диски, флешку, видеокассеты и фотографии.

— Эта кучка мусора стоила мне кучу денег, — буркнул Козырев. — Продолжай, полковник!

Митя протянул руку и взял фотографию. На ней были запечатлены он и Соня на кровати в её квартире. Коротко взглянул на снимок и, словно обжегшись, швырнул его на пол к ногам отца. Андрей Ильич не поленился поднять, положить фото на стол и нравоучительно произнёс:

— За всё это большие деньги плачены.

— Мне жаль, что я своим приездом так навредил тебе, — сказал Митя. — И Соне. Мне нужно с ней поговорить по телефону.

— На острове введён режим молчания, — объявил Ершов. — И все телефонные переговоры исключены. Кстати, прошу ваши сотовые сдать.

Я расстался со своим телефоном без колебаний, а Митя сдался только после того, как отец приказал ему подчиниться требованию полковника.

— Доберёшься до Лондона и чирикай оттуда сколько душе будет угодно. А сейчас помолчи. Скажи только одно: ты осознал, что тебе нужно уезжать за бугор?

— Если честно, то нет. Как я могу уехать без Сони, она сейчас находится в большой опасности, почти без денег, ведь то, что я вручил ей у вертолёта, очень мало для того, чтобы жить и ни в чём не нуждаться.

Я почувствовал, что и мне пора немного повякать, чтобы хоть как-то оправдать свою зарплату в «Народной Инициативе».

— Насчёт её денежного обеспечения ты можешь быть спокоен. У меня с нею подписан контракт на участие в празднике. Он не состоялся по не зависящим от Сони обстоятельствам, но все деньги будут ей выплачены в ближайшие день-два. На них она сможет благоденствовать несколько месяцев, пока не рассосётся твоя проблема.

— Как нелепо всё вышло! — тяжко вздохнул Митя. — Я и не подозревал, что являюсь разжигателем всех видов розни: национальной, социальной и так далее, которые только перечислены в Уголовном кодексе.

— Под статью о шпионаже, как при Сталине, вас нельзя подогнать, — пустился в объяснения Ершов. — В тридцать седьмом вам за половину вашей статейки о вранье дали бы расстрел. А сейчас у вас есть стопроцентный шанс провести ближайшие пять лет не в тюрьме, а в Лондоне или на Канарах. Демократия. И за что её ругают богатые люди, ума не приложу? Вы, Дмитрий Андреевич, пока не ограничены судом в праве на передвижение. В этом пакете находятся ваш британский паспорт, билеты на самолёт, деньги. Прощайтесь с отцом — и в путь. Счастливой вам дороги!

Митя взял пакет, заглянул в него и, положив на стол, сказал дрогнувшим голосом:

— Это я сам во всём виноват. Приехал насовсем, а за несколько дней наворотил такое, что приходится бежать от правосудия. Прости, папа. Я буду без тебя скучать.

— На этот счёт не беспокойся! — вскричал обрадованный согласием сына на отъезд Андрей Ильич. — В меня вцепились такие крокодилы, что не оставят в покое. Поэтому я скоро вслед за тобой сам явлюсь на туманный Альбион. Вот приведу в порядок дела и приеду к тебе погостить с Алевтиной на полгода или на год. Здоровье поправить, да и на хвалёную Европу погляжу, а то все от неё без ума, а за что?

— Вертолёт на подлёте, — озабоченно произнёс Ершов. — Времени, чтобы долететь до самарских «Курумычей», осталось почти впритык.

— Игорь, — повернулся ко мне Козырев. — Вручаю тебе Митю. Проводи его до самолёта и проследи, чтобы всё было нормально.

Он взял телефонную трубку и требовательно произнёс:

— Аля! Мы тебя ждём. Тебе надо проститься с Митей. Да-да, он уезжает. Вопросы потом!

Андрей Ильич поднялся со стула и подошёл к окну. Над Волгой было безоблачно, ветер утих, но волны ещё колготились, били и накатывались друг на друга. Им, чтобы успокоиться, сравняться друг с другом, растечься водным зеркалом от Чебоксар и до Жигулей, понадобится не менее суток, но ветер в этих краях — незваный и частый гость. Налетит нежданно-негаданно и начнёт тормошить Волгу, раскачивать, понуждать бросаться что есть мочи на берега, обрушивать глиняные склоны и, процедив их, выкатывать на песчаные откосы «чёртовы пальцы» и панцыри моллюсков, которые обитали здесь за сотни миллионов лет до освоения господином Козыревым

Бесстыжего острова.

— Что она там тянется? — недовольно пробурчал Андрей Ильич, и в этот миг задребезжали стёкла окон и послышался отдалённый взрыв.

— Что это? — встрепенулся Митя. — Никак гром? При грозе на вертолёте лететь нельзя.

— Я знаю, что это такое, — хладнокровно произнёс Козырев. — Всем следовать за мной на смотровую площадку, кроме Ершова. Полковник, объявляй боевую тревогу!

В комнату вошла встревоженная Аля. Андрей Ильич без объяснений подхватил её под руку и увлёк за собой на опоясывающую терем крытую веранду, которая имела лестничный выход на крышу, где находилось высокое строение, похожее на капитанский мостик с рулевой рубкой и мачтой.

Внезапно идиллическую тишину речного острова разорвали звуки колоколов громкого боя и дикие вопли ревуна. Шкипер Андрей Иванович, как оказался, недаром получал свои деньги, и все средства оповещения об опасностях, угрожающих обитателям Бесстыжего острова, были в полном порядке и сразу включились на полную мощь. В поисках причины переполоха я посмотрел на Волгу и понял, что Чугун исполнил своё намерение напасть на резиденцию президента «Народной Инициативы», и к острову приближаются с десяток моторных лодок и катеров, ведомых прогулочным «омиком». На нём было не меньше сотни граждан и гражданок, которые размахивали партийными флагами и во всё горло вопили антикозыревские кричалки, и те — волна за волной — накатывались на остров. Вокруг протестной эскадры носился юркий скоростной катерок с кинооператорами и корреспондентами.

— Двадцать секунд прошло! — гневно вскричал Козырев. — И никто не выбежал согласно боевому расчёту.

В ответ раздался пушечный выстрел. Это шкипер перезарядил пушку своего струга и пугнул дымом противников, которые уже заметно приблизились к острову.

— Уволю полковника без выходного пособия! — скрипнул зубами Козырев.

В случае боевой тревоги остров прослушивался насквозь, Ершов услышал своего босса и торопливо доложил:

— Водяные пушки на выходе!

Недалеко от нас находилось пожарное депо, и люди Ершова выкатили из них три на резиновом ходу тележки, которые, и правда, походили на пушки, потому что были оборудованы крупного размера брандспойтами и брезентовыми шлангами. Охранники быстро потащили тележки к берегу, за ними, облаченный в брезентовую куртку, спешил Ершов, но вдруг остановился и задрал голову вверх.

— Они запускают сигнальные ракеты! — быстрее всех сообразил Митя, увидев яркую вспышку.

— Это уже не смешно, — жестко сказал Козырев. — Они собрались поджечь остров.

— Деревья и трава мокрые насквозь после ливня, — сказал Митя. — Огонь вряд ли разгорится.

Мне захотелось рассмотреть нападавших, и я, взяв в рубке бинокль, направил его на вражескую флотилию. И сразу же увидел на идущем впереди катере Чугуна и майора, который допрашивал Митю после молебна на кладбище. Полицай был в цветной рубашке и панаме, но его присутствие говорило о том, что враги Козырева не угомонились и никого не боялись, если решились произвести покушение на частную собственность одного из самых влиятельных лиц области.

Люди полковника тем временем выкатили тележки на причал, подключили к энергопитанию, сбросили всасывающие патрубки в воду и ударили водяным залпом из всех трёх пушек по вражеской флотилии. Первый залп был мимо, но уже следующий накрыл «омик» сначала с кормы, затем с носа. Зазвенели разбитые стёкла палубного помещения и командирской рубки. Свинцовой тяжести струя ударила в рулевого, он изо всех сил цеплялся за руль, но вынужден был покинуть вахту и спрятаться за рубкой. Судно стало разворачиваться по оси, и под водяной обстрел попала уже вся десантно-митинговая публика.

— Ершов!

— Слушаю, Андрей Ильич!

— Отведи пушки в сторону, ополосни остальных. А этим хватит.

Митя подошёл к отцу с виноватым видом и признался:

— Я думал, что меня запугивали, чтобы я уехал. Но теперь вижу, это серьёзное дело.

— Ты же всюду ищешь и ждёшь бунта, — усмехнулся Козырев. — Вот он перед тобой. С одной стороны, жаждущий справедливости народ, а с другой — я, вроде как сатрап капитализма, почти «вешатель», как Столыпин. Через час об этом будет знать вся страна, через полтора часа — вся Европа, поэтому не удивляйся, если в Хитроу таможенники на тебя будут смотреть как на сбежавшего из России путчиста.

— Я зову в Россию бунт как божественное откровение, — строго глянул на отца Митя. — А все протесты, даже восстания — всего лишь давно отыгранное шоу, даже так называемые арабские революции.

Между отцом и сыном готова была завязаться дискуссия, но Чугун и его команда не думали отступать. Воспользовавшись тем, что обороняющиеся прекратили обстрел водяными залпами, они перестроились и стали огибать остров по восточной протоке, чтобы произвести высадку десанта с незащищённой стороны козыревских владений. Перестроение противника не укрылось от Ершова, и он в ответ на запрос Козырева доложил, что для встречи десанта им приняты упреждающие меры, что враг не пройдёт и победа будет за нами.

— Они так и будут кружить до темноты вокруг острова, — буркнул в переговорное устройство Андрей Ильич. — Может, послать Алексея Ивановича на струге, чтобы он протаранил пару-тройку посудин?

— Не стоит, — поразмыслив, сказал полковник. — Это будет несоразмерным с угрозой действием защиты. Но есть возможность постращать их вертолётом. Он уже на подлёте к острову.

— Пусть садится на свою площадку и не глушит мотор, — приказал Козырев.

Мы спустились на хозяйский этаж терема, где нас встретила Люба. Митя взял у неё спортивную сумку с туалетными принадлежностями, коротко простился с ней и Алей и повернулся к отцу.

— Я готов.

— Погоди, — Андрей Ильич подошёл к столу, взял из ящика конверт и протянул сыну. — Я тебя назначаю своим торговым представителем в Европе. В конверте — финансовое обеспечение проекта и примерный бизнес-план.

Митя явно хотел что-то сказать, скорее всего, возразить отцу, но Козырев уже направился на выход. Люба на мгновенье задержала меня, чтобы перекрестить и поцеловать. То же самое благословение она совершила и над Митей, и мы поспешили к вертолёту, который без обычного барражирования над островом, сразу завис над посадочной площадкой, затем стал, покачиваясь, опускаться в середку начерченного на асфальте белого круга.

Прощание отца с сыном было безмолвным. Андрей Ильич пожал Мите руку, крепко обнял, подошёл к вертолету, что-то крикнул лётчику, открыл дверцу кабины и легонько подтолкнул Митю к трапику. Я тоже удостоился дружеского толчка в спину, неуклюже влез в тесную кабину и, упав на сиденье, вцепился в поручень, потому что вертолёт стал набирать высоту. Остров со всем, что на нём находилось, стремительно уменьшался в размерах. Пиратская флотилия Чугуна на огромном зеркале водохранилища выглядела кучкой мусора, на правом и левом берегах открылся полностью, от центра до окраин, знакомый мне город. Вертолёт летел по руслу реки, и вскоре мы достигли Черемшанского залива и взяли направление на окраину Самары, где находился аэропорт «Курумоч».

Митя с отрешённым видом сидел рядом со мной, и я вдруг понял, что мои мытарства с пробирочником подошли к концу. Ещё час-другой, и он исчезнет из моих глаз, возможно, что навсегда, но я так и не понял, с кем имел дело? Мите не нашлось места в моей квалификационной таблице, которую я составил для российских обывателей и продолжал пополнять самыми экзотическими видами как негодяев, так и добродетельных людей. Он не вписывался в мои представления ни происхождением, ни готовностью броситься первому встречному на шею, ни яростным, беспощадным и явно бессмысленным бунтом против российской действительности. Если это так, то Мите уготована жертвенническая участь — гореть муками совести за Россию до своего смертного часа.

И другого пути у него не могло быть.